

1243
А. Н. СПЕРАНСКИЙ

ЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ПРИКАЗА КАМЕННЫХ ДЕЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И

9 68
236

А. Н. СПЕРАНСКИЙ

Дорогой

Св. м. Александр

Яковлев

от адво.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
ПРИКАЗА КАМЕННЫХ ДЕЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

19⁴⁵/_х 300.

При изучении материалов, относящихся к деятельности приказа каменных дел, автор преследовал двойную задачу: с одной стороны—по этим материалам представлялось возможным дать более или менее полную характеристику той части посадского населения, которая известна под именем «записных государевых каменщиков и кирпичников», с другой—установить объем и характер работы ведавшего их учреждения.

Сделать попытку разрешения первой из поставленных задач казалось не бесполезным в связи с теми результатами, которые были достигнуты изучением истории ремесленного труда в Московском государстве, изучением, особенно оживившимся в последние десятилетия.¹ Исследователями, касавшимися истории ремесленного труда в целом или его отдельных сторон, был поставлен на очередь вопрос о монографическом изучении истории не только отдельных видов ремесл в их полном объеме, но и отдельных разрядов ремесленников, занятых данным видом труда. Только при таком ограничении темы предугадывалась возможность достаточно отчетливого установления характерных черт организации отдельных групп ремесленников, выяснения социального значения этих отдельных групп и эволюции их в тех или иных хронологических пределах.

Достаточно беглого ознакомления с документами XVI—XVII вв., касающимися ремесленников, для того, чтобы наметить указанные группы в каждом отдельном ремесле: перед нами то дворцовые рабочие разных специальностей, то казенные ремесленники, живущие на посадах и выполняющие

¹ Имеются в виду работы: Соловьев С. М., Русская промышленность и торговля в XVI в., «Современник», 1857, №№ 1—2. Корсаков А., О формах промышленности вообще и о значении домашней промышленности в Зап. Европе и в России, М. 1861. Соколовский К., К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и нач. XVIII в., «Ученые записки Казанск. Унив.», 1890, кн. 3 (эта статья была написана автором в 1879 г.). Исследования последнего времени: Довнар-Запольский М. В. Организация московских ремесленников («ЖМНП», 1910, № 10, его же, Торговля и промышленность Москвы XVI—VII вв. в изд. «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. 3, в. II, М. 1910. Орлов П., Пришлые рабочие в Москве, «Киевск. Унив. Изв.», 1912. Ефименко Т., Очерк организации ремесленников в Московском Государстве, «Журн. Мин. Юстиции», 1914, № 4. Заозерский А. И., Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П., 1917. Кулишер И. М., Очерк истории русской промышленности, П. 1922. Рожков Н. А., Очерк истории труда в России, М.-Л. 1924. (Первоначально в журн. «Архив истории труда в России», Л. 1921—1924, кн. 5—8). Введенский А., Заметки по истории труда

«казенную» работу (кузницы, плтники), то записные (каменщики, кирпичники, скорняки, портные), то, наконец, «вольные» ремесленники разных профессий, работающие на заказчика и рынок. Все эти своеобразные, в смысле организации, группы отмечаются особыми, только им присущими чертами, без изучения которых история труда в Московском государстве не может быть понята правильно.

Выбор для изучения материалов, относящихся к рабочим каменностроительного и кирпичного дела, а не какой-либо иной профессии, определен состоянием архивных фондов, так как только для данного разряда записных рабочих представлялось возможным подобрать сравнительно значительный материал.

При дальнейшем изучении, когда с полной определенностью наметились хронологические рамки работы, этот выбор был оправдан и тем, что история именно этого разряда рабочих-ремесленников, возникновение и ликвидация их организаций, связывалась с двумя чрезвычайно яркими эпохами экономической истории Московского государства: с одной стороны — с эпохой разгрома крупного боярского вотчинного хозяйства и ожесточенной борьбы остатков этого боярства с выросшим экономически и социально дворянством, с другой — с эпохой захвата посадского населения и дворянских поместий-вотчин разросшимися рыночными отношениями. Условия конца XVI в. вызывают к жизни организацию записных каменщиков и кирпичников; развитие торговли посадов и расцвет их «накануне петровских реформ» разлагают ее.

Не утверждая полной аналогичности эволюции организаций записных ремесленников других профессий (скорняков, портных), решаемся высказать предположение, что в своих существенных чертах эта эволюция не будет отличной от той, которую оказалось возможным проследить на основании привлеченного к изучению материала о записных каменщиках и

на Руси XVI—XVII вв., «Архив ист. труда в России», кн. 3, 6—7. Базилевич К., На старейших полотняных фабриках, там же, кн. 10. Гессен В. Ю., К истории ремесленного труда в древней Руси, там же, кн. 4—5, 8. Специально строительным рабочим посвящена статья Пруссак А., Строительные рабочие в Московском государстве, там же, кн. 8. Статья эта написана на основании только изданных материалов и дает неверное представление о характере организаций записных ремесленников. Бахрушин С. В., Ремесленные ученики в XVII в., Труды Государственного исторического музея, в. III, М. 1926. Смирнов П., П., Московские ткачи XVII в. и их привилегии, Ташкент 1928. Семенов А. И. Новгородские и псковские литейщики XVI—XVII вв. Сборник Новгород. Общ. любителей древности, т. IX, Новгород 1928. Приношу благодарности Историческому отделу Публичной библиотеки им. В. И. Ленина, предоставившему мне возможность воспользоваться для проверки моих сведений рабочей картотекой отдела, а также сотруднице этого отдела О. И. Швецовой, любезно сообщившей мне результаты ее библиографической работы по истории ремесленного труда в России.

кирпичниках. Думается также что именно в этой организации (записных рабочих разных специальностей) приходится искать предшественника того цехового устройства людей ремесленного «состояния», форма которого была заимствована правительством Петра I с Запада, а содержание — из административно-хозяйственной практики Московского государства.

Вторая из поставленных задач — изучение объема и характера деятельности приказа каменных дел — была поставлена в связи с особенностями организации записных каменщиков и кирпичников. Законченное изучение судеб последних возможно было только при одновременном изучении истории ведавшего их учреждения. При этом в отдельных частях предлагаемой работы пришлось, в силу совершенной неразработанности вопроса, уделять изучению истории приказа большее внимание, чем это требовало изучение истории ремесла и его организации самих по себе. В целях возможно большей полноты картины постановки всего каменностроительного дела были введены также вопросы, связанные с историей наиболее квалифицированных разрядов рабочих, находившихся в ведении приказа, хотя и не принадлежавших к «записным» ремесленникам в тесном смысле этого слова.

Требование монографического изучения отдельных приказных учреждений в целях уяснения особенностей сложной системы центрального административного управления, сложившегося в Московском государстве к концу XVI в. и развивавшегося в течение первых трех четвертей XVII в., также является одним из очередных вопросов русской исторической науки. В этом отношении данная работа является попыткой дополнить те сведения, какие имеются у нас, и продолжить монографическое изучение приказов, начатое Н. П. Лихачевым, И. Гурляндом, С. А. Белокуровым, А. И. Яковлевым, С. К. Богоявленским и др.

Но указанное расширение темы не могло не отразиться на архитектонике всей работы. При выяснении всех вопросов, связанных с организацией каменностроительного дела в целом, казалось целесообразным изучение истории записных каменщиков и кирпичников ввести в общие рамки изучения учреждения, в котором оно было ведомо.

Не претендуя на исчерпывающую полноту «Очерков», на неоспоримость сделанных выводов, автор будет считать свою задачу выполненной, если предлагаемый материал поможет, хотя бы до известной степени, уяснить ход развития ремесленного труда изучаемой эпохи и будет не бесполезным при дальнейшем выяснении тех или иных вопросов, с ним связанных.

Автор считает приятной обязанностью принести глубокую благодарность своему учителю проф. С. Б. Веселовскому и профессорам С. В. Бахрушину и Е. А. Мороховцу, к которым

он не раз обращался за советами и указаниями при подготовке работы к печати, а также С. К. Богоявленскому, благодаря любезному указанию которого представилось возможным ввести в изучение ряд остававшихся автору неизвестными дел, позволивших с большей полнотой рассмотреть некоторые из входящих в поставленную тему вопросов.

При указаниях в подстрочных примечаниях неизданных архивных документов и изданных архивных фондов приняты следующие сокращения:

- Город. кн. — Государственное древлехранилище в Москве, б. архив Мин. иностр. дел, фонд городских книг.
- ПДНЛ — Там же, фонд приказных дел новых лет.
- Писц. кн. — Там же, б. архив Мин. юстиции, писцовые и переписные книги.
- ПДСЛ — Там же, б. архив Мин. иностранных дел, приказные дела старых лет.
- Разр. Вязк. — Там же, б. архив Мин. юстиции, документы Разряда, разрядные вязки.
- Ст. Бел. Ст. — Там же, столбцы Белгородского стола.
- Ст. Моск. Ст. — Там же, столбцы Московского стола.
- Ст. Новг. Ст. — Там же, столбцы Новгородского стола.
- Ст. Ор. Ст. — Там же, б. Московское отделение архива Мин. двора, столбцы Оружейной палаты.
- Ст. Прик. Ст. — Там же, б. архив Мин. юстиции, документы Разряда, столбцы Приказного стола.
- Ст. Разн. Ст. — Там же, столбцы разных столов.
- Ст. Севск. Ст. — Там же, столбцы Севского стола.
- Ст. Сиб. Пр. — Там же, б. архив Мин. юстиции, столбцы и книги Сибирского приказа.
- Ст. Смол. Пр. — Там же, столбцы и книги приказа княжества Смоленского.
- АИ — Акты исторические.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
- ЖМНП — Журнал Мин. нар. просвещ.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- ПСЗ — Полное собрание законов.
- ПСЛ — Полное собрание русских летописей.
- Св. Щук. — Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, М. 1896—1900.
- СГТД — Собрание государственных грамот и договоров.
- Успенский — Успенский А., Столбцы б. архива Оружейной палаты, вв. I—III

Время возникновения приказа каменных дел по данным документов. Организация каменностроительного дела в XV и XVI вв. Экономический кризис второй половины XVI в. Необходимость принудительного привлечения рабочей силы

I

«С 7092 по 7157 г., при великих государях, царях и великих князьях Иоанне Васильевиче, Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче давали жалованные грамоты обжигальщикам, подмастерьям, подвзящикам и каменщикам, по коим велено их во всяких делах ведать в приказе каменных дел, а в иных приказах ни в чем их не ведать».

Так начинается выписка из «Книги приказа каменных дел, 1700 г.», сделанная для комиссии по сочинению Нового Уложения. Вслед за этой фразой в выписке дается перечисление прав и обязанностей указанных групп ремесленных людей и сообщаются некоторые другие сведения, имеющие к ним отношение.¹

Только в этом документе начала XVIII века и содержится прямое указание на дату организации интересующего нас приказа, дату, очевидно, заимствованную автором цитированной выписки из упоминаемой им приказной книги, до нас не дошедшей или пока еще не найденной.² Но документов

¹ Госуд. древлехр. в Москве, документы б. Архива Мин. Юстиции, По каменному приказу книга № 1, лл. 25—27. Выписка эта была опубликована Ивановым П., Описание Госуд. архива старых дел, М. 1850, стр. 20—21, прим. «а». Ср. Чулков М., Опис. российск. коммерц, М. 1786, т. VI, кн. 2, стр. 7—10.

² В исторической литературе организация приказа каменных дел относится различными исследователями то к эпохе Грозного, то к царствованию Федора Ивановича и Бориса Годунова и его сына, то к эпохе Федора Алексеевича. Первым исследователем, собравшим значительный материал по приказу каменных дел, был Г. Ф. Миллер (О старинных московских приказах, в Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 321—23; о принадлежности этой статьи Миллеру—в «Чт. в Общ. и Древн. Росс.», за 1899 г., в отделе «Смесь» заметка И. Гурлянда, стр. 20—22). Миллер относит возникновение приказа каменных дел ко времени царствования Федора Годунова. У Миллера эти сведения заимствует Л. Максимович, хотя ему, повидимому, была известна и приведенная выписка, пересказанная автором в предисловии к «Указателю», вне связи с изложением сведений о приказах (Указатель российских законов, 1803. Предисловие, стр. IX и XXIII. Те же сведения находим у Г. Успенского. Опыт повествования о древностях русских, Харьков 1818, стр. 310). А. К. Неволлин,

современных начальному периоду деятельности приказа каменных дел, которыми прямо бы подтверждалась указанная дата, до нас не дошло, и для проверки ее приходится обращаться к данным другого рода, косвенным путем указывающим если не точную дату, то наиболее вероятные хронологические рамки, в пределах которых могло возникнуть данное учреждение.¹ Такие сведения, прежде всего, мы находим в жалованных грамотах каменщикам и кирпичникам, с упоминания которых начинается и цитируемая выше выписка. Именно этими грамотами создавался на посадах особый разряд населения, изымавшийся из общей подсудности провинциальной администрации и подчинявшийся административно-судебной власти особого учреждения,² которое, очевидно, и должно было организоваться одновременно с выдачей такого рода пожалований.

различая вслед за Миллером два каменных приказа: один, организованный Грозным, и другой—Федором Алексеевичем, «дворцовый» в 1682 г., — повторяет указания Миллера, не высказывая своего взгляда (Образ. упр. в России от Иоанна III до Петра В. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 156. Первоначально в «ЖМНП», 1844). Е. Е. Замысловский, повидимому, отождествляет оба приказа; приказ каменных дел, по его мнению, организован Годуновым (Царствование Федора Алексеевича, т. I, Спб. 1871, стр. 06). М. М. Михайлов в своей «Истории русского права» связывает происхождение приказа каменных дел с деятельностью земского приказа. По его мнению, не подтвержденному ссылками на соответствующие документы, «от земского приказа зависели некоторые второстепенные учреждения, которые носили также наименование приказов. Так, когда народонаселение Москвы слишком увеличилось, когда постройка домов значительно умножилась, тогда для заведывания строительной частью в Москве был учрежден каменный приказ, подчиненный земскому приказу» (стр. 269—270). Ту же мысль повторяет И. Д. Беляев: «При царе Иване Васильевиче от земского приказа было отделено особое ведомство городских построек, называвшееся каменным приказом». (Лекции по истории русского законодательства, М. 1879, стр. 502). В. И. Сергеевич, не касаясь вопроса о датировании возникновения приказа, суживает его функции, предполагая, что он заведывал постройкой каменных зданий только в Москве (Лекции и исследования, изд. 4, Спб. 1910, стр. 288). В. Гамбургцев обходит вопрос о времени возникновения приказа каменных дел уклончивой фразой: «Его (приказа А. С.) основание относят к последнему году царствования Ивана Грозного и связывают с именем Годунова, когда им было выдано на построение каменных домов 250 тыс. руб.» (Архитекторская команда. Очерк моск. учрежд., ведавших строительное дело. М. 1894, стр. 3). Последующие исследователи, касавшиеся в той или иной связи этого вопроса (В. В. Шереметевский, Каменный приказ и его дела, в Опис. докум. и бум. АМЮ, т. VIII; В. Рудakov, Каменный приказ, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, полутом 27, стр. 157; П. М. Майков, Иван Иванович Бецкой, П. 1904, стр. 74, прим.; В. В. Згура, Старые русские архитекторы, М. 1923), считают датой основания приказа 1584 г. К утверждениям Миллера возвращается И. И. Вернер в своей работе «О времени и причинах возникновения московских приказов», М. 1907, стр. 45—49.

¹ По предположению И в а н о в а П., делопроизводство приказа каменных дел погибло во время московского пожара 1737 года.

² «Судить их на Москве в каменном приказе на три срока...» (ДАИ, т. II, № 78).

Даты первых жалованных грамот, если бы они были нам известны, определяли бы с точностью и время возникновения ведавшего их приказа. К сожалению, подлинные первые грамоты XVI в. до нас не дошли,¹ и мы с текстом их знакомимся только по позднейшим документам, относящимся ко времени царя Михаила Федоровича, к которому «записные государевы каменщики и кирпичники» обращались с челобитными о переписании «на его царское имя» прежних жалованных грамот, чтобы сохранить за собой льготное положение беломестцев, утраченное в период Смуты.

С таким именно челобитьем в 1623 г. обратились к Михаилу Федоровичу владимирские кирпичники, причем заявили: «Прежде деи сево до Московского раззорения делали они в Смоленску и на Борисову и в Володимере и на Москве, и ныне наше кирпичное дело в Володимере делают же, а живут деи они иные на тяглой, а иные на оброчной земле, и им деи ото всяких людей чинитца продажа и насильство великое...»² Воспоминания владимирских старожилов не шли дальше постройки г. Борисова, укрепленного при Борисе Годунове, и обнесения каменными стенами Смоленска в 1596 г.³

Но челобитные, подававшиеся каменщиками и кирпичниками других посадов, относят время организации разряда «записных» ремесленников каменностроительного и кирпичного дела, а, следовательно, и время организации приказа каменных дел, к более раннему периоду. В одной из своих жалоб на посадских людей тверские записные каменщики писали: «А в прошлых де годех дедом и отцом их и им даны блаженные памяти великих государей Федора Ивановича... и... Михаила Федоровича... жалованные грамоты, что быть им в каменщиках и кирпичниках и жить на белых местех...»⁴ В подобного же рода челобитьи тульских кирпичников сообщается точно и год выдачи им такой грамоты; они били челом, «положив» при этом старую их жалованную грамоту, выданную царем Федором в 7095 (1586—1587) г.⁵ Судя по этой грамоте, в указанном году тульские кирпичники впервые были организованы в особую корпорацию, отведенную от посада «во всяком тягле и податех», и за это обязаны новой государственной повинностью— «ежегодь ходить к государевым кирпичным делам».

Что на Тульском посаде этот разряд беломестцев был только что создан в указанное время, подтверждается данными писцовой книги 1587—89 гг. В описи лавок посадских людей этой книги

¹ Веселовский С. Б., проф., К вопросу о происхождении вотчинного режима, М. 1926, стр. 80.

² «Владимирские губ. вед.», 1862, № 44.

³ Соловьев С. М., История России, изд. «Общ. Польза», т. II, стр. 638, 732.

⁴ ПДСЛ, 1679 г. № 366, л. 11.

⁵ Грамота тульским кирпичникам напечатана в Щукинском сборнике, т. III, стр. 166—168, в «Моск. телеграфе» за 1830 г., № 15. Копия XVII в. указана в исследовании Веселовского С. Б., указ. соч., стр. 125.

писцы, между прочим, отметили: «лавка кирпичника... бывал посацкой, торгует горшками», «...лавка кирпичника... бывал посацкой черной человек, прибегает в осадное время» «...лавка кирпичника... бывал черной человек». ¹ Подчеркивание писцами изменившегося податного состояния кирпичников указывает на то, что это изменение произошло недавно и, вероятно, между двумя смежными описями посада. Известно, что Тульский посад незадолго перед этим, в 7093 (1584—1585 г.), описали К. А. Наумов и В. Владыкин с подьячими, книги которых в качестве приправочных и были даны составителям цитированной описи. ² Изменение в составе посадского тяглого населения Тулы между этими двумя переписями и указывается отметками писцов: «бывал посацкой», «бывал посацкой черной человек». Это изменение произошло, следовательно, незадолго перед переписью и, возможно, во время ее.

Но в то время, как на Туле записные кирпичники только что вводились, на других посадах они уже существовали, как об этом свидетельствуют другие грамоты. ³ В челобитной коломенских кирпичников, поданной в 1622 г., т.-е. в одном году с челобитьем тулян, сообщалось, что сами челобитчики и деды, и отцы их прежним государем Ивану Васильевичу и Федору Ивановичу кирпичную службу служили». ⁴ Писцовая книга по Коломне 7086 г. (1577—78 гг.) отмечает на посаде слободу каменщиков, состоящую из 9 дворов, и слободу белую кирпичников из 8 дворов, а в торговых рядах несколько лавок каменщиков и кирпичников, один полок и одну скамью, обложенные оброком. ⁵ Однако никаких прямых указаний на то, что в 70-х годах в Коломне были записные каменщики и кирпичники, книга не дает, а близость Коломны к дворцу и местонахождение там значительных дворцовых построек и служб лишают уверенности в том, что каменщики, упоминаемые книгой, не были просто дворцовыми великокняжескими, а позднее царскими рабочими. Поэтому едва ли можно на основании лишь этих записей писца сделать заключение о существовании приказа каменных дел в указанное время. С уверенностью можно утверждать только то, что на Коломне разряд записных ремесленников данной специальности существовал уже при Грозном, следовательно, ранее пожалования грамоты тульским кирпичникам.

¹ Калачов Н. В., Писцовые книги, т. I, отд. 2, стр. 1074—76, 1084.

² Веселовский С. Б., Сошное письмо, т. II, М. 1916, стр. 635.

³ С. Б. Веселовский справедливо полагает, что эта грамота писана уже по установленному тексту. (К вопросу о происх. вотчинного режима, стр. 80). О сборе каменщиков и кирпичников первоначально только с замосковских посадов свидетельствуют данные писцовых и переписных книг XVI и XVII вв.

⁴ Довнар-Запольский М., Орган. ремесл. в Московск. гос., ЖМНП, т. X, 1910.

⁵ Калачов, Писцовые книги, т. I, стр. 311, 314, 315, 316, 317.

На время Грозного указывает и грамота, выданная царем Михаилом Федоровичем костромским кирпичникам. В своем челобитьи, аналогичном первым двум, костромичи писали, что старая их грамота, выданная царем Иваном Васильевичем, в московское разорение утерялась.¹ Писцовых книг XVI века по Костроме не сохранилось,² и никакими дополнительными сведениями о времени возникновения на костромском посаде организации записных каменщиков и кирпичников мы не располагаем.

Таким образом, как показаниями жалованных грамот, так и скудными данными, извлекаемыми из других источников, устанавливается только факт существования уже при Грозном приказа каменных дел, но никаких более точных данных о времени его возникновения мы не имеем.

Едва ли может помочь найти ответ на этот вопрос и дошедшее до нас свидетельство Горсея, на основании которого возможно было бы предположить организацию Грозным учреждения такого рода в 70-х годах XVI века. Изобразив в своих «Записках» нашествие на Москву Девлет-Гирея, Горсей сообщает, что царь, сбежавший в Вологду, не выражал особого желания возвратиться в Москву. «Однако же он отправил из всех городов своего государства лучших купцов, ремесленников и промышленников селиться в Москву, строиться там и привлечь туда торговлю; освободил их от всяких налогов и пошлин, послал 7 000 каменщиков и работников обнести Москву крепкой и красивой стеной, которая была окончена за 4 года и уставлена хорошими медными пушками».³

Если бы можно было положиться на эти сведения, то время первых принудительных мобилизаций рабочих каменностроительного дела и, следовательно, время организации учреждения, ведавшего их судом и расправой, падало бы на конец 70-х годов, в параллель с приведенными выше сведениями писцовой книги по Коломне. Но в известии Горсея ряд неточностей. Грозный в ожидании нашествия Гирея вышел в Серпухов с опричным войском и отступил к Александрову, затем к Ростову из соображений стратегического характера, так как был отрезан от главных сил, а в конце 1571 г. он уже находился в Новгороде, где принял на себя руководство военными действиями против шведов. В Москву переселены были торговые люди не всех посадов, а только Новгорода и Пскова, причем первое массовое переселение предшествовало татарскому разорению.

¹ ДАИ, т. II, № 78. Такая же грамота с другого списка в «Костр. губ. вед.» за 1857 г. № 13, часть неофиц. стр. 95—97.

² Веселовский С. Б., Сошное письмо, т. II, 603; ср. Смирнов П. Заметка к истории г. Костромы. В Юбилейном сборнике этнографического кружка при Университете св. Владимира, К. 1914, стр. 301.

³ Горсей, Путешествие в Московию, перев. Ю. Толстого, М. 1907, стр. 11—12.

а второе (меньшее) состоялось действительно после него.¹ Очевидно, допущена такая же хронологическая ошибка и в особенно интересной для нас части сообщения, говорящего о строительной деятельности Грозного. Здесь речь идет, повидимому, о возведении стен Белого города, который, как известно, «зачат бысть делать в 95 году и совершен бысть вскоре».²

В 70-х годах, непосредственно после набега Гирея, несомненно была произведена починка стен и некоторых зданий, попорченных пожаром, но едва ли возможно предполагать осуществление широкой строительной программы правительством Грозного, которое в это время не могло затрачивать на это ни значительных средств, ни сил, истощенных продолжающейся войной.

Изучение показаний документов XVI в. приводит, таким образом, к выводу, что организация приказа каменных дел была проведена не позднее 7092 г., т.-е. конца 1583 г. или самого начала 1584 г. нашей эры, так как в марте этого года Грозный умер,³ а некоторые из грамот были даны, как мы видели, еще от его имени. Организация записных кирпичников в Туле при его преемнике и указание тверских каменщиков на то, что и в Твери впервые они получили жалованную грамоту от имени царя Федора, позволяют думать, что приказ каменных дел возник в последний год жизни Грозного и при его преемниках, т.-е. в эпоху фактического сосредоточения в руках Бориса Годунова всей власти, продолжал развлекать только что начатую организационную деятельность.

Но прямых указаний на это ни в одном документе, современном начальному периоду истории приказа, не имеется, и поэтому возникает вопрос о возможности установления другой предельной даты, ранее которой трудно, или прямо невозможно, предполагать его существование. Решение этого вопроса возможно найти только в изучении общего состояния Московского государства в данное время, причем изучение это будет необходимо сосредоточить на тех сторонах экономической и социальной жизни страны, изменения в которых могли поставить вопрос об организации правительственного учреждения с такими функциями и компетенцией, какими обладал приказ каменных дел. Это изучение необходимо произвести и потому, что только таким путем возможно вскрыть настоящий характер этого учреждения, получить отчетливое представление о причинах, вызвавших его появление, и о природе тех организаций записных ремесленников, для управления которыми он был создан.

По материалам XVII в. мы знаем, что приказ каменных дел имел в своем распоряжении подмастерьев каменных дел, подвязчиков, записных каменщиков, обжигальщиков кирпича

¹ Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 223—26, 256, 380.

² Симоновская летопись, стр. 37.

³ Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 325.

и записных кирпичников. Он заботился о своевременном вызове этих рабочих с посадок к началу строительного сезона и распределял их по намеченным к производству работам. Он же вел заготовку строительных материалов, заведя кирпичными сараями и каменными ломками, снабжал ими правительственные, а иногда и частные постройки. Такие же функции, очевидно, возложены были на него и в первые годы его существования. Следовательно, для разрешения вопроса о причинах, его вызвавших, и о времени, когда потребность в нем стала особенно настойчиво сказываться, необходимо будет рассмотреть дошедшие до нас сведения о состоянии каменностроительного дела в Московском государстве в предшествующее время, о способах привлечения на постройки рабочей силы и о формах организации производства строительных материалов, о наличии квалифицированных рабочих строительного дела и о степени нужды в них. На основании сделанных наблюдений и можно будет наметить тот хронологический момент, когда правительство Московского государства было поставлено перед необходимостью включить каменностроительное дело в число звеньев сложной системы разверстки общественных служб и повинностей между отдельными государственными «чинами».

II

Одной из важных забот всех русских великих князей было укрепление границ их владений. Поставить надежный упор на пути возможного неприятельского вторжения, обнести крепкой стеной свою резиденцию—было постоянным стремлением едва ли не каждого из них, так как князь прежде всего являлся организатором военной обороны земли, находящейся под его управлением. Но в XIII и в первой половине XIV века в большинстве случаев представлялось возможным ограничиться высоким деревянным острогом, который успешно защищал осажденных от вражеских стрел и копий. Изменилось положение во второй половине XIV века, когда на полях сражений появляется артиллерия. «Лета 6897, — отмечает летописец, — вывезли из немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часа уразумели из них стреляти». ¹ Одновременно «уразумели» и необходимость замены деревянных крепостных сооружений каменными. В 1366—67 годах князь великий Дмитрий с братом князем Владимиром Андреевичем «замыслиша ставить город Москву камен и еже умыслиша, то и сотвориша, тою бы зими и камень повезше ко граду». ² В Новгородской и Псковской землях в то же время, кроме уже существовавших

¹ Карамзин Н. М., Ист. государства Российского, т. V, изд. Евдокимова, П. 1892, прим. 136, стр. 47.

² ПСЛ, т. VIII, стр. 14, т. IX, стр. 8.

каменных укреплений Пскова и Новгорода, создаются каменные крепости на путях, ведущих к этим центрам. В 1352 году заложен каменный Орешек.¹ «В лето 6892 поставиша новгородцы город камен на Луге, на Яме...» В 1386—87 г.: «Благослови Владыко Алексей весь Новгород ставити город Порхов камен, и послаша новгородцы Ивана Федоровича и Фатьяна Есиповича и построиша город Порхов камен». ² Пятнадцатью годами ранее «князь Дмитрий Константинович Суздальской Новгорода Нижнего заложил Новгород Нижний камен». ³ По показаниям летописей эти укрепления создавались силами и средствами всей заинтересованной в их существовании земли. Но можно предполагать, что квалифицированных мастеров, а иногда и чернорабочих, нанимали на собранные от населения средства. Об этом говорит позднейшая практика. Так в 1430—31 гг. «собрание было ноугородцем город ставити, а подкручали четвертый пятого». ⁴ В 1417 г. «псковичи посадики и весь Псков наяша мастеров и сделаша стену... и других наймитов наяша и поставиша костерь, и поимаша то серебро на кормчитех». ⁵ В 1465 г. «перси свершиша у Кромю, месяца августа в 30, а делаша 80 мужей наймитов по три лета, а взяша дела своего 175 рублей» и др. ⁶

Организаторами и инициаторами построек были удельные князья, города, иногда духовные власти. С постепенным расширением Московского государства и с постепенной инкорпорацией им удельных княжеств вместе с властью над новыми территориями переходила к великому княжеству Московскому и забота об укреплении широко раскинувшихся пределов княжества. Организация оборонительных мероприятий на окраинах становилась делом центральной власти. Но порядок найма сохранен был и теперь: в 1490 г. «повелением великого князя поставлен в Нове-городе Великом град камен; две части града ставили великого князя казною, а треть владыка Геннадий своею казною». ⁷ В 1517 г. разрушенную стену в Пскове починяет Иван Фрязин, «а камень возиша священницы, а стала 40 сажен великому князю в 700 рублей, опроче повозу поповского, а псковичи песок носили, решетом сеючи». ⁸ В Новгороде, впрочем, по сравнению с прежним, в большей степени были привлечены к постройке горожане. Новгородцы, вспоминая старую практику, возмущались новыми порядками, введенными московским правительством в 1534 г. «А при державе государя в. к. Ивана Васильевича всеа Руси и сына его

¹ ПСЛ, т. III, стр. 227.

² Новгород. летопись первая, стр. 93, 94. Новгород. летопись, т. II, стр. 131.

³ ПСЛ, т. IX, стр. 18.

⁴ ПСЛ, т. XII, стр. 9.

⁵ Карамзин, т. V, прим. 254, стр. 100.

⁶ ПСЛ, т. XII, стр. 229.

⁷ Карамзин, т. VI, прим. 629, стр. 95.

⁸ ПСЛ, т. XII, стр. 290.

государя великого князя Василия Ивановича всеа Русии, оне бо государи управляху свою вотчину Великий Новгород 60 лет и множае, а не таков бе обычай град ставити; и егда ставити город ино воставляху всего областию Новгородской земли волостми, елико их есть во всей Новгородской земли и области». ¹

Но не только сооружение каменных строений военного значения переходило к центральной власти. Великие князья, как и удельные, в своих владениях были строителями и каменных церквей. Летописи пестрят известиями о постройках ими каменных храмов, и едва ли одни благочестивые заботы о душе заставляли князей делать это. Каменные стены храма были не только местом молитвы, но служили и надежной кладовой для имущества состоятельных людей на случай частых пожаров, как равным образом служили убежищем во время осады. С уничтожением самостоятельности княжеств и это дело переходило в руки великих князей московских. Они наравне с местными купцами, боярами и духовными властями являются строителями каменных церковных зданий не только в Москве, но и в других городах.

И в этих случаях, как при производстве работ на правительственные средства, так и на частные, характер организации привлечения рабочей силы остался прежний: постройки производились силами наемных рабочих.

В 7004 (1495—96) году в Кириллове монастыре была поставлена церковь Успения, ставили пять месяцев, стала 200 рублей. Каменщиков и стенщиков 20 мастеров. Большой был Прохор Ростовский». ² В 1536 году в Новгороде строилась церковь Бориса и Глеба, «мастеры быша урочные новгородские, 20 человек больших мастеров, и даша от дела мастером 50 рублей и три Новгородскую». ³ Позднее за пристройку к той же церкви притвора, сданную также «на урок», т.-е. сдельно, мастера получили 13 рублей новгородских. ⁴

Нет необходимости увеличивать число этих примеров. Рабочая сила, как правило, нанимается, но распорядителем этой рабочей силы в XV и XVI веках нередко было особое лицо, которому князем поручалось наблюдение за всей постройкой. Это так называемый «нарядчик», на которого возлагались не только наблюдение за ходом работ и руководство ими, но, повидимому, и организация всей финансовой стороны дела. О таких нарядчиках вспоминали в Новгороде в эпоху московского владычества. Жалуясь в 1534 г. на то, что только одному городу велено ставить городскую стену, новгородцы говорили, что прежде новгородские люди «толико кто пригоже, с торговых с рядов нарядчики были». ⁵ При постройке моста через

¹ ПСЛ, т. VI, стр. 296.

² «Временник», 1850 г., т. VIII, «Смесь», стр. 50.

³ ПСЛ, т. VI, стр. 300.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ Там же, стр. 293.

Волхов нарядчиком был Филат Бобровник. В 1467 г. в Москве великая княгиня решила произвести заново постройку церкви Вознесения, которая в течение 62 лет стояла недостроенной: «И, помыслив о сем, Василий Дмитриевич Ермолин с мастера» посоветовал не разбирать попорченных пожаром стен, а только отремонтировать их. «И не разбираша, но изгорелое камень обложиша, и своды розбиша и сделаша новым камнем и кирпичем, яко всем дивитися». ¹ И. Е. Забелин о том же Ермолине говорит, что «при постройке Успенского собора заведывание и попечение о постройке вначале были поручены Вас. Ермолину и Ив. Влад. Голове. Но промеж них произошла пря, разноголосица, и Ермолин отступился от всего наряда, а Голова начал наряжати... Ермолин, быть может, был правее Головы, так как имел более опытности и более толка в строительных делах, хотя и не был зодчим, архитектором, а только представителем, т. е. попечителем дела». ²

Таким образом, на основании сохранившихся отрывочных сведений, характер организации строительной работы в XV и начале XVI века рисуется в следующих чертах: средства отпускались из великокняжеской или частной казны, назначался нарядчик, который и вел все дело, чернорабочие привлекались преимущественно посредством найма, в редких случаях, как это имело место при постройке городов, в порядке принудительном, квалифицированные же рабочие всегда нанимались, причем они приходили на работу иногда издалека.

Летописи сохранили нам и названия городов, которые славились каменностроительными рабочими, откуда они и разбредались по территории Московского государства. Славился ими прежде всего Великий Новгород, являвшийся пунктом непосредственного соприкосновения Московской Руси с технически обогнавшим ее Западом. Известно, что жившие в Новгороде немцы обращались за удовлетворением своих потребностей по жилью и по постройке храмов не к местным силам, а к своим соплеменникам, на родину. Они вызывали оттуда плотников, кирпичников и каменщиков, которые осматривали состояние построек немецкого двора, покрывали крышу церкви, исправляли ее фундамент и т. п. Известно, что и сами новгородцы пользовались услугами немецких мастеров, а от них учились и местные новгородские каменщики. ³ Недаром про каменщиков-новгородцев летописец говорит, что они «от немец пришли, навывкии такому делу каменосечной хитрости», ⁴ а псковские

¹ Софийский Временник, т. II, стр. 93; ПСЛ, т. XII, стр. 118.

² Забелин И. Е., История города Москвы, ч. I, М. 1908, стр. 113, 114. «Предстателем» подчеркнуто И. Е. Забелиным.

³ Никитский А. Н., Очерк эконом. быта Вел. Новгорода, М. 1893, стр. 195—198; Софийский Временник, т. II, стр. 142—175. Карамзин, т. VI, стр. 47.

⁴ ПСЛ, т. XII, стр. 156.

мастера при постройке Успенского московского собора играют роль экспертов.¹ Кроме того, были известны мастера тверской земли, которые в 1535 г. «за полсемьдесят рублей московския» поставили церковь в Хутынском Валаамском монастыре.² Упоминаются ростовские мастера, строившие церкви в монастырях Спасо-Каменном, в Кирилло-Белозерском, Борисоглебском Ростовского уезда.

Остается недостаточно выясненным для казенных построек вопрос о способах заготовки в то время строительных материалов, т. е. белого камня (а позднее кирпича), глины и пр. Глину и песок на частных и на казенных постройках заготавливали в ближайшем от постройки месте, вероятно, силами тех же работных людей. Равным образом и другие материалы—белый камень, а позднее кирпич—строители частные лица, в большинстве случаев бояре и духовенство, иногда купцы, заготавливали «хозяйственным способом». Для организации такой заготовки белого камня в половине XVI в. Троице-Сергиев монастырь исходатайствовал себе право повсеместной ломки камня для своих строительных работ. Таким правом в позднейшее время пользовался Спасский Ярославский монастырь. Иначе и не могло быть, так как каменщики-рабочие могли продать нанимателю только свою рабочую силу, предоставляя самим хозяевам постройки заботиться о строительных материалах. Предприниматель-подрядчик еще отсутствует в это время. Занося в летопись известие о постройке церкви в Хутынском монастыре, летописец отмечает: «А весь запас и наряд—домовой».³ С этим условием приходится встречаться и в позднейших порядных частных каменщиков на постройки в XVII в. в тех случаях, когда они выступают без состоятельного подрядчика. Таким же способом заготавливался и кирпич. В межевой грамоте Клобукова монастыря 1512 г. при перечислении земель упоминается земля Фроловская, «на которой земле кирпич делали на большую церковь».⁴

При возведении казенных построек и в XVI в. вероятно практиковался тот же способ заготовки строительных материалов, который описывает Котошихин для XVII в. Рассказывая о приказе каменных дел, он между прочим сообщает: «А камень белый тесанный и неочищенный привозят из тех городов (в которых есть каменоломни. А. С.) уездные крестьяне, на кого сколько в году положено поставить вместо иного оброку».⁵ Кирпичные сараи позднее были организованы в

¹ Софийский Временник, т. II, стр. 142.

² Никольский Н., Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII в., т. I, в. 1. Спб. 1897, стр. 24, 88.

³ ПСЛ, т. VI, стр. 296.

⁴ Юшков А. И., Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ, ч. I, М. 1898, стр. 75, № 89.

⁵ Котошихин Г., О России в царствование Алексея Михайловича, Спб. 1859, стр. 91.

дворцовом хозяйстве так же, как они были и у некоторых частных вотчинников. ¹ Доставка необходимых для производства «запасов», т. е. глины и песка, а равным образом и строительных материалов на постройки, производилась в порядке отбывания повинности крестьянским населением уездов. На это указывают жалованные грамоты XVI в. монастырям — Симонову и Троице-Сергиеву. Первый получил такую грамоту в 1565 г. Этой грамотой монастырские люди, на ряду с другими льготами, жаловались и тем, что они «ни камени, ни извести не возят». ² Жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю была дана Борисом Годуновым. Ею он освободил этот монастырь от поставки подвод «под камень и под известь» к смоленскому городскому делу. ³ Несомненно, что отбывание этой повинности имело место и при более ранних постройках не только в начале XVI в., но, вероятно, и в XV веке.

В первой половине XVI века мы можем видеть, что все эти установленные предыдущей практикой способы организации каменностроительного дела и заготовки запасов сохраняются. Положение изменилось только в одном отношении: рядом с «нарядчиком» появляется иноземец-архитектор. ⁴ И не случайной является эта новость для конца XV и начала XVI века. Именно в это время в Московском государстве остро начинает чувствоваться потребность в ученом архитекторе, которым необходимо было заменить русского мастера, работавшего по старине. Определялась эта потребность все большим несоответствием московской строительной техники с выросшими общественными нуждами, требовавшими сооружения очень значительных по размерам зданий, а также и дальнейшими изменениями в области военной техники, заставлявшими изменять соответственным образом крепостные сооружения. Между тем русские мастера, успешно возводившие небольшие здания, не в состоянии были справиться с техникой постройки значительных сооружений. И в XIV и в XV вв. летописи довольно часто отмечают строительные катастрофы. Так, в 1380 году «падеся церковь камена на Коломне уже свершена дошедши, иже был создал князь великий Дмитрий Иванович». ⁵ В 1435—36 гг. новгородский архиепископ строит у себя во дворе каменную церковь во имя Иоанна Златоуста: «того же лета и свершена

¹ Дворцовые сараи были за Андроньевским монастырем в Москве. Соф. Временник, т. II, стр. 144. Смирнов П. П., Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, в. I, Киев, 1917, стр. 104.

² Попов Н., Собрание рукописей Моск. Симонова монастыря, «Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1910, кн. 2, стр. 100 и отдельно.

³ Шумаков С., Сотницы. «Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1902, кн. 2, стр. 181 и отдельно.

⁴ При постройке церкви Успения в Тихвине нарядчиком был Дмитрий Сырков, а мастер — Фрязин из Москвы. Карамзин, т. VII, прим. 383, стр. 56.

⁵ ПСЛ, т. XI, стр. 45.

бысть, и егда мастера, в который час свершиша церковь и мало отступиша вси от церкви, и церковь вся до основания падеся великим разрушением». Летописец считает это падение прямым предзнаменованием того, что «хочет власть новгородских посадников и тысячских, и всех бояр и всеа земли новгородские разрушиться». ¹ В 1429 году в Новгороде «падеся церковь камена святых отец на княже дворе». ² Позднее «падеся» каменный храм Николы на Вежищах. ³ В 1478 г. в московской Рождественской церкви, «иже у Лазаря святого», обрушился потолок «некако напрасно и страшно в нощи». ⁴ Известно неудачное начало постройки Успенского собора в Москве, стена которого, по мнению псковских мастеров, обрушилась потому, что московские мастера «известь жидко растворяху, ино не клеевито». ⁵ Падение церквей были настолько известным явлением, что в Новгороде, например, в церкви произошла паника, когда во время богослужения погнулся пол. Молящиеся, предполагая катастрофу, бросились к выходу, причем было задавлено несколько десятков человек. ⁶ Необходимо было где-то найти учителей, которые бы помогли справиться с трудной задачей пойти дальше в деле зодчества и оторваться от прочно усвоенных, но устаревших практических навыков.

† Но еще более сильным стимулом обращения на Запад было военное дело. «При сооружении первых каменных оград в России, т.-е. до употребления огнестрельных орудий, стены делались весьма высокие и толстые, так что живая оборона играла второстепенную роль, с изобретением же огнестрельного оружия и применением огненного боя крепостные стены стали строиться меньшей высоты, но в толще их начали устраиваться различные помещения для орудий и стрелков». Появились подошвенные, средние и верхние бои. ⁷ И если в течение XV в. прежние крепостные стены выполняли свое назначение, то к концу его и в начале XVI в. потребовалась перестройка. «Шестнадцатый век выделяется своими изобретениями в области огнестрельного оружия. Рядом с тяжелой артиллерией — пушками, появляется легкая — пищали, а с этим вместе создается новая пехота огневых стрелков». ⁸ Отсюда и настойчивое стремление великих московских князей заполучить мастеров из дальней Италии, славившейся своим архитектурским искусством. ⁹ Предложения московских князей не остаются без

¹ ПСЛ, т. XII, стр. 21.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Соф. Вр., т. II, стр. 205—206.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 367—368, и ПСЛ, т. III, стр. 248.

⁷ Фриман Л. А., История крепостных сооруж. в России, СПб. 1895, стр. 9, 17.

⁸ Виппер Р. Ю., Иван Грозный, М., 1922, стр. 8.

⁹ Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений, т. I, стр. 156, т. II, стр. 233, 268.

ответа. Один за другим в Москве начинают появляться иноземцы, готовые послужить великому князю «своим мастерством и работишкой». Таковы Марко Руффо, Пьетро Антонио Соляри, Аристотель Фиоравенти, упоминавшийся уже Иван Фрязин и др.¹ Русские мастера поступают на выучку к иноземцам. Автор «Софийского Временника» очень внимательно отмечает технические новости, вводимые иноземными мастерами. «Они известны.. как тесто густое растворяша, а мазаша лопатками железными, а камень ровный внутри класти повеле». Ими введена практика железных скреп: «и между столбов, идеже брусие дубовое в наших церквах, то все железо сковав положи». Своды стали строить из плит. Показан был новый способ сноски старых зданий: «ту же церковь розби сицевым образом: три древа постави и концы их верхние совокупи воедино, и брус дубовый обесив на ужищи, посреди их поперег, и конец его обручем железным скова и раскачиваючи разби. А иные стены с исподи подобра и поление поставлял и всю на поление постави и зазже поления, и стены падошася. И чудно видети, еже три года делали во едину неделю и менши розвали, еже не поспеваху износити каменья». За Андроньевым монастырем Аристотель Фиоравенти устроил кирпичный завод и показал новые приемы выделки кирпича, дав и его размер.²

Все эти нововведения усваивались русскими мастерами, попадавшими на выучку к иноземцам, работавшим в Москве, где под их руководством в 1534—35 гг. была заложена каменная стена вокруг всего Китая-города «на большее утверждение» столицы.³ Под руководством неизвестного инженера в 1520 г. возводятся стены кремля в Туле, а в следующем ремонтируются укрепления Коломны. Несомненно, что в этих постройках принимали участие и русские мастера и подмастерья, которых мы несколько позднее видим за выполнением таких же работ. В 1556 г. в Новгород посылается царская грамота с требованием нанять там необходимое количество каменщиков и кузнецов для постройки стен в Казани, которые, повидимому, строятся под руководством и, во всяком случае, при деятельном участии русского мастера Постника Яковлева.⁴ Бармой и тем же Постником начата в то же время постройка церкви Василия Блаженного.⁵ Ведутся русскими мастерами и другие работы

¹ Павлуцкий Г., Краткий очерк истории новг. и моск. архитектуры, К. 1912, стр. 25. Фриман, ук. соч., 25—27. Савельев А., Материалы к истории инженерного искусства, СПб. 1853, стр. 107—108.

² Соф. Врем., т. II, стр. 144.

³ ПСЛ, т. VI, стр. 293.

⁴ ДАИ, т. I, № 82.

⁵ Кузнецов И., О построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора, «Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1896, кн. I, стр. 10. Картер М. К., Успенский собор Свяяжского монастыря, Казань, 1928, стр. 17—18.

Одновременно в дворцовом хозяйстве, по крайней мере со времени Грозного, появляются свои дворцовые мастера, выполнявшие каменностроительные работы по распоряжению великого князя и от него зависимые.

Эта необходимость иметь постоянно под руками своих мастеров в дворцовом хозяйстве возникла и развивалась постепенно, но особенно остро она стала чувствоваться со времени расширения каменностроительного дела вообще и, в частности, со времени увеличения числа построек, возводившихся по инициативе правительства и на казенные средства. Этим временем было царствование Ивана Васильевича Грозного.)

Коллинс сохранил нам московское, очевидно, предание, что именно Грозному Москва обязана постройкой красивейших зданий.¹ Но не только Москва привлекала внимание царя. Известно, что при своих поездках по различным городам Московского государства он в целом ряде мест начал каменное строительство, давая на него не только средства, но и поручая выполнение построек своим мастерам. В Вознесенской церкви г. Ростова, напр., сохранился камень с надписью: «Лета 7074 державою и повелением благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича его царскою казною поставлена церковь Вознесения, в ней Исидор Чудотворец..., а делал церковь великого князя мастер Андрей Малой».² В Переяславле-Залесском Иван Грозный строит собор во имя святого Никиты.³ В Вологде по писцовой книге 1627 г. единственным каменным зданием в городе был Софийский собор, построенный Иваном Грозным. Позади собора была начатая в то же время, но сведенная только по первый свод, каменная церковь во имя Богоявления господня с папертью; пониже была палата каменная, а под нею погреб; в палате хранились пушечные запасы.⁴ Там же Грозным была начата постройка каменной стены, оставшаяся недоконченной.⁵ Известны сооружения Ивана Грозного и в его временной резиденции — Александровской слободе. Но никаких сведений о какой-либо особой организации каменностроительного дела с созданием для этой цели особого учреждения не встречается. Повидимому, первоначально сохранились старые способы и заготовки строительных

¹ «Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1846, кн. 1, отд. III, стр. 15.

² Титов А. А., Кремль Ростова Великого, 1905, стр. 12.

³ Потапов А., Очерк древне-русской гражданской архитектуры, стр. 160.

⁴ Мерцалов, А. Е., Вологодская старина, СПб 1889, стр. 40—42.

⁵ Смирнов П. П., Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2, стр. 174. По описи 1631 г. в Вологде было: «каменных 3 ворота, 3 башни наугольные, 7 быков. Да меж тех ворот и башен каменные ж стены, а в них по мере 467 сажен без чети, вверх по стенам пол 2 сажени, а в иных местах трех сажен...» В некоторых местах стены заменялись деревянными укреплениями, которые шли и дальше. ПДСЛ, 1631 г., № 76, лл. 1—2. Описание разрушавшихся остатков этой стены в сметной росписи 1666 г. Опис. докум. и бум. АМЮ, т. IV, стр. 194.

материалов и привлечения рабочей силы, т.-е. те, которые источники отмечают для всего XV и начала XVI вв. Причем для второй половины XVI в. можно заметить и сокращение размаха казенной строительной деятельности: в самом конце XV и в первой половине XVI вв. идет энергичная постройка каменных крепостей на западной окраине государства (Новгород, Псков), южной (Тула), восточной (Казань) и в центре (Москва). В последние же годы жизни Ивана IV строительство с окраин переносится в центр, в города, расположенные по пути к новому порту Архангельску, в то время еще только обещавшему превратиться в крупный торговый центр постепенно расцветавшей беломорской торговли. Число этих построек довольно велико, но источники не отмечают сколько-нибудь значительных сооружений. Исключением является Александрова слобода, но начатые каменные постройки в Вологде остаются незаконченными. Какие-то условия, очевидно, мешают московскому правительству предпринимать и доводить до конца большие работы. Установить эти условия помогает история экономического развития Московского государства, переживавшего в это время страшный экономический кризис. В непосредственной связи с этим кризисом находилась и необходимость изменения порядка организации каменностроительных работ, приведшая в результате к организации приказа каменных дел.

III

Одной из важнейших функций приказа каменных дел, поскольку об этом мы можем судить на основании данных XVII в., был учет рабочих каменностроительного и кирпичного дела на посадах, вызов их в Москву и распределение по казенным работам. Изучение экономической обстановки конца XVI в. заставляет предполагать, что главным образом в целях организации рабочей силы он и был создан. Последние события, связанные с Ливонской войной ощутительным образом показали московскому правительству те порубежные и внутренние пункты, на которых ему необходимо было сосредоточить свое главное внимание и силы в деле военной защиты государства. Осада Баторием Пскова, предполагавшаяся возможность его движения на Смоленск, разорение татарами самой Москвы — заставляли вновь ставить вопрос о более надежном укреплении этих центров и, прежде всего, самой столицы, которая до конца царствования Грозного не была приведена окончательно в порядок после разгрома 1571 г.¹ Вместе с тем этого же требовало и стремление успокоить взбудораженное

¹ Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 275.

татарским набегом население, в частности, наиболее раздраженную своими потерями состоятельную его часть. Именно интересы торговых людей патриарх Иов выдвигает как один из основных мотивов, заставивших Годунова широко развернуть строительную программу: «Стены градские созда,—говорит он в похвальном слове царю Борису,—и величества ради и красоты поименовав Царь-Город; внутри же его палаты купеческие созда в упокоение и снабдение торжникам». ¹ До известной степени этому «упокоению» торговых людей способствовало и развитие церковного строительства, так как в каменных храмах нередко сохранялись товары и имущество. ² Все это отчетливо сознавалось московским правительством в конце 70-х годов. Военные потребности государственной обороны, потребности широко развернутого дворцового хозяйства, интересы торговых людей—все это требовало от правительства содействия развитию каменного дела. К этому времени в его распоряжении были иноземные и русские дворцовые мастера, была возможность заготовки белого камня в дворцовых волостях и других местах, кирпича в казенных кирпичных сараях, но как раз в это время в его распоряжении не оказалось нужной рабочей силы в связи с наблюдавшимся в то время запустением посадов.

Именно в 70—80-х годах XVI в. с особенной остротой стали сказываться результаты хозяйственного разгрома родовитого боярства, произведенного при Грозном. «Установлением новых поземельных отношений была погублена боярщина. Расширялось поместное владение. Хозяином положения становилось дворянство, действовавшее в союзе с торговым классом. Этим основным фактом—изменением поземельных отношений—и объясняется наблюдающийся в это время кризис, переживавшийся деревней, на этой же почве подготовлялся кризис посадов, которые теряли и свою землю и земледельческое население». ³ Эта основная причина, дополнявшаяся второстепенными—перемещением торговых путей от Новгорода к Архангельску, военно-налоговыми тяготами царствования Грозного,—вызвала чрезвычайно интенсивное перемещение

¹ Забелин И. Е., История города Москвы, стр. 158; Карамзин, т. X, прим. 354, стр. 63.

² Для XVII в. Павел Иовий указывает, как на правило, использование каменных церквей в качестве кладовых для имущества: «Много раз по ночам случался пожар большой: куда было бежать им, бедным обитателям этих дворов и кварталов, и что делать с их вещами? По этой причине жители каждой улицы держат свои сундуки в своей каменной церкви из опасения подобного (бедствия)» («Чт. в Общ. Инст. и Дрвн. Росс.», 1898, кн. 4, стр. 10). Речь идет, конечно, только о зажиточной части населения. Ср. Забелин, И. Е., указ. соч., стр. 198.

³ Смирнов П. П., Города Моск. госуд., в первой пол. XVII в., т. I, вып. 2, К. 1919, стр. 13. При дальнейших ссылках указанный труд проф. Смирнова будет обозначаться кратко «Города».

населения, бежавшего с насиженных мест. Н. А. Рожков, впервые исследовавший наблюдаемое явление в отношении сельского населения,¹ в своей «Русской истории» вновь повторяет установленные им ранее выводы: «Начало 70-х годов,—говорит он,—исходный хронологический пункт запустения большей части московского центра. Наблюдается чрезвычайно резко выраженное явление бегства крестьян из центральной области. И это бегство, за редкими исключениями, не прекращается до самого конца века, как убедительно свидетельствует целый ряд фактов».² Такое же движение населения наблюдаем мы и на посадах: «В результате разрыва между городом и селом,—говорит П. П. Смирнов,—должен был понизиться самый уровень экономической емкости городов, и для них становился неизбежным тяжкий и всеобщий кризис... Изнемогавшее население посадов, в которых более нечем было кормиться, должно было бежать».³ Разбредалось и сельское и посадское население в разных направлениях, но главными пунктами его притяжения были северные уезды, вятская и пермская земли, южные степи, а центр и западная окраина пустыли.⁴ Относительно посадов можно сделать еще дополнительные наблюдения: во-первых, абсолютное количество посадского населения сократилось более чем в три раза, во-вторых, это сокращение, особенно значительное в западной области государства, было тем меньше, чем дальше посад был расположен к востоку, и совершенно почти исчезало в вятских посадах; некоторые из последних даже увеличились. Замосковные посады, которые теснее всего были связаны со столицей, как экономическим центром, в западной своей половине потеряли 57,4% населения, в восточной—11,1%. Всего же сильнее запустели посады Новгородской области и вообще западной половины государства, население которых в среднем уменьшилось на 76,7%.⁵ Здесь, помимо основных причин, скорее сказались последствия разорительной войны и разгрома Грозным Новгорода. Между тем Новгород, Псков, а затем Тверь, Ростов и были как раз теми центрами, откуда черпалась, главным образом, рабочая сила для каменностроительного дела в Москве. Рабочий рынок опустел, а правительство как раз в это время было поставлено перед необходимостью выполнить ряд строительных работ.

¹ Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М. 1899, глава IV.

² Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, изд. 3-е, Л.—М. 1928, стр. 12. В дальнейшем настоящий труд И. А. Рожкова будет обозначаться: «Русская история».

³ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 14 и сл.

⁴ Рожков, Русская история, т. IV, стр. 13—18.

⁵ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 132. Средний размер посада по всему государству в середине XVI в. был 505,3 черных двора, в 20-х годах XVII в.—153,8 двора, а в середине XVII в.—207,5 дворов.

Практиковавшийся раньше наем каменщиков в Пскове или Новгороде, как это было сделано, напр., при постройке стен Казани, в условиях запустения посадов не дал бы достаточных результатов. Нужно было найти другие методы отыскания и привлечения рабочей силы, и московское правительство нашло их в своей административно-хозяйственной практике вотчинного хозяйства того времени. Вотчинное хозяйство XVII в., удовлетворявшее почти все свои нужды своими собственными силами, прибегало в случаях необходимости привлечения квалифицированных рабочих к использованию в принудительном порядке всех вотчинных крестьян, знающих данное ремесло, разверстывая между ними выполнение намеченной работы.¹ Нет сомнения, что эта практика, засвидетельствованная документами для XVII в., была сохранена от времен более давних. Еще в XV веке митрополит Филипп при постройке Успенского собора для заготовления и подвоза материалов и вообще всех побочных работ «...накупил холопов так, чтобы работа в значительной степени производилась своими людьми».² В таком же принудительном порядке, вероятно, набирались рабочие на те кирпичные заводы, какие создавались некоторыми вотчинниками в своих хозяйствах.³ Точно так же и московские цари во второй половине XVI в. прибегают к принудительному привлечению рабочей силы для удовлетворения тех или иных дворцовых и государственных нужд.

Правительственное привлечение ремесленников к отбыванию той или иной специальной повинности связывалось обычно с освобождением мобилизуемых, частично или полностью, от участия в общем тягле сельских или посадских общин. Рассматривая различные случаи такого принудительного привлечения рабочих, мы можем наметить четыре способа их мобилизации. Иногда мы видим, что рабочие в одиночном порядке или целыми группами вызываются в Москву и поселяются там «на вечное житье», поступая в разряд дворцовых мастеров; в других случаях ремесленники только временно привлекаются к обязательному выполнению единичного определенного государственного заказа, исполняемого по месту их жительства и оплачиваемого из государственных средств; в-третьих — ремесленники обязываются постоянной казенной работой на

¹ Примеры у Забелина И. Е., Большой боярин в своем хозяйстве. «Вестн. Евр.», 1871, № 1; у Арсеньева Ю., Ближн. боярин Н. И. Одоевский и его переписка с Галичской вотчиной, М. 1903; у Заозерского А. И., Царь Алексей Михайлович в его хозяйстве. П. 1917. Подобного рода организация каменностроительного дела была проведена патр. Никоном в его вотчинных монастырях. РИБ, т. V. Новосельский А. А., Вотчинник и его хозяйство в XVII в. Изд. РАНИОН, М. 1929, стр. 145.

² Голубинский Е., История русской церкви, т. II, 1-я половина, М. 1900, стр. 541.

³ Упоминание такого завода у Смирнова П. П., Города, т. I, в. 1, стр. 104.

месте, с полным или частичным освобождением их от налоговых тягот, и, наконец, они привлекаются к постоянной работе с оставлением их на месте жительства, но с производством работы в тех местах государства, где будет указано администрацией. Так, в 1556 г. в Новгород было послано требование выслать к Москве новгородцев — «серебряных дел мастеров Ортемка да Родивонка Петровых детей, с братиею и з детьми, которые их братья и дети горазды серебром образов окладати». ¹ За три года перед тем в Новгород были посланы два пушкаря, а воевода получил предписание: «И как к вам пушкарни приедут, и вы б часа тово велели новгородским кузнецом сделати 600 ядер железных... А кузнецом бы есте за дело и за железо и за всякий харч платили из наших казны...» ² В 1584 г. особой грамотой колесные мастера сел Мусце и Сольца и дер. Заборья были освобождены от налогов, но за это были обязаны ежегодно поставлять в Псков определенное количество пушечных станков, осей, колес, оглобель и всяких пушечных запасов. По писцовой книге 1578—79 гг. в Кашире значилась особая слобода: «живут плотники, всего плотников 10 дворов, а людей в них 10 человек, да 8 мест дворовых пустых; в сошное письмо не положены, и оброк на них не написан, потому что они плотничают государево дело на Москве и по иным городам, где государь велит». ³ Принудительное привлечение рабочей силы, таким образом, достаточно прочно вошло в практику ведения дворцового и государственного хозяйства Московского государства. Не находя под руками необходимого количества специалистов того или другого ремесла, правительство прибегало к этим хорошо знакомым ему приемам вотчинного управления, но прибегало оно к ним только в необходимых случаях.

Во второй половине XVI в., в связи с запустением посадов, неизбежно должно было сократиться предложение квалифицированного труда, поставщиком которого был, главным образом, посад. Происходило, кроме того, и сокращение предложения рабочей силы вообще, так как именно «в последние десятилетия XVI в. в вотчинных и поместных хозяйствах натуральные повинности, кристаллизовавшиеся в сложное целое, известное нам под именем крепостного права, становятся основой всей организации этих хозяйств. Вольнонаемный рабочий, снисвший публицисту первой половины века и местами действительно заводившийся в более передовых имениях, исчезает на целых два столетия». ⁴

¹ ДАИ, т. I, № 92.

² Там же, № 72.

³ Калачов, Писцовые книги, т. I, стр. 1301—302.

⁴ Покровский М. Н., Русская история, изд. 2-е, М. 1918, т. I, стр. 343—44.

В такой хозяйственной обстановке приходилось Грозному заканчивать Ливонскую и Шведскую войну, поворотным пунктом в которой было поражение московского войска под Венденом (1578 г.). Надломленное внутренним кризисом, Московское государство не могло продолжать борьбу, и в течение последующих трех лет войска московского царя терпят одно поражение за другим, отступая под натиском поляков и шведов под защиту крепостей, находящихся уже в пределах собственной государственной территории. Шведы захватили Ивангород, Ям, Копорье; поляков остановили каменные стены Пскова. Приходилось думать о защите страны, об обороне путей, ведущих к центру, об укреплении Москвы, а также важнейшего стратегического центра — Смоленска, овладение которым могло бы дать операционную базу для наступления на Москву. Так самым ходом вещей намечалась широкая строительная программа. Для выполнения этой программы и нужны были значительные кадры рабочих специалистов: каменщиков и кирпичников, которых и пришлось взять в принудительном порядке с посадов. Лишь заключение перемирия отсрочило выполнение намеченных строительных работ, но висевшая над Москвой угроза возобновления войны заставляла постоянно помнить об опасности. И позднее мы видим, как эта программа осуществляется: в 1587 г. строится Белый город, после московского пожара в 1595 г. перестраиваются стены Китай-города, в следующем году создаются новые укрепления в Смоленске. Выполнение всех этих строительных работ растянулось на полтора десятка лет, но едва ли можно сомневаться, что план их сложился под влиянием результатов войн Грозного и наметился как реальная задача к 80-м годам XVI в., когда Москва вынуждена была перейти от нападения к обороне.

Таким образом, и изучение экономических и политических событий данного времени приводит нас приблизительно к той же дате, о которой говорилось в цитированной выше выписке из документов приказа каменных дел. Повидимому, можно предполагать, что именно в 80-х годах возникла мысль о производстве каменностроительных работ в таком широком масштабе, для осуществления даже отдельных частей которого невозможно было наемным путем набрать необходимую рабочую силу. До нас не дошло свидетельств о привлечении в более раннее время каменностроительных рабочих в принудительном порядке для возведения дворцовых построек и ремонта их. Возможность такого привлечения, конечно, не исключена. Но говорить о приказе каменных дел, как государственном учреждении для более, по сравнению с указанным периодом, ранней эпохи у нас нет никаких данных. Именно в это время необходимо было собрать рабочую силу с посадов для каменных и кирпичных дел, а для организации этой силы нужно было дать «нарядчика», кому-то «приказать» организацию

всего дела. И не в короткий срок, конечно, была выполнена работа по полному учету всех ремесленников, по выработке техники самих вызовов рабочих, по установлению тех норм, которыми должен был руководиться приказ. Недаром позднее челобитчики — записные каменщики и кирпичники и те, кто хотел быть ими, — в качестве оснований для своих притязаний на положение беломесцев указывают только на то, что они царев Белый город делали,¹ и еще на то, что участвовали в постройке Смоленска.² Более ранних работ память челобитчиков не сохранила, или они не считали их достаточно важными мотивами для обеспечения благоприятного исхода своей просьбы. Но обе эти постройки были произведены в то время, когда приказ уже организовал каменщиков и кирпичников в ряде посадов и начал искать новых резервуаров рабочей силы, захватывая в своих поисках не только новые посады, как это видно из грамоты тульских кирпичников, но и ремесленников монастырских и вотчинниковых, которые, правда, только временно поступали в распоряжение приказа, не изменяя своего тяглого положения.³

Кому было впервые приказано в 1583—1584 гг. все это дело, каким путем шла первоначальная организация работы, мы не знаем: документов, современных этому начальному периоду деятельности приказа каменных дел, не сохранилось, и мы можем предполагать формы, в коих она проводилась, только по практике XVII века, несомненно сохранившей все основные черты предшествовавшей Смуте эпохи.

¹ Довнар-Запольский М. В., Организация ремесленников, в Московском государстве, ЖМНП, 1910, № 10.

² Шумаков С., Грамоты коллегии экон., в. 3, М., 1912, стр. 77—78.

³ Шумаков, указ. соч., стр. 78; Карамзин, т. X, стр. 63, прим. 353.

Посады, на которых были проведены мобилизации каменщиков и кирпичников в первые годы существования приказа. Правовое положение записных рабочих. Предоставленные им льготы. Организация заготовки строительных материалов. Каменные постройки XVI в.

I

Основные задачи, стоявшие перед приказом каменных дел в первые годы его существования, определялись общими условиями хозяйственной и политической жизни Московского государства последней четверти XVI в. Для выполнения отчетливо наметившейся строительной программы, от которой правительство не могло отказаться, приказу прежде всего необходимо было найти квалифицированных рабочих, организовать их вызов в Москву, а затем и распределение по намечавшимся постройкам. Искать этих рабочих нужно было в первую очередь, конечно, на посадах. Но, во-первых, не на всех из них можно было найти каменщиков и кирпичников и, во-вторых, не из всех мест Московского государства можно было вывезти их в центр: многие из запустевших посадов не могли бы безболезненно для себя «поднять» возлагавшуюся на них новую государственную повинность. Так, приказу каменных дел не мог рассчитывать найти рабочих «каменного дела» на Поморских посадах «деревянного» Севера, где каменные постройки возводились только пришлыми рабочими, выходцами, главным образом, из Москвы и Ростово-Суздальской области. Своих рабочих каменного дела эти посады не имели даже в середине XVII века. В 1646 году двинский воевода на требование Москвы составить смету на постройку каменных башен в Архангельске должен был ответить отказом, так как у них, «у Архангельского города и в низовых волостях каменщиков и кузнецов больших нет, и каменного дела никто не дельвал, и такой сметы сметить некому». ¹ И это не было простой отпиской воеводы, «не радевшего о государевом деле». В том же году воеводе было предписано в Архангельске построить каменное здание для пороховых запасов, «так как зелейная казна в Архангельском городе не малая». Воевода приказал объявить в Архангельске и в Холмогорах, чтобы подмастерья и каменщики, «кому б каменное дело за обычай», явились

¹ ДАИ, т. III, № 13.

к нему для выяснения условий, на каких постройка может быть сдана. Явились только московские стрельцы в количестве 23 человек, случайно бывшие в Архангельске. Они и начали работу. К 1647 г. ими были выведены стены, но как раз в это время стрелецкий приказ, к которому стрельцы-рабочие принадлежали, был отозван из Архангельска, и постройка приостановилась. Без московских мастеров никто продолжить ее не мог: «сводов свесть некому,—писал воевода в Москву,— что, государь, на Двине подмастерья и каменщиков нет». ¹ Не мог приказ каменных дел рассчитывать найти каменщиков и кирпичников и в отдаленных вятских посадах, откуда, кроме того, была трудна и доставка их в Москву. Посады нижнего Поволожья, ведавшиеся Казанским дворцом, а также южной степной окраины и Украины Литовской, дорожили каждым человеком, способным носить оружие на случай «сполоху», и вызывать отсюда рабочих было трудно. Следовательно, территория, на посадах которой приказ каменных дел мог мобилизовать рабочих, ограничивалась центром Московского государства, т.-е. прежде всего самой Москвой и посадами Замосковья, с присоединением к ним только отдельных наиболее населенных окраинных городов из более близких к Москве.

Итак, первым посадом, который мог дать рабочую силу, была Москва. Присутствие на Московском посаде записных каменщиков и кирпичников документами XVI века не отмечается, но едва ли можно сомневаться в том, что с момента организации приказа каменных дел в его ведение отошли все строительные рабочие, или значительная часть их, которые принимали участие в дворцовых постройках. В дополнение к этим московским рабочим и вызывались каменщики и кирпичники из других посадов.

К северо-востоку от Москвы записные каменщики и кирпичники находились во всех сколько-нибудь крупных центрах по торговой дороге от Москвы к Архангельску. Так, челобитная владимирских записных мастеровых устанавливает организацию их во Владимире не позднее царствования Федора Ивановича. ² В Ростове Великом каменщиков и кирпичников отмечают дозорные книги 1619 года, что позволяет утверждать, что они были здесь и ранее. ³ Вероятно, с XVI в. слобода их существовала в Ярославле, где значительное число каменщиков и кирпичников мы находим позднее. ⁴ В Костроме, связанной с Ярославлем волжским водным путем, записные кирпичники были уже при Иване Грозном. ⁵ По Московско-

¹ Там же, № 31.

² «Влад. губ. вед.», 1862, № 44.

³ Дозорные и переписные книги Ростова Великого, изд. А. А. Титова, М. 1880, стр. 7.

⁴ «Ярославск. губ. ведомости», 1861, № 35, стр. 272.

⁵ «Костромские губ. вед.», 1851, № 13.

Ожскому водному пути мы можем предполагать каменщиков для XVI в. в Серпухове и Нижнем-Новгороде, правда, только по догадке на основании позднейших данных. В Коломне наличие записных кирпичников в XVI в. устанавливается их челобитьем с упоминанием постройки Белгорода и Смоленского дела.¹ К северу и северо-западу от Москвы записные каменщики были в Дмитрове, в Твери, где они, судя по позднему показанию, выделились из посада со времени Федора Ивановича.² Были они также в Белоозере и в Кашине. На первом из этих посадов—в Белоозере—каменщики и кирпичники отмечены дозором 1618 г., а, кроме того, сохранилось и прямое указание на существование их там в 7105 (1596—97) г.³ В Кашине, судя по одному известию XVI в., к этому времени уже было развито некоторое производство кирпича на рынок, в 1606 г. туда посылается И. М. Толбузин для высылки каменщиков, кирпичников и горшечников, а в 1616 г. приказом каменных дел в Кашин командирруется подмастерье для производства сыска «старых», следовательно, бывших там до Смуты, каменщиков и кирпичников.⁴

Повидимому, и запустевший к концу XVI в. Можайск принадлежал к тем посадам, на которых производились приказом каменных дел первые мобилизации записных рабочих. В Можайской писцовой книге 1595—1596 гг. записан двор Митьки Васильева—каменщика, а дозор, произведенный сейчас же после Смуты (в 1614 г.), отметил среди «пустоты» одно дворовое место, также когда-то принадлежавшее каменщику.⁵

Нет указаний для XVI в. на существование записных каменщиков в Новгороде и Пскове. В первом из этих посадов они упоминаются, правда, в очень небольшом числе, только в конце XVII в., в Пскове—в середине XVII в. записные каменщики производят работы лишь на своем посаде. Приходится предположить, что новгородские и псковские специалисты, учившие в свое время москвичей, не были приказом мобилизованы при начале его работ, в силу запустения этих посадов. Из южных окраинных посадов в XVI в. записные кирпичники отмечены только в Туле, где это ремесло могло упрочиться после постройки в 20-х годах XVI в. каменной крепости, построенной «из белого камня и кирпича».⁶

¹ Довнар-Запольский М. В., Организация ремесл. в Моск. гос., ЖМНП, 1910, стр. 154.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 11.

³ Сб. Шук., т. I, стр. 4; Смирнов П. П., Города, вып. 2, стр. 189—90.

⁴ Успенский, Столбцы Оружейной палаты, вып. 3, № 1479. Ст. Ор. П., № 38201, В 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у кашинцев «у Галанси с товарищи 10 000 кирпичей, да у Хари с товарищи 3250 кирп. Дал на всем кирпичю 3 руб.», Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, стр. 88. Изв. Русск. Генеалог. Об-ва, в. 2, Материалы, СПб 1903, стр. 28—29.

⁵ Можайские акты, стр. 24, 26, 71, 94.

⁶ Рудаков А. И., Тульский кремль, Тула 1916, стр. 7—8.

Даже если не привлекать, может быть, недостаточно убедительных догадок о наличии каменщиков и кирпичников в XVI в. в некоторых из указанных посадов и основываться лишь на документально засвидетельствованных фактах, территория распространения первых мобилизаций приказа каменных дел будет намечена с определенной ясностью. Она не выходит за пределы Замосковья, ограничиваясь на востоке и севере посадами Белоозера и Вологды, на юге—Коломны, на юго-западе—Можайска, с прибавлением лишь более отдаленного Тульского посада. Эта территория определилась тем перемещением населения, которое произошло в результате кризиса XVI в.: мобилизации приказа захватывали те посады, которые к 80-м годам менее других запустили, и где посадское население сравнительно легко могло выделить из своей среды необходимую рабочую силу. На этих посадах и были получены первые грамоты о вызове каменщиков и кирпичников в Москву и о порядке выполнения ими «государевых каменных и кирпичных дел».

II

По своей природе новая повинность, возлагавшаяся при изменившейся организации каменностроительного дела на посад, была совершенно аналогична тем «службам», которые в Московском государстве к середине XVI в. сложились в прочную систему удовлетворения всех государственных нужд путем разверстки их между отдельными разрядами населения, обособлявшимися таким путем в особые сословия. Такое особое положение на посадах занимали жившие обычно особыми слободами ямщики, стрельцы, пушкарники, воротники и другие «служилые люди по прибору». Возлагая выполнение какой-либо специальной государственной повинности на особую группу тяглого населения, правительство по необходимости должно было освободить ее от несения всяких других налоговых тягот, «отверстать» эту группу от посада. Без этого условия тяглое население, и без того обремененное всякими налогами и податями, не имело бы просто физической возможности выполнить возлагавшуюся на него новую «службу» и вынуждено было бы прибегнуть к традиционному средству облегчения своего положения—«брести розно».

На тех же основаниях, на которых существовали все разряды низших служилых людей, были организованы и «записные государевы каменщики и кирпичники», обособленное положение которых было оформлено упоминавшимися выше грамотами, выданными им «при царях Иване Васильевиче и Федоре Ивановиче» из приказа каменных дел. Первые жалованные грамоты каменщикам и кирпичникам XVI в. до нас не дошли,

но сохранились позднейшие их подтверждения (начала XVII в.), без сомнения повторявшие старые «образцы» и подтверждавшие прежние льготы, которые были установлены для государевых строительных рабочих при первоначальной их организации.¹ По этим грамотам дворы записных каменщиков и кирпичников в городе и на посаде, и «где хто ни живет», велено было полностью «обелить», т.-е. освободить от всякого тягла и пошлин, «и в ямскую слободу в охотники из них имати не велено ж, и дани, и посохи, и в мостовщину, и к ямчужному амбару дров, и в поделку денег, и в разводные и в пищальные деньги, и в городовое дело, и в иные во всякие... подати не имати с них ничего». Дворы их предписывалось совершенно освободить от постоя «и посланникам, и гонцом, и всяким иноземцом, и ратным людям на дворах у них сильно не ставитись и кормов своих и конских у них не имать». Всем каменщикам и кирпичникам разрешалось без уплаты явочного сбора варить для себя пиво и брагу, но не на продажу, а «к празднику, или к свадьбе, или родителей помянути». Разрешался беспошлинный торг на месте жительства и «отъезжая по сельским по малым торжкам», с тем, чтобы вся стоимость товара не превышала двух рублей. Если же товаров было больше, то каменщики и кирпичники обязаны были платить «всякую пошлину... по указу», т.-е. наравне со всякими другими торговцами. По этим же грамотам каменщики и кирпичники освобождались от судебной власти воевод, и судить их по всем делам должен был приказ каменных дел, за исключением, как обычно водилась, «душегубства, разбоя и татьбы с поличным». Для суда сначала было установлено два срока: «на Рождество Христово, да на Семень день Летопроводца», но вскоре был прибавлен и третий—«на Троицын день». Но зато ограничивалась свобода раздела семьи: воеводам запрещалось разводить неразделенные семьи каменщиков и кирпичников, «которые их

¹ Грамота, выданная владимирским кирпичникам, напечатана «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 42. Текст ее воспроизведен в челобитной посадских людей владимирцев, «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 45. Грамота костромским кирпичникам—«Костр. губ. вед.», 1851 г., № 13, Часть нео., стр. 95—97, и ДАИ, т. VII, № 72. Грамота тульским кирпичникам—Сб. Щук., т. III, стр. 166—168. Копия XVII в. указана Веселовским С. Б. в его исследовании. К вопросу о происхожд. вотчинного режима, М. 1926, стр. 125, прим. 122. Изложение льгот, данных тверским кирпичникам,—ПДСЛ, 1679 г., № 366; По кам. пр., кн. № 1, стр. 24—26. В литературе обособленное положение каменщиков и кирпичников отмечено Соловьевым С. М., Русский город в XVII в. «Современник», 1853 г., т. 37; Лешковым В., Очерк древне-русских законов о ремесл. и завод. пром.; М. 1892; Лаппо-Данилевским А. С., Орган. прямого обложения, 1890, стр. 56. Довнар-Запольским М. В., Орг. рем. в Моск. гос., ЖМНП, 1910, т. X, стр. 154; Смирновым П. П., Посадские люди Моск. гос., в Хрестоматии по русской истории под ред. Довнар-Запольского, т. III, стр. 85. Его же, Города, т. 1, в. 2, стр. 181. Здесь П. П. Смирнов указывает, что каменщики и кирпичники «по устройству и формам своего землевладения примыкают к служилым приборным людям».

братья и племянники, и дети живут с ними на одном хлебе, а не в разделе», и все записные рабочие должны были по требованию ведавшего их приказа являться к государевым каменным и кирпичным делам, и делать эти дела в Москве, или в других городах «где им велим быти».

Кроме общих льгот, в отдельных случаях давались и особые, связанные, очевидно, с местными условиями. Так, тульским кирпичникам было дано право копать везде беспошлинно глину, где бы они ее ни нашли.¹

За нарушение прав, предоставленных каменщикам и кирпичникам, грамота угрожала виновным царской опалой, но, с другой стороны, записные ремесленники должны были строго выполнять возлагаемые на них обязательства: «А которые их товарищи... беглые учнут на Тулу приходить, и тех кирпичников велено имать в тюрьму на время, да имати по них крепкие поруки с записьми в том, что им быти в кирпичниках попрежнему».

Этими грамотами внутри посадских общин создавалась особая корпорация, свободная от тягла и всяких повинностей, оторванная от посадских интересов и вызовами на работу постоянно отрывавшаяся от посадской жизни вообще. Насколько количественно велика была эта группа казенных ремесленников в XVI в., мы судить по имеющимся данным не можем. В Твери по писцовой книге XVII в. было переписано «старых» каменщиков 30 человек, да «их же пустых мест 119».² По размерам этой пустоты, образовавшейся в течение Смуты, можно думать, что в наиболее крупных посадах число «каменщичьих и кирпичничьих» дворов доходило до нескольких десятков, но общее количество их едва ли было особенно значительным. Как бы то ни было, силами именно этих рабочих и были возведены те грандиозные постройки, которые падают на время Федора Ивановича и его преемника Бориса Годунова.³

¹ Месторождения глины, годной для выделки кирпича и для «горшечного дела», довольно часто отдавались на оброк. Но в середине XVII века правительство начинает отказываться от этой статьи дохода. В 1659 г. была прислана в Москву челобитная двух детей боярских, в которой они писали: «В Каменном, государь, городе и на посаде, и в селах, и в деревнях держит на оброке горшечную глину Каменного ж города сын боярской Матвей Романов, а платит... оброку в казну на год по полтине». Челобитчики просят передать им оброк за 20 алтын. Но из Москвы было предписано вообще снять оброк с разрешением «всякому копать глина безоброчно». (Ст. Прик. Ст., № 312, л. 176). Но отдача глины на оброк в других местах государства сохранялась до начала XVIII века, и только в 1712 г. был дан указ, которым запрещалось отдавать глину на откуп, и было приказано получаемые по этой статье доходы «из оклада выложит» (ПСЗ, т. IV, № 2546).

² Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 190.

³ О самом порядке вызова каменщиков и кирпичников на работу для XVI в. данных не сохранилось. Можно, однако, предполагать, что в существенных чертах он сохранился неизменным и в XVII в. Об установившейся в XVII в. практике сведения будут приведены ниже.

Учет рабочей силы и ее организация и были первой обязанностью вновь учрежденного приказа каменных дел, а второй задачей, стоявшей перед ним, была организация производства и доставка в Москву строительных материалов, т.-е. кирпича и белого камня.

До нас не дошло сведений о передаче в ведение приказа существовавших в Москве казенных кирпичных сараев. Но такая передача несомненно имела место, так как в течение всего XVII века все они находились в ведении приказа каменных дел. На то же указывает наличие среди квалифицированных разрядов рабочих, бывших в постоянном распоряжении приказа каменных дел, «обжигальщиков» кирпичей,¹ являвшихся инструкторами производства, и вызовы с посадов в Москву записных кирпичников, обычно делавшиеся одновременно с вызовами каменщиков. Да и единственным затруднением в отношении организации кирпичного производства было так же, как и в собственно каменностроительном деле, отсутствие рабочей силы.

«Сырье» для кирпичных заводов, т.-е. глину и песок, заготовить было легко, как нетрудно было при наличии «обжигальщиков» силами тех же кирпичников скласть «обжигальные печи», тем более, что образец для них был дан Аристотелем Фиоравенти, а технически менее совершенные печи и кирпичные сараи существовали в целом ряде посадов, а равным образом и в некоторых монастырских и частновладельческих хозяйствах.² Затруднение заключалось только в том, что необходимо было при намечавшихся значительных размерах построек и производство кирпича поставить в более значительных размерах, чем это имело место ранее, а для этого нужно было, как и для каменного дела в собственном смысле слова, найти достаточное количество рабочих рук, которые и должны были доставить посадки. Повидимому, более просто разрешался вопрос об организации заготовки в достаточном количестве белого строительного камня. Им были богаты берега реки Москвы, и, возможно, он здесь разрабатывался с давнего времени. В частности, его месторождения были в границах дворцовой Мячковской волости, издавна входившей в состав владений великого князя Московского. В духовной грамоте Василия Темного 1462 года с. Мячково упоминается

¹ В «Выписке из книги приказа каменных дел» 1700 г. обжигальщики указаны первыми среди лиц, которым выдавались жалованные грамоты при организации приказа. По Каменному приказу книга № 1, стр. 24.

² О наличии кирпичного производства в Кашине, см. выше, стр. 23. прим. 7. Чечулин Н., Города Моск. госуд. в XVI в. Списки ремесленников; Смирнов П. П. Города, т. I, в. 1, стр. 104.

среди сел, завещанных им своему сыну Юрию: «А чем его (Юрия) благословила моя мати великая княгиня Софья, его баба, и в душевной ему своей написала: Семчинским селцом у Москвы... да на Похре селом Мячковым, и с Фаустовским, и с Лодыгиным, и с Федоровым Левонтьева, и с Тяжиным, и с рыболовными деревнями... то его и есть». ¹ В XVI в. часть этих сел была роздана в поместье, часть перешла к монастырям, но сама волость и село Мячково все время принадлежали к дворцовым селам. Известно, что доставка строительных материалов на казенные постройки в XVI в. возлагалась в виде повинности иногда даже на частновладельческих крестьян. ² Очень вероятно, что крестьяне Мячковской дворцовой волости наряду с другими повинностями еще до учреждения приказа обязаны были доставлять на государевы постройки белый камень и известь, хотя прямых указаний на это источники нам не сохранили. Во всяком случае, когда возникла мысль об организации особого управления каменностроительным делом, вся волость была обязана именно такой повинностью и передана в ведение приказа каменных дел. В дозорной книге Елизарья Сабурова и подьячего Ивана Яковлева 97 (1588—89) г. по Мячковской волости значится: ³ «Островского ж села деревни, что были в поместье за Никитою Фуниковым, а приписаны к селу Острову для государевы десятины пашни, а после приписаны к селу Мячкову для каменного дела: дер. Становище, Усадище, тожь... дер. Лужники» и т. д. Никита Фуников — казначей Ивана IV — был казнен по подозрению в сношениях с новгородцами в 1570 году, когда, возможно, его поместья и были отписаны на государя. ⁴ Точно так же и к Нижнему Мячкову был приписан ряд деревень: «Да к селу ж Мячкову Нижнему деревни приписаны для каменного дела от села Острова: дер. Посникова, Чеченисово тожь, да к ней же снесена дер. Фаустово, а прежь того было в поместье за боярином за князем Олександром Борисовичем Горбатовым да за околничим за Иваном Яковлевичем за Чоботовым»...

Первый из этих владельцев также пал жертвой подозрительности грозного царя и был вместе с сыном казнен как соучастник Курбского. ⁵ «Да к Мячкову ж к Нижнему приписано Мясоедовского поместья Лихарево, а прежь сего было приписано к конюшенному пути к Домодедовской волости. А ныне приписано к государеву селу Мячкову к Нижнему

¹ СГГД, т. I, № 86; Бахрушин С. В., Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных, стр. 28, М., 1909.

² Попов Н., Собрание рукописей Московского Симонова монастыря, «Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1910, кн. 2, стр. 100.

³ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 65—70. Все последующие выписки из дозорных книг заимствованы из данного дела.

⁴ Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 175—176.

⁵ Там же, стр. 166.

дер. Тимохино»... «Да к селу ж Мячкову приписано для государева каменного дела село Викрино Лыткино тожь, что было Чюдова монастыря... да Спаса Нового монастыря дер. Новинки». Село Лыткино и дер. Новинки прежде входили в состав дворцовых имений,¹ а затем были, очевидно, пожалованы монастырям, и только в конце XVI в. вновь отписаны на государя. Приписка этих сел к Мячковской волости мотивировалась именно «государевым каменным делом», поставка к которому камня и извести стала такой же повинностью мячковских крестьян, какой было участие в каменном и кирпичном деле записных государевых ремесленников.

Выписка из дозорных книг не сохранила нам сведений о численности населения в селах и деревнях Мячковской волости, а равным образом и о размерах наложенного на них натурального оброка. По имеющимся в дозоре сведениям можно только утверждать, что основным занятием мячковских крестьян все же было земледелие. Так, в Верхнем Мячкове с дер. Игнатовской — «Перевозка тожь» — и в восьми приписанных к ним пустошах было отмечено 12 десятин пашни «средней земли», 114¹/₃ десятин худой, 14 десятин перелога — «в поле, а в дву потому ж»; кроме того, 43 десятины леса пашенного и пашни, заросшей лесом, а «в становищах» у Москвы-реки — 21 десятина и 140 копен сенокоса. В Нижнем Мячкове и в трех деревнях было в трех полях: 56¹/₄ десятин средней земли, 100¹/₂ десятины — худой, 81³/₄ десятины перелога, 111 десятин сенокоса и 12 десятин леса. В указанных выше восьми селах и деревнях, приписанных к этим двум селам, и в пустошах к ним писцы насчитали в трех полях: 75 десятин средней земли, 117 десятин худой, 114 десятин перелогу, 31 десятина и 195 копен сена, 102 десятины леса и пашни, поросшей лесом.² Значительные цифры перелога и запущенной под лес пашни — обычное явление для конца XVI века³ и свидетельствуют только о сельско-хозяйственном кризисе этого времени. А довольно значительное количество сенокосных угодий, может быть, указывает на большое внимание, какое уделялось мячковскими крестьянами животноводству.⁴

¹ СГГД, т. I, №№ 86, 144; Бахрушин С. В., Духовные и договорные грамоты, стр. 30 (Новинки) и 38 (Лыткино). О времени пожалования этих вотчин монастырям и обратной отписки на государя указаний в документах найти не удалось.

² Земли и угодья «государевых рыболовей», живших в тех же селах и деревнях, исключены из подсчета.

³ Рожков Н. А., Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 66. М. 1899. Относительно Московского уезда, правда, автор делает оговорку: «Здесь, как и в других уездах, в 70-х годах наблюдается упадок земледелия, притом довольно сильный, но в 80-х и 90-х годах заметно некоторое улучшение».

⁴ В той же выписке из дозора отмечается: «Да Титовские ж деревни крестьяном Нижнего Мячкова Петрушке Семенову да Кирилке Васильеву дано в лугу в становищах сено косити у болота по десятине в тягло, для того, что давали всем крестьяном на выть по десятине сена, а им сена не досталось».

Но когда Мячковская волость была привлечена к поставке строительных материалов, крестьянское хозяйство сильно пострадало: «при государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси, — показывали позднее мячковские крестьяне, — делан на Москве царев новый каменный город. И ломаючи де они к тому городовому делу всякий камень, вынося из ровов землю и хрящ на свою на вытную на тяглую землю и на луги, которая им земля и луги даны в выти, засыпали и луги заваляли бутовым каменем». В силу этого они тогда же вынуждены были просить, чтоб «их государь пожаловал, велел им дати в те их засыпанные в вытные земли место в пашню и на сенные покосы из пустых из околных земель, которые с их мячковскою землею смежны столько ж, сколько у них вытные земли и лугов засыпано». Очевидно, та роль, какую играла волость в поставке камня и извести, была значительна, потому что в ответ на это челобитье к ней, во-первых, были приписаны девять пустошей, принадлежавших разным помещикам, которым взамен отобранных владений «дано инде». Во-вторых, «придано им к Мячковским ж волостем село Колычово с деревнями и со крестьяны, взяв у Романа Олферьева. А Роману, против того, дано по Серпуховской дороге село Ознобишино. Да в ту ж де пору, взяв у Ондreja Щелканова, дано им же к Мячковской волости дер. Новлянскую с пустошми, а Ондreja против того дано инде». ¹ Этим расширением территории волости, с некоторым увеличением и числа ее крестьян, обязанных тяглом, была закончена организация поставки строительных материалов — белого камня и извести, доставлявшихся в Москву летом водным путем по р. Москве, а зимой на крестьянских подводах.

Таким образом, в распоряжении приказа каменных дел оказались и рабочая сила, и строительные «запасы»; все это и было им использовано при выполнении тех громадных строительных сооружений, какие в это время предполагалось возвести для укрепления важнейших стратегических пунктов западной границы и для починки московских зданий, носивших еще следы Девлет-Гиреевского набега.

IV

От XVI в. до нас почти не дошло сведений о том, как производились те большие сооружения, которые падают на время правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, но и те отрывочные данные, которыми мы располагаем, позволяют, до известной степени, установить приемы, к каким должен был прибегать приказ каменных дел для удовлетворения все

¹ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 70—71.

возраставшей потребности в рабочей силе, которую нужно было иметь и в Москве, и в тех, часто отдаленных от нее пунктах, где возводились военные каменные укрепления.

Если приказ каменных дел был учрежден в 7092 (1583—1584) году, то всего через два года ему пришлось проводить всю подготовительную работу к постройке стен Белого города, опоясавшего вскоре Московский посад, оказавшийся незадолго перед этим таким беззащитным перед татарской ордой и живо помнивший о том, как «при сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах», как гибли от давки те, кто стремился попасть за каменные кремлевские стены.¹

Для предпринятой постройки прежде всего приказ каменных дел должен был заготовить кирпич в таких размерах, в каких ранее едва ли он изготовлялся в Москве. Недаром записные кирпичники в своих челобитьях о возобновлении жалованных грамот как на одну из значительных своих служб указывали: «И как на Москве царев Белый город делали деды наши и отцы, и мы, сироты ваши, у того городского дела были, кирпич делали».² Сохранилось известие, что Борисом Годуновым была дана «мера кирпичу», возможно, перешедшая и в XVII век, когда от кирпичных заводов требовали производства «государева большого кирпича» определенных размеров. Во всяком случае к этому времени, вероятнее всего, относится установление тех условий работы в государевых кирпичных сараях, которые в существенных своих чертах удержались и в XVII в.³

Без сомнения, со всех посадов, может быть даже в первый раз, в это же время в Москву были стянуты и записные каменщики. Но остается неясным вопрос, являлся ли приказ каменных дел совершенно самостоятельным в руководстве постройкой, или оно принадлежало какому-нибудь другому учреждению или лицу. Возможно, что Федор Конь—строитель Белого города—не был подчинен каменному приказу, как это почти постоянно бывало в XVII в., когда при больших постройках на долю приказа каменных дел выпадала исключительно роль организатора рабочих и поставщика всякого рода «запасов». Но что именно каменным приказом была организована при постройке заготовка всякого рода строительных материалов и что его усилиями эта постройка была обеспечена необходимой квалифицированной рабочей силой, показывают приведенные выше челобитья самих участников этой работы или их потомков, сохранивших по наследству звание записных рабочих.

¹ Флетчер, О государстве русском, Спб., 1903, стр. 75—76.

² Довнар-Запольский М. В., Орган. ремесл. Моск. Госуд. ЖМНП, 1910, № 10, стр. 154.

³ Сведения о работе записных кирпичников на казенной работе в XVII в. будут приведены ниже.

Вероятно, это была первая значительная работа приказа каменных дел, законченная им в два строительных сезона. С ней, повидимому, очень спешили, а набег крымского хана в июле 1591 г. оправдал эту поспешность.

Помимо постройки Белого города производятся и более мелкие строительные работы, в частности ремонт стен Китай-города после пожара 1595 года. Но это была, так сказать, текущая работа, а основным пунктом строительной программы осталось создание крепостных сооружений в других местах и, в первую очередь, каменных стен Смоленска. По некоторым известиям постройка Смоленских укреплений была начата вскоре после укрепления Москвы: «Основание стен его положено при царе Федоре Ивановиче», но затем «по неким причинам» работы были приостановлены и вновь начаты только после формального воцарения Бориса.¹ Для руководства всем делом был послан князь Звенигородский, которому был дан наказ: «Приехав в Смоленск, сыскать на посаде и в уезде сараи и печи все: владычни, монастырские и всяких людей, где дельвали кирпич, известь, и кирпич жгли, и все эти сараи и печи отписать на государя; потом велеть их починить и покрыть, также поделать новые сараи и печи, лес и дрова приготовить» и начать ломку бутового и известного камня, если окажется возможным найти его на месте.² Для первого рода работ — кирпичного производства — была проведена широкая мобилизация записных кирпичников. «Смоленское дело» как основание для подтверждения жалованных грамот также указывается записными ремесленниками в челобитьях XVII века.³ Но потому ли, что и в Москве в это же время продолжалась работа на кирпичных заводах, или «смоленское дело» требовало очень большого количества рабочих рук, приказу пришлось прибегнуть к дополнительной мобилизации, присоединив к мобилизуемым посадским записным ремесленникам и частновладельческих, и монастырских «деловых людей», а также и не записных рабочих посада: «Повеле (Борис) имати каменщиков и кирпичников и горшечников».⁴ Это первый известный нам случай распространения мобилизации на всех рабочих данной специальности, независимо от их податного сословия. Такой прием практикуется приказом и в XVII в., но рассматривается он как отступление от нормы, предусматривавшей привлечение к работам только записных ремесленников. Так по крайней мере толковал эту мобилизацию приказ каменных дел в начале XVII в. Крестьяне села Рогачова, принадлежавшего Николаевскому Песношенскому монастырю, после Смуты подали,

¹ Мурзакевич Н. Н., Достопримечательности Смоленска, «Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс.», 1846 г., кн. 2. Смесь, стр. 11.

² Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 638.

³ Напр., владимирских кирпичников, «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 44.

⁴ Жарамзин, История гос. Росс., т. X, стр. 63, прим. 353.

как и записные каменщики и кирпичники, челобитную о выдаче им жалованной грамоты, ссылаясь на свое участие в постройке Смоленского города. Но им было отказано по следующим основаниям: «А в памяти из каменного приказу написано: дмитровские каменщики, а села Рогачова не написано... А что он, Ондронко, с товарищи сказали, что они делали город Смоленск, и тогда не токмо кирпичников, горшечников к городо-вому делу имали».¹

Неизвестно, каким путем привлекалась рабочая сила для выполнения следующей части «наказа», полученного князем Звенигородским, — о заготовке белого камня и извести. Общим правилом было, что для «государевой» постройки камень ломать и известь жечь было можно везде, где бы она ни нашлась. Такая справка в 1650 г. была получена из приказа каменных дел Устюжской четвертью: «А в которых городех, или на чьей-нибудь земле, — говорится в памяти, — к государевым делам камень ломают и известные печи кладут и с той земли найму не дают».² Этим правом пользовались и строители Смоленска, доставлявшие камень и известь из Старицы, Рузы и Бельского уезда. Но кто ломал камень — сведений нет. При позднейших постройках, в XVII в., практиковалось два способа: или бралась вся рабочая сила с Мячковской волости, или ограничивались тем, что командировали на место работы только нескольких опытных ломщиков из мячковских крестьян, под руководством которых камень ломали привлекаемые к работе в принудительном порядке крестьяне ближайших к месту работы сел и деревень.³ Какой из этих двух способов был применен при заготовке камня для постройки Смоленского «города», остается неизвестным.

Когда была закончена совершенно постройка смоленских стен, документы точных указаний не сохранили. Во всяком случае она продолжалась еще в 1600 г. Именно, к этому году относится приказ Бориса Годунова о запрещении производства каких бы то ни было каменностроительных работ в целях возможности привлечения максимального числа рабочих на казенные постройки и, в частности, на постройку Смоленска. Этот приказ известен из наказа, данного И. М. Толбузину, посланному в Кашин для сыска каменщиков и кирпичников: «Да о том бы еси заповедь крепкую учинил, и бирючом велел кликати по многие дни, чтоб в Кашине на посаде и в слободах, и в волостях, и в уезде, и у митрополита, и у архиепископов, и в монастырех, и у дворян, и у детей боярских, и у господей, и у торговых, и у всяких людей церквей каменных, и палат, и погребов, и всяких каменных дел, и горшков, и кувшинов, и печей, и жерновов, и точил, и на гробы

¹ Шумаков С., Указ. соч., стр. 77.

² ПДСЛ, 1650 г., № 78, л. 75.

³ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 57—58; Ст. Бел. Ст., № 358, л. 22.

плит... не делали никто никак, некоторыми делы». Ослушникам грозила смертная казнь.¹

«Смоленское дело» было завершено с полным успехом, и Борис Годунов мог гордиться созданным по его инициативе «ожерельем Московской Руси», как он называл новую крепость, не подозревая, как скоро оправдается пессимистическое предостережение князя Трубецкого, который «противу Борисовых речей глагола сице: как в оном ожерельи заведутся вши, и их будет и не выжить».²

В это же время построен и г. Борисов и также при участии приказа каменных дел, если правильно было указание владимирских кирпичников, которые утверждали, что до Московского разоренья делали они «кирпичное дело... в Смоленску, и на Борисову, и в Володимире, и на Москве».³

Окончание работ в Смоленске позволило снова возвратиться к строительству в Москве. В 1600 г. «повелением... Бориса Годунова... и сына его» возводится колокольня Ивана Великого, строившаяся с определенной целью: «доставить городу такую высокую башню, с которой можно было бы и свои полки, и полки татар во время ожидаемых нападений видеть».⁴ Одновременно с этим производятся и другие постройки не военного значения. Голодные годы, как известно, подтолкнули Бориса к еще большему расширению «каменного дела»: он «повеле делати каменное дело многое, чтобы людем питатися, и заложил каменные палаты большие на взрубе, где были царя Ивана Васильевича хоромы».⁵ Патриарх Иов, кроме того, указывает, что по распоряжению Бориса возобновлялись и «украшались» многие церкви, а некоторые и строились заново, как, напр., Никола Явленный на Арбате.

Сохранилось предание, что именно при Борисе Годунове московское правительство открыло очень значительный кредит частным лицам в целях поощрения каменного строительства.⁶ Можно предполагать, что этот кредит был не только денежным, а что именно в это время был введен в практику отпуск по пониженным ценам и безденежно всякого рода строительных материалов из запасов каменного приказа, отмечаемый документами для позднейшего времени.

Таким образом, в период правления Бориса Годунова в провинции и в центре шла самая интенсивная работа по созданию каменных сооружений, и горячий сторонник царя, патриарх Иов, имел право написать, что во время его управления при

¹ «Изв. Русского Генеалог. Общества», вып. 2, Материалы, Спб. 1903, стр. 28—29.

² Карамзин, т. X, прим. 353, стр. 63.

³ «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 44.

⁴ Забелин, История гор. Москвы, стр. 160.

⁵ Карамзин, т. XI, прим. 178, стр. 32.

⁶ Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 321.

царé Федоре он «многие грады каменные созда и многие обители устрои, и самый царствующий град Москву, яко некую невесту, преизрядною лепотою украси, многие убо в нем прекрасные церкви созда и великие палаты устрои, яко и зрение их великому удивлению достойно». ¹

Одна из затеянных царем построек — здание, в котором предполагалось разместить приказы, — затянулась до его последних дней, когда уже беспокойные вести приносились с юго-западной границы государства, и «вся земля зашаталась». Экономический кризис разрешался Смутой.

¹ Забелин, Ук. соч., стр. 168.

Восстановление деятельности приказа каменных дел после Смуты. Увеличение числа посадов, с которых вызывались каменщики в Москву. Строительная деятельность первых Романовых. Число каменщиков и кирпичников на посадах в XVII в.

I

Смута, вероятнее всего, совершенно приостановила строительную деятельность приказа каменных дел. Все расширяющаяся территория военных действий, постоянная смена правительств не давали, конечно, никакой возможности проводить мобилизации рабочих, заготавливать материалы и т. д. Если и проводилась какая-нибудь работа, то она сводилась к мелкому ремонту правительственных зданий силами, вероятно, только московских каменщиков и подмастерьев каменных дел, которые были в постоянном распоряжении приказа. А вместе с приостановкой работ должна была пострадать и вся, с таким напряжением созданная, организация записных каменщиков и кирпичников, разбросанных по разным посадам. Но отказаться от принятой в XVI в. системы производства каменностроительных работ не могло и новое правительство, так как причины, вызвавшие к жизни эту сложную и громоздкую систему, не только не устранились, а были еще усилены Смутой.

Как и в XVI в., основным вопросом оставался вопрос об охране западной границы Московского государства. По Столбовскому договору (1617) Москва уступила шведам Иван-город, Ям, Копорье и Орешек с Карелой. Деулинское перемирие оторвало от Московского государства Себеж, Невли, Белую, Дорогобуж и «ожерелье» — Смоленск. «Образовалась зияющая брешь, через которую нетрудно было проникнуть в самое сердце Московского государства. Линия пригородов Пскова от Гдова до Заволочья с каменным псковским кремлем, а равно и новгородская линия, начиная от каменной Ладоги, с каменным же Новгородом в центре, и кончая Великими Луками, как бы повисли в воздухе, отодвинутые на севере от моря и упирающиеся на юге в излом польско-литовской границы. Точно так же и южная оконечность этого барьера — Северские города — после передачи полякам Смоленска... были обнажены с севера и запада». ¹

¹ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 151.

Перед новым правительством встала задача возведения крепостей в Можайске и Вязьме, чтобы защитить дорогу в Москву, с одновременным продолжением постройки деревянных укреплений на юге для защиты от степных кочевников-татар.

Но приступить немедленно к выполнению этих задач ни правительство Михаила Федоровича, ни правительство Филарета не могли: не было ни сил, ни средств. Да, кроме того, нужно было привести в порядок и самое Москву, потому что положение ее было тяжелым: «излияся фиал горести царствующему граду Москве,—повествует современник,—падоша тогда высокосозданные дома, красотами блиставшие, все огнем поядошася, и вси премудроверхие церкви скверными руками до конца разоршася». ¹ Это дело не терпело отсрочки, и уже в 1616 г. на посады была послана грамота о том, чтобы выслать всех каменщиков и кирпичников для «государева дела» в Москву. ² Приказ каменных дел, очевидно, немедленно после относительного успокоения начал свою работу.

По дошедшим до нас отрывочным за эти годы сведениям о работе каменщиков и подмастерьев каменных дел невозможно восстановить полную картину деятельности приказа в Москве, но, повидимому, все дело ограничивалось сравнительно мелкими поделками. В 1614 г. Новгородская четь уплачивает подмастерью и каменщикам за поделку палат. Несколько позднее записан расход по уплате подмастерью Смирному и каменщикам за починку дверей. ³ В январе 1617 г. из Разряда посылаются деньги в приказ каменных дел за взятые 4 бочки извести. Такие же уплаты записываются и позднее. В марте того же года Разряд выдает кормовые деньги каменщику Ваське Семенову за то, что он пробивал стену для установки перекладки для «казенки». Ремонт проводится в самом спешном порядке: записана уплата каменщикам за работу, которую они производили «с первого числа февраля против второго числа во всю ночь». В том же месяце Новгородская четь уплачивает кормовые деньги подмастерью каменных дел и каменщикам за то, что они «поделали казенку каменную в задней палате и заднюю палату белили». ⁴ С 1617 г. была начата работа и по восстановлению церковных зданий. В документах Оружейной палаты сохранилась отписка от 3 августа этого года о том, что дьяк Михаил Огарков взял 150 рублей «на церковное каменное дело в каменный приказ Ивану Васильевичу Измайлову, да дьяку Ивану Митусову» из денег сборщика Василия Андреева, «что он собрал с Зарайского посаду и с Зарайского уезду». ⁵ В начале 1619 г. Разряд требует от

¹ Забелин, История Москвы, стр. 164.

² Грамота в Кашин. Ст. Ор. П. № 38201.

³ РИБ, т. XXVIII, стр. 252, 234.

⁴ Там же, стр. 548, 550, 552, 560.

⁵ Успенский, Ст. Ор. П., в. 1, № 224.

приказа каменных дел присылки «подмастерья да каменщиков 2 человек для поделки в Розряде задние полаты».¹

А вместе с тем начинают появляться в том же Розряде записи о найме рабочих из Гончарной слободы: «Гончарного ряду Трофимке Иванову с товарищи, что мостили в Розряде в другой палате мост кирпичом...». Очевидно, каменщики и подмастерья приказа были заняты на какой-то другой работе. Жизнь начинала приходить в норму, и строительная деятельность развертывалась.

Но для первых лет правления новой династии нет никаких указаний на производство значительных сооружений вне Москвы. Только в 20-х годах была получена возможность перейти от мелких строительных работ к капитальному ремонту укреплений различных городов. Именно в эти годы рядом с записями о московских мелких городских поделках начинают появляться сведения и о работах другого порядка. Прежде всего правительство начинает вести работу по восстановлению обветшавших за время Смуты укреплений городов и по возведению новых. В 1623 г. была начата работа по заготовке строительных запасов для починки стен Коломны. «Указал государь на Коломне худые места поделати по прежнему. А по смете на ту городовую каменную поделку надобе 615 000 кирпичу большого. И в прошлом во 131 году указал государь к тому городовому делу сделати коломенским кирпичникам 70 000 кирпичу большого. А на то кирпичное и сарайное дело и на всякую мелкую покупку кирпичного дела надобе денег к прежним 200 рублям—100 рублей, и те деньги указал государь взять из Новые чети у князя у боярина Данила Ивановича (Мезецкого), да у дьяков у Василья (Копнина) и у Олександра (Иванова)».² Когда заготовка кирпича была частично выполнена, каменный приказ командировал в Коломну «к тому каменному делу» подмастерья каменных дел Ивана Неверова и 30 человек каменщиков.³

Укрепление Коломны, пострадавшей от тушинцев и Владислава, должно было защитить дорогу на Москву с юго-востока, но наиболее острая опасность ей грозила с запада, где граница была открыта вследствие потери Смоленска. Необходимо было укрепить для закрытия этой торной дороги на Москву Можайск и Вязьму. К постройке каменных стен на этих посадах и приступает правительство одновременно с ремонтом стен коломенского кремля. В том же 1623 г. дворцовому приказу

¹ Ст. Севск. Ст., № 2, л. 305.

² Успенский, Ст. Ор. П., в. 2, № 874.

³ Ст. Моск. Ст., № 309, л. 21. Возможно, что от этой постройки в Коломне остались значительные запасы строительных материалов. В 1659 г. коломенский воевода доносил в Москву: «Да на Коломне же, государь, около города во многих местех старый городской запас: камень большой и кирпич, и бут лежит блиско города, и в приход воинских людей от того камня и кирпичу помешка будет большая» (Ст. Бел. Ст., № 418, л. 562).

было дано распоряжение отпустить 400 рублей «на можайские на каменные и деревянные запасы». А так как этой постройке придавалось особо важное значение, то для заведывания всем делом был учрежден особый городской приказ, в который и направлялись все деньги для производства работ и заготовок.¹ Приказ каменных дел, повидимому, в данном случае выполнял только роль поставщика рабочей силы для построенных на месте кирпичных сараев и для собственно каменностроительного дела, как это наблюдается иногда и позднее в XVII в. при постройках крепостных сооружений.

Постройка Можайска, начатая фактически в 1624 г., была в основном закончена в 1626 г., когда туда был командирован Борис Михайлович Лыков, будущий начальник каменного приказа, и Г. К. Волконский с дьяком Семеном Бредихиным. Эта правительственная комиссия после осмотра стен доложила, что город «в отделке», известью побелен, «а худых мест и порченных и щелей по всему городу и по башням нет, и новое дело от старова дела нигде не отстало». И хотя осторожные эксперты оговаривались, что «которые места кирпичом старым и каменем худым и известью старою делано ль, того под известью не знать», но признали, что город «во всем зделан хорош».² И позднее в Можайске, повидимому, производилась какая-то дополнительная работа, так как и в 1630 г. с Вятки кирпичники и каменщики вызывались «к вяземскому и можайскому делу». Какая именно работа—указаний нет.³

Немедленно вслед за постройкой можайских укреплений начата была постройка вяземской крепости. В сентябре 1629 г. туда были посланы «готовить городовых запасов» Никита Пушкин и Потап Нарбеков. Закончена она была, повидимому, в 1633—34 г., когда Мирону Вельяминову было выдано пожалование, что он «в Вязьме у городского дела государеве казне учинил прибыль», выдана была ему шуба в 130 руб., кубок в 5 гривенок, да увеличен денежный и поместный оклад.⁴

Одновременно с постройкой стен там же строились и другие каменные казенные здания. В 1632 г. приказано взять из Устюжской чети 300 руб. для отсылки их вяземскому воеводе «на анбарное дело для хлебных запасов».⁵

¹ Успенский. Ст. Ор. П., в. 2, № 876. Позднее городскому приказу было отпущено еще 34 р. 18 алт. 4 д. и затем в 1626 г. 700 р. «на можайское городское дело». Там же, №№ 1271, 1297.

² Можайские акты, № 107.

³ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

⁴ Ст. Бел. Ст., № 304, л. 303. О работе в Вязьме также Ст. Прик. Ст., № 59. Нужно отметить, что одновременно в Вязьме производилась постройка земляных укреплений. Строитель их, Христофор Далгамер, считал необходимым и на земляном валу построить каменные башни (ПДСЛ, 1631 г., № 27). Выдачи денег на вяземское городское дело ПДСЛ, 1631 г., № 77, лл. 160, 178.

⁵ ПДСЛ, 1631 г., № 77, л. 148.

В то же время, в течение 1631—1636 гг., идет работа по укреплению Астрахани. Но приказ каменных дел посылает туда, кажется, только подмастерьев каменных дел и подвязчиков, так как прямых указаний на отправку в Астрахань записных рабочих документы не содержат. ¹

Точно так же в 1631 г. в Новгороде Великом производится ремонт крепостных стен силами новгородских и тверских каменщиков. ²

Параллельно с этим ведутся и мелкие строительные работы в провинции. Так, в 1628 г. приказом каменных дел ведется ремонт Воскресенского собора в Кашине. ³ Около того же времени восстанавливается Преображенский собор в Твери, а в 30-х годах начинается работа по постройке церкви в Жолтиковском Тверском монастыре. ⁴

Не прекращались в то же время каменностроительные работы и в самой Москве. Пожар 1626 г. должен был заставить использовать значительное число рабочей силы для восстановления пострадавших от пожара казенных зданий и для постройки новых, а также и на усиленное развертывание производственной деятельности приказа каменных дел, так как правительство настойчиво рекомендовало всем строить «погребы и палаты каменные для своих покоев и пожарного времени», обещая откликнувшимся на этот призыв «государево милостивое слово». ⁵

В 30-х годах приказ каменных дел получает ассигнование на постройку церковей Спаса нерукотворенного образа и Ивана Белгородского, на постройку хором царевича Алексея Михайловича, а в 40-х годах, как известно, начинаются постройки московской таможни и гостиного двора, на патриаршем дворе и в царских дворцах, починяют Пушечный двор, идут постройки в подмосковных дворцовых селах Борисове, Коломенском и т. д. ⁶

II

Все эти мелкие и крупные строительные работы требовали от приказа каменных дел использования всех ресурсов рабочей силы, а между тем Смута внесла значительные изменения в состав посадского населения, и правительственные грамоты о высылке каменщиков и кирпичников наталкивались на образовавшуюся за время разорения «пустоту».

¹ Город. книги, по Устюгу Великому, № 31, л. 621 об.

² ПДСЛ, 1631 г., № 20.

³ Ст. Ор. П., № 1625.

⁴ Ст. Ор. П., № 2947.

⁵ Ст. Прик. Ст., № 193, лл. 11—12.

⁶ Забелин, История Москвы; Ст. Ор. Пал., № 1513 (о постройках в Борисове).

Дозоры посадов, произведенные немедленно после Смуты, рисовали самую безотрадную картину запустения Московского центра. Население посадов частью разбрелось «неведомо куды», частью погибло во время «разорения» городов враждующими армиями. Запустели и слободы каменщиков и кирпичников. По Тверским писцовым книгам 1626 г. значилось 119 пустых мест старых каменщиков и кирпичников. Единицами насчитывались они в Дмитрове, всего 16 дворов осталось записных рабочих в Ростове Великом и т. д. Но и с теми записными каменщиками и кирпичниками, которые остались на посадах, Смута разорвала связи у приказа. Эти связи нужно было восстановить и, прежде всего, установить, сколько рабочих было в его распоряжении.

Нужно сказать, что и сами записные рабочие стремились в это время к восстановлению тех льгот, которые предоставлялись им жалованными грамотами XVI в. Налоговое бремя все более и более возрастало и при проводившихся в начале XVII в. многочисленных дозорах, а затем всеобщей переписи, каменщики и кирпичники рисковали быть вовлеченными в посадское тягло без всякой гарантии, что это освободит их от отбывания лежавшей на них специальной повинности. Да в данное время для них и выгоднее было положение беломестцев. Истощение государственных финансов, необходимых для продолжения военных действий, заставляло правительство напрягать все платежные силы податных слоев населения; население изнемогало, било челом о новых дозорах в целях установления степени разорения и снижения суммы оклада. «При таких условиях все смешалось, спуталось и образовало какой-то безысходный круг: за разорением следовали дозоры, по дозорам производилось сильное уменьшение сошных окладов, заставлявшее правительство увеличивать оклады посошных налогов, увеличение обложения делалось непосильным, становилось само причиной разорения и вызывало новые дозоры; по вторичным дозорам сошные оклады еще раз понижались, и в конце концов налоги так возросли, что стали непосильными даже для тех городов, которые не подверглись разорению».¹

Понятным при таких условиях было стремление записных ремесленников послать своих челобитчиков в Москву с просьбой о подписании на имя нового царя прежних жалованных грамот, выданных его «прародителями». Из Владимира, Коломны, Костромы, Твери, Тулы в 20-х годах появляются уполномоченные записных ремесленников и, по докладу приказа каменных дел, получают подтверждение прежних пожалований, чем и возобновлялось их прежнее обособленное положение на посадах, поколебленное за время Смуты.²

¹ Веселовский С. Б., Сошное письмо, т. II, стр. 186, М. 1916.

² Грамоты, выданные в это время записным каменщикам и кирпичникам, перечислены выше, см. стр. 33, прим. 1.

Но недостаточность рабочей силы и необходимость возобновления учетных списков приказа заставили его и со своей стороны принять ряд мер для того, чтобы восстановить расширенную организацию. В этих целях и посылаются на посады специальные посыльщики, на которых возлагается проведение на посадах самого тщательного «сыска» всех людей, «кому бы каменное и кирпичное дело было за обычай».

Однако ни сказки записных ремесленников об их числе, ни сыск уполномоченных каменного приказа не могли доставить последнему такого числа рабочих каменного и кирпичного дела, которое могло бы удовлетворить ту громадную потребность в квалифицированной рабочей силе, какая нужна была для выполнения всех необходимых работ. Тем менее мог дать ее в условиях запустения, особенно в первые годы работы приказа после ее возобновления, вольный наем. Нужны были новые ресурсы рабочей силы, и приказ нашел их в расширении территории, на которой производились мобилизации каменщиков и кирпичников.

Во время Смуты население двигалось в тех же направлениях, в каких шло оно в XVI веке: из центра и западной окраины Московского государства посадское население переходило на север и северо-восток. На посады этих областей приказ и возлагает новую повинность. В 1630 году вятский воевода впервые получает грамоту о высылке каменщиков, кирпичников и гончаров к вяземскому и можайскому городовому делу.¹ Собственно сама грамота не позволяет еще утверждать, что мобилизации рабочих каменностроительного и кирпичного дела не проводились на Вятке и раньше, так как точно такие же грамоты были одновременно разосланы и по другим посадам, где были записные каменщики и кирпичники исстари. Но на это указывают сами вятчане—посадские люди в одном из своих челобитий того же года: «Да от нас же, государь,—жаловались они,—с посаду взяты к Москве к каменному делу кирпичники и гончары, а те люди искони бе у такова твоего государева дела не бывали, а на посаде, государь, у нас были в тягле в сошном письме, и на тех, государь, людей смотря, и достальные жильчишка бредут врознь».²

Впервые в этом же году была проведена мобилизация каменщиков и кирпичников в Каргополе и на Чердыни.³ Следует отметить привлечение в обоих этих случаях к отбыванию повинности наряду с посадскими и уездных людей. Объясняется это, очевидно, не только особенностями жизни северных посадских миров, не отделявшихся резко от уездов, а и стремлением приказа получить возможно больше рабочих, так как

¹ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

² Веселовский С. Б., Акты писц. дела, т. II, стр. 162—163, М. 1917.

³ Летопись зан. Арх. ком., в. 21, стр. 142, № 606.

такая же грамота о сыске рабочих на посаде и в уезде была одновременно послана в Муром ¹ и, может быть, в другие посады.

Расширение территории мобилизаций и энергичная деятельность приказа каменных дел по собиранию рабочих дали, повидимому, положительные результаты. И уже в мае 1630 г. приказ послал в Пермь новую грамоту с распоряжением чердынских посадских и уездных каменщиков и кирпичников к Москве не высылать и оставить их попрежнему в тягле, чтобы они несли подати и мирские расходы наравне с мирскими людьми. ² Расширение территории, захватываемой мобилизациями, кончилось, и приказ по окончании войны перешел к работе на мирном положении.

Пришлось приказу каменных дел после Смуты восстанавливать и свои производственные предприятия. Начать работу на кирпичных заводах было нетрудно. Для них нужна была только рабочая сила, так как при помощи тех же кирпичников велась починка кирпичных сараев и обжигальных печей. Сложнее обстояло дело с заготовкой белого камня. В Мячковской волости, доставлявшей этот белый камень, было запустение: крестьян «многих Литва посекала, а иные разошлись по городам». Пришлось принять меры к обратному водворению беглецов на их прежние места. «И после Московского разорения,— рассказывали мячковские крестьяне в одной из своих челобитных,— из городов собраны они опять в Мячковскую волость и посажены по прежнему, где хто жил наперед того на старых местех. И велено де им мячковскими землями и всякими угоды владети по прежнему, как они владели при государе... Федоре Ивановиче всеа Русии». А, кроме того, для облегчения выполнения ими повинности по заготовке «запасов» дано было им «лесу к... государеву известному печному зженью на 10 верст длиннику, а поперег 6 верст, да в то же число... угоды: 3 пустоши... и точильные рвы». ³

Все эти мероприятия позволили приказу каменных дел сравнительно быстро восстановить в прежнем виде организацию каменностроительного дела и выполнить те срочные работы, которые вызывались военными обстоятельствами, а затем приняться и за сооружение в Москве и провинции гражданских зданий.

И во второй половине XVII века каменное строительство продолжается с достаточной напряженностью. В 1650 г. при участии каменного приказа строится каменная ограда в Звенигородском монастыре Саввы Сторожевского. Немногим раньше

¹ Ст. Моск. Ст., № 58, л. 286.

² Лет. зан. Арх. ком., в. 21, стр. 143. № 614.

³ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 71, 73.

его же силами строится церковь в Богородицком курском монастыре, вновь починаются стены в Коломне, производится ремонт стен московского кремля, заново строится Хамовный двор, ремонтируется церковь Саввы Стратилата и т. д.

Достигнутый дополнительными мобилизациями 30-х годов эффект, очевидно, только временно мог удовлетворить приказ каменных дел, и, когда в 50—60-х годах вновь были начаты значительные постройки в Москве, ему пришлось прибегнуть к испытанному ранее средству — расширению числа посадов, с которых брались каменщики и кирпичники. В марте 1653 г. торжковский воевода князь И. И. Урусов получил грамоту: «в нынешнем во 161 году марта в 4 день указали мы из городов, которые преж сего города в приказе каменных дел были не ведомы, взять к Москве, к нашим х каменным и кирпичным делам с посадов и из-за монастырей и вольных людей каменщиков и кирпичников, и горшечников, и их детей, и братьев, и племянников, которые умеют каменное и кирпичное дело делать». Такие же грамоты одновременно были посланы в Михайлов, Рязск, Калугу, Верею и Лух.¹

Но в это время приказу каменных дел приходится уступить выполнение части дворцовых построек в собственных царских имениях новому учреждению. Начиная с 1656 г. и, вероятно, до 1676 г. функции приказа каменных дел в отношении мобилизации рабочих каменностроительного и кирпичного дела для работ в имениях царя Алексея Михайловича принимает на себя тайный приказ. При ликвидации этого учреждения, среди дел, переданных в каменный приказ, перечислены следующие: «Столпик 165, 166 и 167 гг. о вологодских, и белозерских, и нижегородских, и иных городов о кирпичниках и каменниках, которые иманы из городов для каменных дел в Москве по наряду ис приказа тайных дел». «Столпик, а в нем список каменщиков разных городов, которые иманы для всяких дел в Москве во 166 г. по наряду ис приказа тайных дел». «Столп, а в нем отпуски государевым грамотам в города к воеводам и из городов от тех воевод отписки о сыску записных и о выборе из гулящих каменщиков и кирпичников, и о высылке к Москве для каменного строения в Саввин монастырь». Тут же наряды работникам, которых велено посылать из дворцовых сел в Саввин монастырь «х каменному делу и к бутовой ломке, переменяясь». «Столпик, а в нем отписки вологодские, ярославские переяславские и иных городов о каменниках и кирпичниках, которые были на Москве для строения каменных житниц и у иных дел во 167 г.». При этом приказ тайных дел принял на себя не только заботу в вызове рабочей силы, но частично начал самостоятельно организовывать и производство строительных

¹ Ст. Оп. П., № 4953, лл. 1—3.

материалов, хотя значительная часть их доставлялась одновременно и приказом каменных дел.¹

Это вмешательство тайного приказа в компетенцию приказа каменных дел, вероятно, отразилось на интенсивности каменностроительных работ, производившихся вторым, но с уничтожением особого управления царскими именьями все дело вновь сосредоточилось в каменном приказе. Однако даже и в этот период одновременных с приказом тайных дел мобилизаций каменным приказом выполняется такая большая работа, как постройка архангельских гостиных дворов, начатая в 1668 г. и законченная к 1676 г., и начатая в 1675 г. постройка здания приказов. После короткого перерыва в деятельности приказа каменных дел в 1681—82 гг. им же выполняются, правда, уже при организации всего дела на новых началах, работы в Смоленске, в Москве и других местах, перечислять которые нет необходимости. Для всех этих работ и вызывались рабочие с посадов.

Приведенных справок о строительной деятельности приказа достаточно для того, чтобы установить постоянную нужду в рабочих каменного и кирпичного дела, которую испытывала Москва, и, следовательно, постоянную необходимость для приказа держать на учете всех ремесленников данной специальности, каких могли дать ему посады. Но «каменщицьи и кирпичницьи книги» приказа каменных дел² до нас не дошли, а только по ним можно было бы с достаточной полнотой представить численные размеры рабочей силы, бывшей в распоряжении приказа, и ее территориальное распределение. Для установления этого приходится обращаться к другим источникам, сохранившим некоторые сведения о записных каменщиках и кирпичниках на посадах. Эти разрозненные данные можно извлечь из некоторых писцовых и переписных книг, из сметных росписей посадов, из сохранившейся приказной переписки по поводу высылки рабочих. Конечно, эти сведения будут далеко не полны, захватят, возможно, не все посады, на которых был данный разряд населения, но представляется небезынтересным попытаться составить такую сводку.

III

Относительно числа и положения среди записных рабочих приказа московских записных каменщиков нам придется говорить в другой связи, когда будут рассматриваться наиболее

¹ РИБ, т. XXI, стр. 126, 147, 154, 177. О поставках каменного приказа — стр. 1040, 1051, 1052 и др. О собственных заготовках — стр. 1058. Также Заозерский А. И., Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, П. 1917.

² Эти книги упоминаются в деле о тверских каменщиках и кирпичниках. ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 123.

квалифицированные разряды приказных рабочих, обзор же остальных посадов мы начнем с городов «от Немецкой Украины» — Пскова и Новгорода.

В течение всего XVII в. нам не встретилось указаний на высылку по грамотам приказа каменных дел каменщиков и кирпичников из Пскова. О причинах такого, на первый взгляд странного явления, особенно если припомнить практику строительного дела в XVI в., можно строить догадки. Повидимому, этому мешали отдаленность Пскова от Москвы и, главным образом, пограничное положение посада. Бывшие там каменщики нужны были прежде всего для самого Пскова и окрестных пограничных каменных укреплений.

Документы по Пскову сохранили указания на то, что там ремонт городских стен производился своими силами, при чем псковский воевода на месте мог найти не только рядовых каменщиков, но и подмастерьев каменных дел. В 1633 г. псковским подмастерьем Павликом Васильевым составляется смета на починку псковских укреплений, производившуюся, повидимому, псковскими каменщиками.¹ Только в конце века для производства такой же работы в Псков был послан московский подмастерье, когда предполагалось произвести капитальный ремонт стен «Окольного, Среднего и Кремля городов».

И документами псковские каменщики называются не «записными», как это было обычным для других посадов, а «казенными». По сметной росписи псковского посада 1631 г. их было там 18 человек, в смете 1667 г. указано «казенных каменщиков» 12 человек, «бою у них нет». В 1668 г. по одной смете 12, а по другой — 13 человек, в 1677 и 1680 гг. — всего 7 человек. Позднее число их значительно возрастает: в 1683 г. их значится 28 человек, а в 1685 г. — 33 человека. Наконец, смета 1699 г. содержит запись: «Псковские казенные каменщики: староста Никита Григорьев... рядовые 24 человека, их же каменщиков детей... 17 человек».²

Но на учете приказа каменных дел они, очевидно, не состояли. Очевидно, запустевший в XVI в. на 87,5% посад и позднее не привлекался к отбыванию повинности, в силу своего украинного положения и необходимости иметь для себя некоторое число квалифицированных рабочих.

В другом центре области, примыкавшей к «немецкой» границе, — Великом Новгороде — каменное дело в XVII в., повидимому, не особенно процветало. Иверский монастырь, пославший в 1653 г. служку за каменщиками для выполнения монастырских работ в Новгород, должен был сообщить патриарху, что «каменщиков не добыли ни единого человека».³

¹ Сборник Арх. Мин. Юст., т. V, стр. 81—82, 220, М. 1914.

² Сб. Арх. Мин. Юст., т. VI, стр. 159, 165, 171, 184, 205, 286; Кн. Моск. Ст., № 62, л. 421 об.; Смирнов П. П., Города, вып. 2. Таблицы на стр. 35—40.

³ РИБ, т. V, № 90, § 3

В приказе каменных дел они на учете также не состояли. В 1654 г. в феврале приказ потребовал через новгородскую четверть высылки каменщиков и из Новгорода. На присланной по этому поводу в четверть памяти подьячий сделал отметку: «А росписи (каменщиков) в Новгород не послано, потому что росписи новгородским каменщиком из приказу каменных дел не прислано». Произведенный по этой грамоте сыск дал небольшие результаты: «И в Новгороде сыскано каменщиков записных 2 человека. Да Семенова приказу Толбугина стрельцов каменщиков 5 человек... да казаков каменщиков... (2 человека). И тот приказ стрельцов Семена Толбугина, и казаки отосланы в полк к боярину и воеводам к Вас. Петр. Шереметеву с товарищи. Да стрельцов же каменщиков Васильева приказу Теглева 12 человек... Да кирпичных мастеров того ж приказу 6 человек... И тех стрельцов каменщиков и кирпичников не послали к тебе, государю, к Москве мы, холопы твои, для того, что один приказ остается во всем городе по караулам и в провожатых за твоею государевою казною и за иноземцы. Да кирпичных же мастеров посацких людей... (2 человека)». ¹ Цифры воеводской отписки показывают, что Новгород в данное время для удовлетворения казенных нужд и нужд посадских людей в каменностроительном деле использовал, главным образом, стрельцов. А казенные работы там производились в довольно значительных размерах, на что указывают запасы строительных материалов, бывшие в распоряжении воеводы: в 1653 г. к нему обратился игумен Троицкого Михаила Колпинского монастыря с просьбой об отпуске 300 бочек извести, и воевода с разрешения Москвы отпустил их челобитчику. Такие выдачи видим мы и позднее. ² Но записных рабочих там было очень небольшое число, и, кроме приведенного выше случая, мы не встречаем их в документах.

Повидимому, так же обстояло дело и в новгородских пригородах и на других посадах «от Немецкой Украины». По крайней мере, по той же мобилизации 1654 г. из всех пригородов только один Порхов мог выслать 5 человек горшечников. Остальные пригороды не выслали никого. Из Торжка, граничившего с Замосковьем, только в 1699 г. был выслан один каменщик. ³ На посадки западной окраины государства в отношении получения рабочих приказ каменных дел, очевидно, рассчитывать не мог.

Идя от западной границы к северу, мы попадаем в область Поморья. Выше ⁴ приведены были выдержки из отписок двинского

¹ ПДСЛ, 1653 г., № 59, л. 352. Цифрами, поставленными в скобки, заменено нами перечисление имен рабочих.

² Там же, лл. 28—30, 500—501, 545.

³ ПДСЛ, 1659 г., № 59, лл. 605—606; Ст. Бел. Ст., № 1715, л. 72.

⁴ См. стр. 29—30 настоящей работы.

воеводы, свидетельствующие, что наиболее северные посады рабочих каменностроительного дела до конца века не имели, и только в 1630 г. один из более близких к Москве посадов — Каргополь — был захвачен мобилизациями. Сначала его рабочие мобилизовались каменным приказом, а затем приказом тайных дел. Число каменщиков и кирпичников, собиравшихся здесь с посада и с его уезда, было довольно значительным. В 1630 г. собственно Каргополь дал 16 человек, Плесская волость—3, Усть-Можский стан—3, Павловская волость—5, Печенковская—2, Турчасовская Нижнего Конца—5, Нижегородская—1, Верхнегородская—1, Турчасовский стан—2, Архангельская—1, а всего 29 человек.¹ Других сведений о высылке рабочих из посадов Поморья мы не имеем. Каргопольцы, работавшие в имениях царя Алексея Михайловича, находились в ведении приказа тайных дел.

Дальше на восток шли вятские посады, впервые, как и Каргополь, захваченные мобилизациями приказа в 30-х годах. Писцовая книга 20-х годов по Хлынову каменщиков и кирпичников не отмечает, как не отмечает их и писцовая книга Слободского посада 1629 г.. Но когда в 1630 г. была проведена приказом каменных дел первая мобилизация, как каменщиков, так и кирпичников было сыскано в посадах и в уезде довольно значительное число: из Хлынова было взято 49 человек, из Орлова вместе с Истобенской волостью—25 человек, в Слободском и Шестакове нашли 17 каменщиков и 11 гончаров; всего же было мобилизовано 130 человек, причем двое среди них были не коренные вятчане, а пришельцы из Устюга Великого. Позднее мы видим вятчан среди каменщиков и кирпичников, мобилизуемых тайным приказом, но число их значительно падает. В 1659 г. из Хлынова было прислано всего 13 человек, из Орлова—2, из Котельнича—4, из Слободского—8 человек, а всего—27. Не сыскано было 3 человека, да больными сказались двое. Все это были кирпичники, относительно же каменщиков они сказали, «что на Вятке каменщиков преже сево не бывало и ныне нет». В 1672 г. на Вятских посадах был произведен сыск каменщиков и кирпичников, установивший, что число рабочих здесь еще сильнее сократилось. По предположениям приказа каменных дел их должно было быть 52 человека, а налицо оказалось всего 13: в Хлынове—8, в Слободском—4, в Котельниче—1, а в Орлове—ни одного. В следующем—1673 г. эти 13 человек и работали в московских кирпичных сараях. Переписная книга по Хлынову 1676 г. отмечает в тексте и в итогах всего 1 двор кирпичника, а по переписи 1710 г. их было на Вятке 14 дворов. Несмотря на неполноту этих данных, думается, можно установить постепенное сокращение если не самого промысла, то числа рабочих, не

¹ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

стремившихся особенно уклониться от государевых каменных и кирпичных дел. Но мобилизации приказа производились здесь до конца его существования, производились и позднее, в XVIII в., когда функции приказа каменных дел перешли к другим учреждениям.¹

На северо-восток и к востоку от Вятского края мобилизации приказа не распространялись. В 1630 г. была намечена к включению в число посадов, с которых брались рабочие, Чердынь, но затем приказ каменных дел по каким-то причинам отказался от этого, и взятые там на учет каменщики и кирпичники были оставлены на посаде в тягле.²

К югу от Вятки, в Низовых городах каменщики и кирпичники были только в наиболее близких к Замосковью Нижнем-Новгороде и Арзамасе. Произведенная в 1621—22 гг. перепись Нижегородского посада отмечает один двор каменщика «на исстари на тяглом месте», да еще 4 «дворишка» и одну «избенку». Это, повидимому, записные каменщики. Но, кроме них, за р. Окою в Кунавинской слободке, где жили маломочные посадские люди, в 5 дворах отмечены каменщики да в двух дворах кирпичники: «а тягло тянут с нижегородскими людьми по невелику, кормятца своим рукодельем». Отмечен еще один каменщик на церковной земле, относительно которого указано, что он «нищей». В итогах книги дворы каменщиков и кирпичников сосчитаны вместе с дворами других нижегородских служилых людей, которых писец насчитал 381 человек в 346 дворах. Небольшое количество каменщиков было в Арзамасе, но число их неизвестно. В итогах переписной книги 1678 г. значится: «Всего в Арзамасе в городе и на посаде в 24 дворах дворников, и стрельцов, и пушкарей, и каменщиков, и бортников 24 человека».³

Из городов Рязанского края только в Переяславле-Рязанском были кирпичники, которых там в 1669 г. насчитывалось 21, да детей их — 7. Попытка произвести сыск каменщиков и кирпичников в Михайлове и Ряжске, сделанная в 1653 г., повидимому, никаких результатов не дала, во всяком случае рабочих из этих посадов на работах мы не встречаем.⁴

Из украинских городов давали приказу каменных дел рабочих только Тула и Калуга. В 1617 г. по городской смете в Туле было 13 кирпичников, в следующем году отмечено 80 человек (вероятно, с кирпичниками других посадов, возможно, в этом году работавшими в Туле). В 1619 г. смета их отмечает

¹ Труды Вятск. Арх. Ком., 1913 г., в. 3—6, стр. 109—141 и за 1907, в. 1, стр. 1—59, ПДСЛ, 1630 г., № 10, ПДСЛ, 1673 г., № 102, лл. 169—172; ПДСЛ, 1672 г., № 172; Материалы для истории города, М. 1889, стр. 55—92.

² См. стр. 50—51.

³ РИБ, т. XVII, стр. 85—179, 188, 376, 379, 387, 410, 447; Акты Нижегородского Печерского монастыря, стр. 88. Замысловский Е., Переписные книги, Лет. Зап. Арх. Ком. в. 8, стр. 3.

⁴ Ст. Оп. П., № 4953, лл. 2—3.

7 человек. Перепись 1625 г. записных кирпичников не выделяет, но среди владельцев лавок перечислены 9 кирпичников. В 1628 г. приказ считал в Туле 24 рабочих, а в 1665 г. по его расчетам тульский посад не дослал 28 рабочих. Более поздних указаний на тульских кирпичников мы не встретили.¹ Относительно Калуги имеются два известия, находящиеся между собой в некотором противоречии. Известно, что калужским кирпичникам была в 1648—49 г. выдана жалованная грамота, получившая подтверждение в 1665—66 г. Но при расширении территории мобилизаций каменщиков и кирпичников в 1653 г. Калуга упомянута в числе тех посадов, которые «преж сего в приказе каменных дел были не ведомы». Вероятнее всего в последнем случае приказ каменных дел допустил ошибку, так как для второй половины века документами отмечается на Калужском посаде большая слобода кирпичников, в которой было их в 1669 г. 54 человека, а в 80-х годах—67 человек по данным воеводы, и 73 человека по учетным книгам приказа. Возможно, что калужский посад был привлечен к отбыванию повинности позже Тулы, но едва ли позднее 1630 г., когда приказ каменных дел впервые вышел далеко за пределы Замосковья в поисках рабочих каменностроительного дела.²

В городах Заокских, Польской, Северской и Литовской Украины записных каменщиков и кирпичников в XVII в., по видимому, не было, как не было их там и в XVI в. Главными поставщиками рабочей силы для приказа каменных дел оставались посады Замосковья, которые почти все были привлечены к отбыванию новой повинности еще в XVI в.

В северной части Замосковья сравнительно большое число записных рабочих было в Белоозере. По дозору 1618 г. здесь насчитывалось 18 дворов каменщиков и кирпичников. В 1628 г. в Москву требовали высылки 13 каменщиков и 11 кирпичников. В 1631 г. там был произведен «сыск», но результаты его неизвестны, а позднее белозерские рабочие вызываются уже по нарядам приказа тайных дел одновременно с вятскими и каргопольскими ремесленниками. По списку 1678 г. в Белоозере числилось 36 рабочих.³

В другом северном посаде, находившемся на границе между Замосковьем и Поморскими городами,—в Вологде по писцовой книге 1627 г. было в городе 2, да на посаде 29 дворов каменщиков, людей в них 32 человека, и 10 мест дворовых были пусты. В 1669 г. в списке городов, «которые ведомы в Разряде»,

¹ Тула, Материалы для истории города, стр. 21. М. 1889; Книги разрядные, т. I, стр. 531, 651, 879; «Времен. Общ. ист. и др. Росс.», 1849, кн. 3, 152.

² Ст. Севск. Ст., № 453, лл. 186, 194, 195; Ст. Ор. П., № 4953, лл. 2—3; Кн. Моск. Ст., № 62, л. 110 об.

³ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 189—90, примеч; Успенский, Ст. Ор. П., № 1479; РИБ, т. XXI, стр. 126. См. также Заозерский А. И., Указ, соч.; Ст. Новг. ст., № 184; ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 4, 401—404; ДАИ, т. VI, стр. 5.

значилось в Бологде 22 каменщика и 5 детей, кирпичников—8, детей у них—6. В 1670 г. из Вологды в Архангельск вызывалось 28 человек, но явилось только 12. Наконец, по сметной росписи 1678 г. значилось записных каменщиков 20 и кирпичников—13.¹

К востоку и юго-востоку от Вологды каменщики и кирпичники были в Солигаличе и в Галиче.

В Соли Галичской, по дозору 1613 г., «в разных улицах» было переписано всего 13 дворов записных каменщиков и кирпичников и людей в них «тожь». Но затем число их быстро возросло, и уже в 1628 г. приказ каменных дел рассчитывал получить оттуда 60 рабочих. Несколько ранее в Соли Галичской был произведен сыск рабочих, которые теперь в переписных книгах начинают подразделяться на «старых» и «новых». По переписной книге 1627—28 г. старых каменщиков было зарегистрировано 26 дворов, а людей в них 33 человека, да, кроме того, «посадцких же тяглых 39 дворов, а людей в них 51 человек, а стали те люди в каменщики в нове, со 131 году, избываячи тягла своего».

По переписной книге 1646 г. «старых» было 27 дворов и людей в них 53 человека, а «новых»—57 дворов с населением в 137 человек. В Архангельск из Соли Галичской, вместо ожидавшихся там 27 человек, явилось в 1670 г. всего 16, но все-таки при разверстках рабочей силы, делаемых приказом каменных дел, на этот посад приходилась всегда одна из наиболее крупных цифр.²

Число каменщиков и кирпичников Галича нам неизвестно. Первый раз упоминание о них встречается во второй половине XVII в., когда приказ каменных дел требует высылки недосланных посадом 15 рабочих. Возможно, что этим и исчерпывалось их число. В 1695 г. в Галич для сбора с записных кирпичников за кирпичное дело денег был командирован Ганка Бартеньев.³

Для сев.-западной части Замосковья записные рабочие отмечены для Углича, Кашина, Твери, Волоколамска и Боровска.

Из Углича каменщики и кирпичники вызывались в Москву грамотой 1622 г., но сведения о числе их относятся к более позднему времени. В выписи с переписных книг 1674—76 гг. указаны: «Дв. белый. Митька Борисов с., каменщик; у него сын Стенка 20 лет», «Дв. молотчей человек Микифорко Минин с., кирпичник». Но в итогах книги эти дворы не выделены, как это часто делалось писцами по отношению к записным

¹ Мерцалов, «Вологодская старина», стр. 54; Смирнов П. П., Города, стр. 189—90; ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 52—53.

² Успенский, Ст. Ор. П., в. 3, № 1479. Смирнов П. П., т. I, в. 2, Города, там же; Писц. кн. № 454, лл. 161 об., 165 об., ПДСЛ, 1670 г. № 109, лл. 54, 401—404, 540, 546.

³ Ст., Нов. Ст., № 184; Ст. П. Ст. № 2062, лл. 32—78.

рабочим, не платившим тягла. Возможно, что их было больше, но они не были зарегистрированы переписью. Это предположение находит некоторое подтверждение в последующей переписи 1717 г. (ландратской), для которой книги переписи 1674—77 гг. служили «приправочными». В итоге переписи 1717 г. отмечено: «И против книги 184 г. мирские дворы сходственны... каменщиков и кирпичников прибыло 18 дворов». ¹

В Кашине в 1616 г. было сыскано 15 старинных каменщиков, в 1628 г. считалось 29 каменщиков и 2 кирпичника. В переписной книге 1646 г. было указано: «На посаде живут каменщики государевы в разных слободах» 17 дворов, людей в них с детьми, братьями, племянниками было 39 человек, но в Архангельск в 70-х гг. из Кашина являлось только по 2 человека. Число записных ремесленников в Кашине, очевидно, резко сокращалось. ²

В Твери по дозору 1616 г., до бывшего там пожара, насчитывалось 35 дворов каменщиков и кирпичников. В 1617 г. специальным «посыльщиком» приказа каменных дел было переписано 35 каменщиков старых и 12 новых, но сам приказ считал в это время на Тверском посаде 52 человека. По писцовой книге 1626 г. числилось новых каменщиков и кирпичников 61 человек и их же пустых мест 16, да старых каменщиков и кирпичников 30 и их пустых мест 119. Но затем число записных рабочих сокращается, и в 1638 г. тверичи посадские люди насчитывали старых каменщиков всего 13, и кирпичников—7, отмечая число «прибранных» к ним, очевидно, за все время после Смуты, в 37 человек. В 1669 г. в «Книге городов, ведомых в Разряде», по Твери отмечено каменщиков и кирпичников 23, но в приказных записях для конца века продолжала оставаться довольно большая цифра—63 человека. ³

Небольшой Волоколамский посад по грамоте приказа каменных дел прислал в 1627 г. в Москву двух каменщиков, «которые преж сего хаживали к... государеву всякому делу». В сметной росписи города 1630 г. упоминаются также только два человека, а более поздних записей совсем не встречается. Повидимому, во второй половине XVII в. в Волоколамске записных рабочих не было. ⁴

¹ Ардашев и Голомбиевский, Опись дел упраздненных судебных мест. По Угличу: Углич. Маг. для ист. города, стр. 116; «Город Углич в XVII в.». Выпись, изд. Липинским во «Временнике Демидовского Лицея». Пользуюсь отдельным оттиском.

² Успенский, Ст. Ор. П., в. 3, № 1479; Смирнов П. П., Ст. Ор. П., ПДСЛ, 1670 г., № 109; Ст. Ор. П., № 38, стр. 201. Кункин И. Л., Город Кашин в «Чт. Общ. ист. Д. Р.» 1903 г., стр. 43.

³ Успенский, в. 1, № 234; Смирнов, Города, стр. 189—90; Успенский, в. 2, №№ 1438, 1439. Ст. Ор. П., № 2947, лл. 115—117, 207. Кн. Моск. Ст. № 62, л. 452 об. ПДСЛ, 1679 г., № 366.

⁴ Успенский, в. 3, №№ 1428, 1436; Разрядные книги, II, стр. 271, 338; «Временник», т. III, стр. 125.

Боровск оставался, по всей вероятности, свободным от мобилизаций до середины века. Переписная книга по этому посаду 1646 г. среди других посадских дворов отмечает: «да 3 двора посадских людей, а те посадские люди взяты к государеву кирпичному делу в Москве». Судя по записи, дворы кирпичников еще не были обелены, следовательно, мобилизация была только что проведена. Более поздних указаний на существование в Боровске записных кирпичников однако нам не встретилось, и, может быть, позднее посаду удалось опять втянуть мобилизованных в тягло.¹

Из других западных посадов Замосковья записных рабочих, очевидно, приказ не вызывал. Разоренный Можайск в начале века дать рабочих не мог, а позднее в список посадов, с которых требовали рабочих, включен, вероятно, не был. Верее только в 1653 г. была включена в число посадов, с которых предполагалось привлечь рабочую силу для построек в Москве, но результаты этой попытки неизвестны.² Остальные посады западного Замосковья в документах приказа не упоминаются.

К югу от Москвы мы находим каменщиков и кирпичников в Серпухове и Коломне.

В первом из этих посадов, по учету приказа каменных дел, находилось всего 5 кирпичников, не высланных на работу в 1628 г. Но позднее число их возрастает: по смете 1669 г. в Серпухове числилось кирпичников 14, а их детей и братьев—17. По росписи 1678 г. и позднейшей 1683 г. указано только 14 человек.³

Несколько большее число записных рабочих было в Коломне. В Коломне писцовая книга 131 (1622—23) года отмечает 21 двор гончаров, которые не тянули тягла с посадом, как не тянули его и владимирские гончары, взятые в кирпичники. В 1628 г. приказ считал на Коломенском посаде 28 записных ремесленников. Напомним, что в Коломне приказом была одно время организована выделка кирпича, причем в помощь коломенским кирпичникам были посланы 64 записных рабочих других посадов. В 1678 г. в самой Коломне было, по сметной росписи, 26 записных кирпичников.⁴

В восточной части Замосковья каменщики и кирпичники были почти на всех посадах: во Владимире, Суздале, в более северном Дмитрове, Костроме и Муроме.

В сотной выписи по Дмитрову в 1624 г. указывается, что одно из пустых церковных мест находится «за каменщики»,

¹ Боровский, Материалы для ист. города, стр. 15—16, М. 1888.
² Можайские акты, стр. 24, 26, 71, 94; Ст. Ор. П., № 4953, лл. 2—3.
³ Успенский, в. 3, № 1479; Кн. Моск. Ст., № 62, л. 89 об.; Ст. Новг. Ст., № 184; ДАИ, т. IX, №№ 96, 106.
⁴ Смирнов П. П., Города, в. 2, стр. 189—90; ПДСЛ, 1673 г., № 103; ДАИ, т. IX, № 106.

переписи лавок зарегистрированы: «лавка каменщика Пер-
шки Третьякова, да полчишко каменщика ж Богдашка Еро-
ва. Стоит та лавченка и полчишко на их на старинном на
том месте, оброку они с тое лавки и с полчишка не платят
государеве... Михаила Федоровича... жалованной грамоте»,
1631 г. в Дмитрове был произведен сыск каменщиков и
кирпичников, но результатов он никаких не дал, натолкнув-
сь на упорное противодействие посада. Сыщик был отозван
Москву, и на посаде остались попрежнему два записных
бочих. То же число указывает и переписная книга 1646 г.
Позднее дмитровские каменщики в росписях не встречаются.¹

По пути от Москвы к Ярославлю встречаем записных кир-
пичников прежде всего в Переяславле-Залесском, но число
очень незначительно. По смете 1669 г. их там было всего 8
у них 3 взрослых сына. Позднее переяславцы встречаются
в работах в Архангельске, но число их измеряется едини-
цами.² В соседнем Суздале, по дозору 1617 г., среди по-
дских дворов было 3 двора каменщиков, а людей в них
человека, да кирпичников 4 двора, принадлежавших 5 дворо-
ладельцам. Кроме того, каменщикам же принадлежало еще
двора и 4 места дворовых. В 1628 г. из Суздаля в Москву
вывозилось 14 каменщиков и 11 кирпичников. Позднее суз-
дальцы упоминаются в 1681 и 1700 гг., но число их неизвестно.³

Во Владимире приказ каменных дел считал в 1628 г.
кирпичников 11 человек, но по отписке воеводы их там в дан-
ное время было всего 9 человек, а двое сбежали. По переписным
книгам 1646 г. во Владимире на посаде «под Лоханью», «на
государевой на белой земле» жили гончары в 11 дворах: «тягла
никакова с посацкими людьми и ни с какими иными не тянут,
только они делают государево кирпичное дело». Два недослан-
ных владимирских кирпичника и один каменщик («белозерец»)
упоминаются в 1665 г.⁴

Возвращаясь на торговую архангельскую дорогу, находим
каменщиков и кирпичников в Ростове Великом. Писцами, про-
изводившими дозор 1619 г., было переписано 16 дворов камен-
щиков и кирпичников. Переписная книга 1646 г. отмечает:
«В Ростове на посаде и в слободах каменщиков 10 дворов и
кирпичников 8 дворов, да один двор вдовы кирпичника... Всего
каменщиков и кирпичников 18 дворов, а людей в них 18 че-
ловек, у них детей и братья, и племянников, и сосед 21 чело-
век». По переписной книге 1678 г. в Ростове на посаде было:

¹ «Временник Общ. Ист. и Древн. Росс.», кн. 24, стр. 20; Смирнов П. П.
там же; ПДСЛ, 1631 г., № 70.

² Ст. Новг. Ст., № 194; РИБ, т. XXI, стр. 177; ПДСЛ, 1670 г., № 109.

³ Писц. кн. № 422, дл. 30, 34, 37, 42, 51 об.; Успенский, в. 3;
№ 1479; Ст. Новг. Ст., № 184; ПДСЛ, 1700 г., № 24.

⁴ Успенский, в. 3, № 1479; Смирнов П. П., Города, т. 1, в. 2,
стр. 189; Ст. Новг. ст. № 184.

«двор каменщика, у него во дворе кирпичник, и 8 дворов кирпичников, всего 9 дворов и людей в них 20 человек». Кроме того, 8 дворов кирпичников были пусты, «а те кирпичники в моровое поветрие померли». Лавки каменщиков и кирпичников значатся и в окладной росписи 1691 г. ¹

В одном из наиболее крупных посадов восточной половины Замосковья—в Ярославле—каменщики и кирпичники были в сравнительно небольшом числе. Перечневая роспись по этому посаду, составленная в 1630 г., приводит итоги дозора 1614 г., по которому на Ярославском посаде значилось: «рассыльщиков, каменщиков и плотников... 34 двора». В этой росписи перечислены 8 лавок каменщиков с полулавкой, и с полчетью лавки, 1 полок и 2 места лавочных, находящихся во владении 12 лиц. Но указания числа каменщиков и кирпичников роспись не дает, включая их в общую итоговую цифру дворов «пушкарских, и стрелецких, и каменщиков, и кирпичников, и тюремных сторожей, и государевых плотников», всего 110 дворов. В переписной книге 1670 г. в Ярославле значится 7 дворов каменщиков, людей в них 14 человек, да одна келья каменщика. Из Ярославля в Архангельск вызывались в 1673 г. 23 каменщика, в 1675 г.—21, а в 1678 г.—25 каменщиков. ²

В поволжских посадах, ниже Ярославля, каменщики и кирпичники были в Костроме и Балахне и в приокском Муроме.

В Костроме в первой половине XVII в. было в Кирпичной слободе всего 5 дворов, да роздано каменщикам и кирпичникам 15 мест дворовых. По сметам военных сил число костромских ремесленников (вообще, а не только подведомственных приказу каменных дел) растет, увеличиваясь с 12 до 26 человек. Смета 1678 г. считает на Костроме 18 кирпичников. В переписных книгах того же года было отмечено в слободе 10 дворов с мужским населением в 26 человек. Но на постройку в Архангельске костромской посад высылал всего одного рабочего, если не считать кирпичников, посылавшихся костромским Ипатьевским монастырем. ³

В Балахне переписная книга 1646 г. отмечает значительное количество дворов кирпичников на посаде: в этом году их было там 37, а в 1678 г.—33 двора, и людей в них было 112 человек. Такая большая населенность двора связывалась, очевидно, с тем, что в Балахне было очень развито кирпичное производство: записным кирпичникам здесь принадлежало 14 кирпичных заводов. Вероятно, в их дворах жили, кроме

¹ Титов А. А., Дозорные и переписные книги Ростова Великого, стр. 7, 41, М. 1880; Смирнов П. П., Города, там же; Успенский, в. 3, № 1479. Ростов. Материалы для истории города, стр. 17, 34, М. 1884.

² «Яросл. губ. вед.» 1861 г., № 35, стр. 272, № 13, стр. 121, № 19, стр. 150, № 33, стр. 256—257; Книги разн. городов, № 12, лл. 103—05, 131

³ Смирнов П. П., Заметка к истории г. Костромы. В Юбил. сборн. ист.-этногр. кружка Киевск. Ун., стр. 305, К. 1914; «Костр. губ. вед.» 1855 г., № 17, стр. 127—129; ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 36—41.

членов семьи, и работные люди в качестве «соседей». Их переписная книга отмечает 11, у них 3 взрослых детей и 15 малолетних.¹

Относительно Мурома известно только то, что там в 1630 г. был произведен сыск каменщиков и кирпичников, но число их неизвестно, и в позднейших документах муромских рабочих не встречается. Возможно, что этот посад принадлежал к той группе, на которую мобилизации были распространены только в связи с постройкой Можайска и Вязьмы, а затем взятые на учет ремесленники мало-по-малу возвратились в тяглое состояние. Во всяком случае, никаких точных сведений о наличии сколько-нибудь значительной группы каменщиков и кирпичников на этом посаде документы нам не сохранили.²

Привлечение новых документов, возможно, увеличило бы наши сведения о числе записных каменщиков и кирпичников на посадах и сделало бы их более точными и показательными, но и при этом условии едва ли бы представилось возможным сделать подсчет их числа. Все документы, содержащие данного рода сведения, относятся к хронологически разным моментам деятельности приказа, составлялись все они с различными целями, а потому и полнота их неодинакова. Препятствует подсчету, кроме того, разнокачественность регистрации: то мы имеем дело со всем населением дворов, то только с дворовладельцами, то с перечислением одних только дворов. Иногда, и по большей части, документ указывает несомненно записных каменщиков и кирпичников, но иногда приходится относить к их разряду и тех, около имени которых стоит просто указание профессии с сообщением, что они тягла с посадскими людьми не тянут. Самый характер источников вынуждает поэтому ограничиться только общим утверждением, что число ремесленников данных профессий, взятое на учет приказом, не было особенно значительным. Проф. П. П. Смирнов на основании внимательного изучения итогов писцовых и переписных книг считает, что в первой половине XVII в. на 13 посадах Московского государства было около 350 дворов записных каменщиков и кирпичников. Присоединяя к ним 18 дворов псковских казенных каменщиков, он получает 368 дворов.³ Можно думать, что эта цифра несколько ниже действительной, так как переписные книги, регистрируя тяглое население, не всегда отмечали дворы записных ремесленников как дворы беломестцев. Мы их не встречаем иногда в переписных книгах, даже тех посадов, где присутствие этого разряда населения зарегистрировано другими документами. Возможно даже, что

¹ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, стр. 189; Замысловский Е., Переписные книги 1676—78 гг., в «Лет. зан. Арх. Ком.», в. 8; Сборник Арх. Ниж. Ком., т. XV, стр. 87—89 и 151.

² Ст. Моск. Ст., № 58, л. 286.

³ Смирнов П. П., Города, т. I, в. 2, табл. к стр. 346.

записные ремесленники были и на некоторых из тех посадов, о которых нам не говорят ни переписные книги, ни другие источники. Во всяком случае, предложенную П. П. Смирновым цифру следует признать минимальной.

Второе наблюдение, которое позволяет сделать обзор посадов, сводится к тому, что в XVII в., как это было и до Смуты, основной кадр рабочих приказ каменных дел получал с наиболее значительных посадов Замосковья. Но так как собираемой с них рабочей силы не хватало, то, помимо включения в их число замосковских же посадов, на которые ранее мобилизации не распространялись, он начал стягивать каменщиков и кирпичников в Москву и из посадов других областей, преимущественно пограничных с центром.

Только сосредоточение этих ремесленников в руках приказа позволяло ему не только обслуживать самое Москву, но и перебрасывать рабочих на окраины государственной территории, которые без организации этой помощи едва ли бы могли выполнить такие значительные постройки, какие возводились в провинции в течение XVII в. Недостаток рабочей силы на этих окраинах и заставлял приказ каменных дел командировать тверичей для починки стен Великого Новгорода, колязинцев и угличан направлять в Курск, каменщиков замосковских посадов перевозить в Архангельск, ярославцев направлять в Смоленск, а позднее всю бывшую в его распоряжении рабочую силу бросить в Азов и в Таганрог.

Теперь и попытаемся на основании дошедших до нас сведений восстановить порядок собирания этой рабочей силы, обстановку самой работы и материальное положение записных рабочих, обязанных в порядке службы делать «государево кирпичное и каменное дело».

По поводу высылки записных каменщиков и кирпичников на работу. Сыск записных рабочих посыльщиками приказа каменных дел. Отправка рабочих в Москву и из Москвы на работу. Записные каменщики и кирпичники на работе. Оплата рабочих. Бество с работы.

I

По возложенным на записных каменщиков и кирпичников обязательствам, они «ежегодь» должны были являться в Москву в приказ каменных дел для отправки на работу. Поэтому каждый год воеводы уездов, в посадах которых были подведомственные приказу каменщики и кирпичники, получали грамоты с предписанием прислать записных рабочих к определенному сроку в Москву или в указанное грамотой место намечаемой постройки. Нормальным был вызов в Москву, отправление же сразу с посадов на место постройки практиковалось редко и, очевидно, только в тех случаях, когда вызов в центр был явно нецелесообразен, напр., при постройке гостиных дворов в Архангельске, куда рабочие направлялись из Переяславля, Ростова, Ярославля и других ближних к Поморью городов.

Медленность административного аппарата заставляла приказ рассылать грамоты задолго до срока. В 1667 г. еще в декабре месяце была послана такая грамота о высылке рабочих на строительный сезон 1668 г.¹ И часто приказ не ограничивался одной грамотой, а, не получая ответа, посылал напоминания. Так, когда из Вятки на распоряжение о высылке рабочих не было получено соответствующей отписки до марта, приказ послал новую грамоту. При этом воеводам постоянно напоминает о необходимости поспешить с исполнением поручения, и из Москвы грамоты посылаются «наскоро», иногда с особыми нарочными.²

Обычным сроком, к которому воеводы обязаны были выслать рабочих в приказ, был для каменщиков Благовещеньев день, а для кирпичников—Егорьев, или «за неделю до Егорьева дня».

¹ Ст. Прик. Ст., № 160, л. 702.

² ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 380.

В тех случаях, когда мобилизация производилась на данном посаде не в первый раз и не носила чрезвычайного характера, т. е. привлекались к работе только записные рабочие, бывшие на учете приказа каменных дел, воевода получал и роспись тех лиц, которых он обязан был выслать. Иногда грамота добавляла, что необходимо выслать и тех, кто сыщется сверх росписи.

Порядок высылки рабочих предусматривался грамотой. Воеводе предписывалось прежде всего сыскать каменщиков и кирпичников «всех до одного человека», переписать их, а затем отдать на поруки «за записями» и велеть им «к государевым делам быть готовыми». Воевода производил указанный сыск и устанавливал наличность записных рабочих на посаде, отыскивал неявившихся, а о тех, кого не могли сыскать его рассыльщики, требовал сказок от других рабочих о месте их нахождения и о причинах неявки. Это было необходимо, потому что каждый год вносил изменения в состав записных ремесленников, и росписи приказа редко соответствовали действительному числу рабочих.¹

Оказавшиеся налицо каменщики и кирпичники должны были представить по себе поручные записи в том, что они явятся своевременно на работу и будут на ней «безотступно». Иногда каменщики и кирпичники обращались с просьбой о поручке к посадским или слободским людям. Поручную запись, напр., по новгородским каменщикам и кирпичникам в 1654 г. дали посадские люди. За каменщиков Калязинского монастыря поручились «чудотворца Макария Колязина монастыря Никольской слободы слобожане».²

Но не всегда посадские люди соглашались поручиться за записных рабочих. Вятские каменщики и кирпичники, напр., жаловались, что «по них сторонние люди ништо поруки не держит». Между тем требование поручной записи было безусловным: в Вятку из Москвы писали, что тех, кто по себе не сможет представить поручной записи, следует «скованных выслать к Москве».³ Поэтому чаще мы встречаем круговые поручные записи каменщиков и кирпичников друг по другу. Так поручались друг за друга кирпичники тверские, коломенские, вятские, принимая на себя «пеню великого государя и кирпичную работу», если кто-нибудь из них не окажется «в лицах». Иногда ручались за уходящих товарищей те из них, кто оставался на посаде: отставные каменщики и кирпичники.⁴

¹ Ст. Моск. Ст., № 366, л. 104; ПДСЛ, 1658 г., № 107, лл. 455 — 458.

² ПДСЛ, 1653 г., № 59; Ст. Новг. Ст., № 184, л. 237.

³ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

⁴ Успенский, в. III, №№ 1438, 1479; ПДСЛ, 1630 г., № 10; Ст. Моск. Ст., № 366, л. 121; ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 463; Ст. Ор. Пал., № 40254.

В отдельных случаях воевода прибегал и к особым мерам. Среди поручных записей тульских кирпичников находится поручная запись кирпичников же, но всего по одному лицу. Запоздал ли тот записной рабочий своей явкой к воеводе, или же не внушал ему доверия, — документы не указывают, и мы не знаем, чем вызвано это выделение. В Коломне воевода, установивши отсутствие одного из каменщиков, потребовал поручительства от посадского человека Автомошки Густихина, во дворе которого этот каменщик жил. Дворовладелец показал: «Жил у меня из довольна за сиротство Обросимко Андреев. А как был я на Москве, и тот Обросимко без меня от меня сшел. А сказывают, что де он пошел на стругу в кошеварах. А как он Обросимко объявится на Коломне, и я его поставлю на Москве в приказ каменных дел». ¹

Собранные поручные записи и показания относительно неявившихся воевода с своей отпиской направлял в Москву отдельно «до сроку» или вместе с теми же каменщиками и кирпичниками, если предписывалось выслать их немедленно «без всякого мотчанья, тотчас».

Но дело воеводы этим не кончалось. Очень часто из Москвы через некоторое время начинали поступать запросы относительно того, почему выслано мало рабочих, почему высланы не все «против росписи». Приказ каменных дел упрекал воеводу в том, что он это делает «наровя им каменщикам и кирпичникам», «ради своей бездельные корысти», в крайнем случае, что он это делает «негораздо», «своею оплошкою». И воевода должен был принимать меры к тому, чтобы разыскать не сысканных или оправдаться перед Москвой, указав действительное положение вещей. Вологодский воевода с некоторым раздражением отвечал на один из таких запросов, что он «и наперед сего» писал о том, что «больше того каменщиков и кирпичников на Вологде не сыскано». Серпуховский воевода отделяется указанием на то, что не высланный им каменщик «в прежней твоей, великого государя, грамоте, какова прислана из приказу каменных дел, в росписи... не написан». ² В других случаях сообщается о дряхлости, болезни, смерти рабочих, не высланных на работу, или о том, что они сошли с посада и неизвестно, где находятся. ³

Кончалась эта дополнительная переписка, и для воеводы наступала новая забота: нужно было сыскивать и задерживать тех рабочих, которые самовольно уходили с построек и из кирпичных заводов. Ростовский воевода в 1665 г. по этому поводу писал: «А Ивашка, государь, Жеребца и Якимки Чиркина в Ростове не сыскали. И я, холоп твой, Ивашкову жену

¹ Ст. Моск. Ст., № 366, л. 107.

² Ст. Новг. Ст., № 184, лл. 232—33; Ст. Моск. Ст., № 366, л. 102.

³ ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 458.

Жеребцова велел посадить в тюрьму, покаместа Ивашка Жеребец объявитца». Но второй из бежавших—Якимка Чиркин—оказался вне воеводского воздействия: «А Якимки Чиркина,—писал воевода,—жены и детей нет, и двор его, Якимков, пуст». ¹

В том случае, когда грамоты с выговором оказывалось не достаточно и приказ попрежнему подозревал воеводу «в поворовке», следовало новое сердитое напоминание с угрозой жестокой «государевой опаль», а иногда и с наложением штрафа: «А на воеводах и приказных людех указал великий государь за их ослушанье и за поворовку править пени по 50 рублей на человеке». ² Иногда же вместо штрафа воевода понуждался к строгому выполнению приказа обещанием выслать из Москвы к нему «нарочно дворянина добра на многих подводах ис прогонов... а те прогоны доправить на них воеводах». ³ Впрочем, такие командировки особых лиц из Москвы для сыска и высылки каменщиков и кирпичников практиковались приказом не только в целях устрашения воевод. Они необходимы были в тех случаях, когда приходилось проверять в записные рабочие новых лиц или когда приказ считал необходимым произвести особо строгий учет записных ремесленников или их перепись. Особенно часты такие посылки были в первые годы после Смуты и в конце века при громадных мобилизациях рабочих строительного дела Петровского времени.

II

В первые годы после Смуты приказу необходимо было восстановить расстроенную в эпоху междоусобия организацию. Рассчитывать на быстрое ее восстановление путем простого распоряжения воеводе произвести сыск каменщиков и кирпичников было нельзя, так как такой сыск требовал значительного времени и так как приказ не всегда мог рассчитывать на ревность воеводы в этом деле, неизбежно встречавшегося, при выполнении подобного рода предписаний, с противодействием посадских тяглых людей, сопротивлявшихся всякому увеличению числа обеленных дворов на посаде. Для приказа гораздо выгоднее было послать своего человека со строгим наказом принять все меры к пополнению числа записных ремесленников.

Такого «посланника» приказа каменных дел мы видим в Кашине в 1616 г. и в Твери в 1617 г., следовательно, в первые же годы после Смуты. О деятельности этих «посланников» мы знаем из жалоб на них посадских людей и воевод, так как успешное выполнение ими полученного от приказа поручения

¹ Ст. Новг. Ст., № 184, лл. 229—230.

² Ст. Новг. Ст., № 184, лл. 186—187.

³ Успенский, в. III, № 1479.

находилось в противоречии как с интересами посада, так, до известной степени, в противоречии и с интересами местной администрации, в компетенцию которой неизбежно должно было вмешиваться командированное лицо в процессе своей работы. А, кроме того, в условиях полной бесконтрольности, «посланник» легко становился на соблазнительный путь использования своих полномочий для личной «корысти».

Кашинцы, посадские люди, жаловались на посланного туда подмастерья каменных дел Томилку Федорова и кашинского сына боярского Василия Молчанова, что они, производя сыск записных рабочих, записывают в каменщики и посадских людей. «Для своей бездельной корысти,—плакались кашинцы,—переписали в Кашине старинных посадских тяглых людей всех по головам: земского старосту Пятунку Красицына, и земских целовальников, и десяцких, и таможенных целовальников...». Всех этих лиц и многих других посадских людей они «к себе на подворье сводили и поручные записи сильно вымучивали и под пол сажали...» Нетрудно разглядеть за этим характер «вымучиванья»: на подворье были взяты наиболее прожиточные люди посада, с которых можно было потребовать некоторую компенсацию за освобождение. От этого «насильства», по словам воеводы, посадские люди «пошли по иным городом и за разных помещиков», а поэтому «у твоих государевых у земских и у таможенных дел быти некому». ¹

В Тверь «по тверских по каменщиков и по кирпичников по старых, которые каменщики и кирпичники живут... у государевых у каменных дел без отпуску ежегодь», был послан Василий Рыкунов. Как в Кашине, кроме старых записных рабочих, тверской «посланник» «велел написать собою» в записные рабочие ряд посадских людей. Указывая на то, что записанные вновь в каменщики посадские люди несут целый ряд служб, что ими только и держится посад, тверичи грозят, что, если возьмут в записные рабочие этих посадских людей, то «городу, государь, Твери быть пусту, и нам достальным посацким людишкам на посаде не прожить, у неволи, пометав свои домишка, разбрестись розно по твоим по государевым по разным городам». ²

Из этих двух документов видно, что в первые годы после установления новой династии приказ каменных дел стремился к максимальному увеличению числа записных каменщиков и кирпичников и, вероятно, произвел на всех посадах, на которых они были до Смуты, такой сыск, причем возможно, что на отдельных посадах этот сыск был произведен не один раз, а несколько. По крайней мере, те же тверичи жаловались: «от твоих государевых посланников из каменного приказу

¹ Ст. Ор. П., № 38201, л. 2.

² Успенский, в. I, № 234.

ежегодь мы сироты твои государевы в проести и в волоките, и в убытках, и в конец погибли». ¹ Но в последующие ближайшие годы мы таких «посланников» на посадах не видим до начала подготовки к Смоленской войне. В этот промежуток времени каменщики и кирпичники высылались распоряжением воевод.

Подготовка к Смоленской войне и связанная с ней работа по укреплению Можайска, Вязьмы и Москвы потребовали от приказа нового значительного напряжения в мобилизации рабочих. К этому времени рабочие силы посадов Замосковья и некоторых других, более отдаленных, в которых находились каменщики, были исчерпаны. Необходимо было расширить территорию посадов, охватываемых мобилизациями, и постараться полностью использовать прежние ресурсы, бывшие в распоряжении приказа. Опять, как на старых посадах, так и на новых появляются посыльщики («сыщики») с теми же задачами, как и в начале века.

В 1630 г. такой сыщик был прислан в Муром, где и вел сыск каменщиков и кирпичников на посаде и в уезде. Между ним и воеводой сразу же начались недоразумения, и командированный приказом Иван Судаков пожаловался в Москву на то, что не получает необходимого содействия от местной администрации. «А только ты, — писали из Москвы к воеводе — Ивану Судакову, для сыску каменщиков и кирпичников, россыльщиков и пушкарей и затинщиков не дашь, а у Ивана Судакова нашему делу учинитца мотчанье, и тебе от нас быти в великой опале». ²

В Дмитрове в 1631 г. конфликт произошел собственно между посадскими людьми и уполномоченным приказа каменных дел Федором Федоровичем Дурным, в который, однако, вмешался и воевода, вставший на сторону посада. Дурной был прислан для сыска на посаде и в уезде каменщиков и кирпичников, которые «преж сего бывали... у государевых дел». Таких нашлось всего два человека, но они еще раньше «по насердке» оболгали некоторых посадских людей и тягловцов Конюшенной дмитровской слободы. Каменщики утверждали, что те, зная кирпичное и каменное дело, уклоняются от казенной работы. По их сказке Федор Дурной взял всех оговоренных к себе на съезжий двор: «В день на них, и с утра до вечера, — жаловался посад, — правит поручных записей, а на ночь в тюрьму мечет, что стати в Вязьме у твоего государева у кирпичного дела». Не помогло посадским людям ни предъявление Дурному государевых грамот, ни согласие выслать оговоренных, но не непосредственно в Вязьму, а в каменный или конюшенный приказ, где посадские люди могли рассчитывать

¹ Успенский, в. I, № 234.

² Ст. Моск. Ст., № 58, л. 286.

на свое освобождение. Дурной требовал высылки в Вязьму, а записные каменщики ему помогали. «И тот, государь, Федор Дурной тех каменщиков Первого да Богдана у себя ныне на подворьи держит, поит и кормит и их научает: велит им лутчих посадских людей и конюшенных тяглицев и пречистые Богородицы Дмитровские соборные церкви сторожей и уездных всяких людей поклепав, называть каменщики для своей корысти напрасно». Эту жалобу подал в Москве земский староста, избитый Дурным при последнем объяснении с ним посадских людей: «Голова у него вся в крови, и волосы на правом виску с кровью спеклися, и опухло гораздо». Из Москвы велено было, по жалобе воеводы и посада, Дурного «тотчас» выслать, а для расследования послать дворянина.¹

С такой же задачей сыска и высылки каменщиков был послан одновременно в Кострому подмастерье Дуганка Дикарев. Повидимому, произведен был сыск и в Нижнем-Новгороде.²

На посадах, которые в это время впервые были захвачены мобилизацией, первоначально приказ производил учет через воеводу. Но так как последний действовал слишком медленно, то и туда пришлось послать посыльщиков. На Вятку была послана воеводе грамота с выговором и командирован сын боярский: «Ты... каменщиков, и кирпичников и гончаров к нам к Москве на срок... не присылывал, и то ты делаешь не гораздо, нашим делам не радеешь, ставишь себе в оплошку, а нашему вяземскому и можайскому городовому каменному делу в твоей оплошке чинитца мешкота. И ныне по нашему указу послан для тово... сын боярской Пятой Чевакинской». Точно так же пришлось послать особое лицо и в Каргополь: «А в Каргополь для каменщиков, и кирпичников и для горшечников послан Юрий Студенцов». Оба посланника имели на руках росписи каменного приказа, составленные, очевидно, на основании отписок, присланных в Москву воеводами, а ехать посыльщикам было приказано «на спех, днем и ночью».³

III

Собранные воеводами или особыми посланцами каменщики и кирпичники, в сопровождении пристава, отправлялись в Москву на казенных подводах, которые давались по одной на пять человек. Иногда они шли и речным путем. В мытной книге по Романову за 157 (1648—49) год зарегистрирован такой проезд: «Апреля в 18 день проехали по государевой грамоте белозерские каменщики Михайло Иванов с товарищи,

¹ ПДСЛ, 1631 г., № 70.

² Титов А. А., Акты Нижегородск. Печерского монастыря, М. 1898, стр. 92—93.

³ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

в барке белозерской дощаной. Людей — 17 человек. 3 барки мыта и с людей головщины по государеве грамоте не взято. Довелось было взять 25 алтын». ¹

Сопровождающему каменщиков и кирпичников приставу предписывалось наблюдать за тем, чтобы они дорогой не терпели никакого «насильства и обиды», но, с другой стороны, чтобы и сами они, «идучи дорогою», не чинили никакого «воровства». ² Впрочем, пристав не всегда сопровождал каменщиков и кирпичников, иногда получив проезжую грамоту, они сами направлялись в Москву и являлись там в приказ каменных дел или в тот приказ, который ведал данный посад. А из Москвы они направлялись к месту работ или расквартировывались в самой Москве, если работа производилась в столице.

Как жалованные грамоты, выданные записным рабочим, так и практика высылки их на работу возбуждают некоторые вопросы, касающиеся отбывания ими повинности. Прежде всего недостаточно ясно, все ли взрослые члены семьи ремесленников — мужчины должны были отбывать повинность. Заключаящееся в жалованных грамотах запрещение разводить семьи каменщиков и кирпичников, наличие в списках их детей и братьев и вообще родственников как-будто дают на этот вопрос утвердительный ответ. ³ Грамоты о вызове каменщиков и кирпичников постоянно предписывают воеводам, помимо росписи, сыскивать «их детей и братью и племянников, ... которые живут в тех городех на белых местех, а иные в захребетниках, а не на посаде и не в тягле, а х государевым каменным делам не ходят, избываючи государевых каменных дел». ⁴

Но на практике мы встречаем постоянные отступления от этого правила. Владимирские кирпичники, например, сообщали, что один из неявившихся на работу каменщик умер, а оставшиеся после него три сына «тово каменного и кирпичного дела не делают», поэтому и не явились. В переписной книге по Боровску в 1648 г. был записан двор кирпичника, находившегося в момент переписи на работе: «А в том дворе, — отмечает писец, — живет ныне жена его с сыном Федоской». Взрослый сын, таким образом, мобилизован не был. В вятских посадах в 1630 г., несмотря на предписание выслать всех до одного человека, это не было выполнено. После того, как там воевода взял рабочих на учет, сбежало трое из них. По новому требованию из Москвы воевода произвел дополнительный сыск и донес в Москву: «И в Сергейково, государь, место пошел тесть его Назарко Остафьев, а в Максимково место пошел отец его Куземко, а в Богдашково место пошел Оска Кушелев». В первой росписи этих лиц не значилось, следовательно,

¹ Город. Книги, по Романову, № 5, лл. 162—162 об.

² Успенский, в. III, № 1479.

³ См. грамоту тульским кирпичникам.

⁴ Успенский, в. III, № 1479.

и здесь далеко не все взрослые члены семьи, даже умеющие делать кирпичное дело, были мобилизованы. Это наблюдается и позднее. В 1659 г. один из вятских же кирпичников — Назарко Смертин «детей у себя сказал двое человек, живут на отделе порознь, в тягле, а кирпичного дела делать не умеют». Другой сообщал, что он ходил на работу «в братне место Васильево». Наконец, третий показал, что он «по 10 лет в свое место в кирпичники наймовал». ¹ Повидимому, стремление приказа каменных дел захватить как можно больше рабочей силы, во всяком случае захватить всех тех, кто не был связан с тяглом, с тем, чтобы «никто в избылх не был», сталкивалось со стремлением записных ремесленников оставить необходимую для их хозяйства рабочую силу на месте. При мобилизациях фигура главы семьи заслоняла от сыска остальных ее членов, и они не всегда попадали в регистрационные списки приказа, что давало им возможность в дальнейшем отделяться от семьи, вопреки прямому запрещению делать это. Но сравнительно частые упоминания в росписях нескольких членов одной и той же семьи, одновременное появление на работах отцов с детьми и братьев, повидимому, отмечает тот общий процесс, который был характерен, по замечанию В. О. Ключевского, для всех служилых людей по «прибору», являвшихся, по его выражению, «соединительным звеном между служилыми людьми по отчеству и тяглым населением». Именно тот процесс, в результате которого «значительная часть приборных людей передавала свои служебные обязанности детям и внукам, которые получали уже характер служилых людей по отчеству». ² В. О. Ключевский имеет в виду военнотруженных людей, но связь между определенным правовым положением и выполнением государевой службы была и у записных каменщиков и кирпичников, и, поскольку это положение для них было выгодным, вернее — для той части их, для которой оно было выгодно, естественно было стремление сохранить его и за своими детьми. Наоборот, те, которые тяготились возложенной на них повинностью, бегством или другим способом прерывали эту связь и возвращались в тяглое состояние. Теоретический вопрос, поставленный грамотами, очевидно, решался практикой, общей для всех низших сословий Московского государства, практикой, вырабатывавшейся постоянным нажимом администрации и пассивным, но упорным сопротивлением низших слоев населения, бывших объектом этого нажима.

Равным образом документы не дают достаточно точного ответа и на другой вопрос об обязательной ежегодной явке

¹ Успенский, в. III, № 1443; ПДСЛ, 1630 г., № 10; Боровск, Материалы для истории города, стр. 15; ПДСЛ, 1658 г., лл. 460, 462, 455.

² Ключевский В. О., История сословий в России, стр. 168, 169, изд. 3-е, П. 1918.

рабочих к государевым каменным и кирпичным делам. За целый ряд лет до нас не дошли грамоты о вызове записных рабочих. В росписях каменщиков и кирпичников мы часто не встречаем тех посадов, на которых записные ремесленники несомненно были. Но, с другой стороны, как грамоты им, так и челобитья о тягости службы постоянно содержат указания на явку к Москве «ежегодь», «ежелеть», на работу «безотступную», постоянную. Очевидно, принципиально приказ требовал ежегодной высылки всех взрослых мужчин обеленных дворов. Но эти требования были настойчивы и суровы только в те моменты, когда производилась интенсивная стройка. В обычное же время приказ довольно благодушно относился и к запозданиям в высылке рабочих, и даже к их неявке. Так, из Тулы в 1665 г. не прислали ни одного кирпичника, и только в августе приказ получил роспись и сообщение о высылке. В 1653 г. в самом начале работы из Москвы сбежали три каменщика Калязинского монастыря, посланные на работу в Курск. На донесении воеводы дьяк ограничился пометой: «Отпиеать. Тех людей нарядить на лето 162». ¹ Очевидно и здесь принцип и практика не находились в полном соответствии, и приказ допускал послабления, если неявка или запоздание не чинили каменным и кирпичным делам особой «порухи» и «мотчанья».

IV

Прибывшие в Москву в кирпичные сараи кирпичники и назначенные на работу в Москве каменщики размещались на житье по дворам посадских людей. В переписной книге по гор. Москве за 1665 г. находим такую запись: «дв. Ненилы Родионовой дочери, а у ней стоят государевы каменщики Ефимка Иванов с товарищи». ¹ В 1650 г. приказ каменных дел писал дворецкому царицы Марии Ильиничны, что государь приказал произвести заготовку кирпича: «А в прошлом во 157 г. розных городов кирпичником даны были дворы (в Хамовной слободе. А. С.) постоять на время, покаместа они от государева от кирпичного дела отделеающа». ² С такой же просьбой обращается приказ к дворецкому и в 1673 г., сообщая, что «городовые кирпичники к государевым кирпичным делам к Москве в приказ каменных дел сходятца». ³ В Хамовной слободе они и размещаются, причем приказ мастерской палаты особой грамотой предупреждал слободского старосту о необходимости следить, чтоб у их постояльцев «вина и табуку... не было и никакого воровства. А будет увидит за ними какое

¹ Переписные книги гор. Москвы, стр. 21, Москва, 1886.

² Ст. Оп. П., № 3758.

³ Ст. Оп. П., № 14172.

воровство или продажу и о том извещать в приказе мастерские палаты». ¹

Те каменщики и кирпичники, которые получали назначение на работу в провинцию, продолжали свой путь таким же образом, каким отправлены они были с места жительства, т. е. на казенных подводах с приставом. Прибыв на место, они частично размещались по посадским дворам, частично получали квартиры на самих постройках. В Вязьме в 1630 г. все рабочие были размещены по посадским дворам. ² В Смоленске в 90-х годах у кирпичных сараев по приказу воеводы было «построено три избы с сенни для работных посошных людей и караулу и кирпичных мастеров». ³ Такие же бараки были выстроены при постройке гостиных дворов в Архангельске. Около места, отведенного для постройки дворов, были устроены две избы: одна — длиною в 7 сажен, другая — в три с половиной, а, кроме того, для жилья рабочих была предоставлена «мыльня». Такая же изба-барак была выстроена на Орлеце, находящемся в нескольких верстах вверх по Двине, где добывалась для постройки известь: «А в тех избах живут работные люди». ⁴

Помещение не в бараках, а в жилых домах было для каменщиков и кирпичников важно в связи с тем, что они на работе не получали никакого продовольствия в натуре. Об этом они должны были заботиться сами, закупаая то, что необходимо. Мирон Вельяминов, руководивший работами по постройке Вяземского города, писал в 1630 г., что вяземский воевода, на основании общего положения об охране города от пожаров, запретил посадским людям топить печи, хотя дворы их и стояли «врозни». Это запрещение сразу сказалось на рабочих, потому что «хлебники и калашники и всякие люди хлебов ни колачей не пекут и в торгу купить не добыть». «А каменщики и кирпичники и деловцы всякие люди стали голодни и хотят брести розно, и городовое дело станет». Из Москвы было предписано разрешить хлебникам и калачникам поделаться печи «на полых местех или на огородах» и печь «повольно» калачи и хлебы.

Но каменщики и кирпичники, не дожидаясь ответа Москвы, стали сами топить печи в избах, пользуясь защитой Вельяминова, который избил батогами объезжих голов, задерживавших владельцев тех изб, где топились печи. А, кроме того, Вельяминов говорил объезжим головам с угрозами, чтоб «они впредь, где стоят каменщики и кирпичники, вынимать огня не ходили». ⁵

Вообще вопрос с продовольствием стоял довольно остро для рабочих, особенно в годы недорода или дороговизны хлеба.

¹ Там же, л. 2—об.

² Ст. Прик. Ст., № 59, лл. 154—156.

³ Кн. Смол. Прик., № 33, л. 157.

⁴ ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 70, 80.

⁵ Ст. Прик. Ст., № 59, лл. 154—156.

В 1653 г., когда в Курском Богородицком монастыре строилась церковь, рабочие обратились с просьбой к монастырю дать им продовольственные запасы, а когда монастырь отказался, то это вызвало такое недовольство каменщиков и кирпичников, что создалась возможность приостановки работ. Монастырь обратился за разрешением в Москву: «Вели, государь, для своего государева богомолья, нового церковного каменного строения, каменных дел подмастерью и всяким работным людем к своему государеву жалованью и поденному корму давати монастырских хлебных и всяких съестных запасов, и те хлебные запасы молоть на своих государевых на курских мельницах без помолу». Приказ, однако, не разрешил давать хлеб на все дни, и монастырю было предложено только в нерабочие дни кормить каменщиков и ломщика в монастырской трапезе «с постриженниками вместе». Но вольнонаемным рабочим, которые «учнут бить челом о прибавочном корму», разрешено было давать «по полуосмине муки ржаной человеку на месяц, по получетверику круп, по получетверику толокна... чтоб работником в корму было не скудно». ¹

Только в самом конце XVII в. документами отмечается выдача рабочим в некоторых случаях хлебных запасов. При постройках в Смоленске в 1693 г. подмастерью Осипу Старцеву «с работники его» велено было дать «на хлеб 5 четвертей муки ржаной, да на квас 2 чети ячменю». ² В 1699 г., по указу государя, «велено каменщиком и кирпичником, кузнецом, плотником, конопатчиком, которым велено быть с Воронежа до Азова, для згонки лесных припасов, дать на Воронеже хлебных запасов на 2 месяца по четверику человеку муки ржаной, да на 10 человек 2 четверика толокна». Но это было вызвано, очевидно, особыми условиями сплавной работы, так как позднее, в 1707 г., попрежнему рабочим рекомендовалось «хлебных запасов взять... с собою, чтоб им всю зиму чем быть сытым». ³

То же самое наблюдаем мы в вотчинах патриарха Никона, где были свои вотчинные каменщики и кирпичники. И здесь монастырю было предписано хлеб давать рабочим только за деньги, правда, по «прямой цене». Только в имениях царя Алексея Михайловича была организована для рабочих выпечка хлеба, продававшихся по 4 рубля за 1 000 штук. ⁴

Бросается в глаза, что во всех случаях в этих запасах, в качестве основной составной части, фигурирует ржаной хлеб, который, очевидно, и являлся главным питанием рабочих, с добавлением каши, толокна и неизбежного кваса. Впрочем,

¹ Ст. Бел. Ст., № 353, л. 57 об., 43.

² Кн. Смол. Пр., № 33, л. 174 об.

³ Ст. Бел. Ст., № 1715; Разр. Вязка, № 44, д. № 6, л. 29.

⁴ РИБ, т. V, №№ 43, 57, 63, 90, Т. XXI, стр. 816—18.

подрядчики, производившие работу в царских имениях, получали среди продовольственных запасов значительное количество ветчины, хлебного вина и коровьего масла, но неизвестно, в какой части получаемые ими продукты шли на довольствие подряжаемых этими подрядчиками рабочих, и шли ли они им вообще.¹ Что русский рабочий и ремесленник был очень неприхотлив по части питания, отмечалось и иноземцами. Это же видно и из тех цифр, которые характеризуют затраты рабочих на свое продовольствие. На частном кирпичном заводе в 1682 г. кирпичники получали часть заработной платы вперед на покупку продуктов питания. «И как мы делали кирпич, — писали они в своей челобитной, — и он (подрядчик) давал на хлеб понеделно по 20 алтын на неделю». Рабочих было 6 человек, следовательно, недельное пропитание каждого стоило 10 копеек.²

Таким образом, записные каменщики и кирпичники, кроме получаемой ими платы, пользовались только бесплатным помещением. Можно предполагать, что могли они пользоваться и казенной баней. Плотники, нанятые на постройку казенных кирпичных сараев, должны были по договору «в анбаре наместить два моста, да двери покрыть дранью и лубьем, да зделать баня с нутром и прирубить к ней передбанник с нутром» и огородить этот двор забором.³ Точно так же в Архангельске на кирпичных заводах была из государственной казны построена «мельница», длиной 4 сажени.

V

На постройке каменщики поступали в ведение того «дворянина добра» или жильца, которые командировались по памятям приказа каменных дел на все сколько-нибудь значительные постройки, производившиеся в Москве.⁴ В провинции верховным начальством над рабочими, если стройка производилась в административном центре уезда или поблизости от него, обычно был воевода. Впрочем, в особо важных случаях и в провинцию командировались жильцы и дворяне из Москвы, заменявшие иногда местными городскими дворянами. С просьбой о назначении такого «нарядчика» обращались в некоторых случаях и сами заинтересованные в постройке лица, не имевшие возможности справиться с трудным и хлопотливым делом. Так, архимандрит Жолтикова монастыря просил: «А то, государь, церковное строение вели ведати опричь нас нищих

¹ РИБ, т. XXI, стр. 1193.

² Ст. Ор. П., № 48928.

³ ПДСЛ, 1673 г., № 102, л. 124.

⁴ Ст. Бел. Ст., № 304, лл. 332—333; Ст. Моск. Ст., № 171, стб., 2, л. 83; Ст. Ор. П., № 36248.

своих богомольцев, кому ты, государь, укажешь. А мне... нищему твоему государеву богомольцу у того великого дела церковного строения быть невозможно, потому что монастырь безлюдной, братья мало, и служак нет, послать за тем делом и нарядить неким». ¹ О том же просил игумен Кирилло-Белозерского монастыря в 1660 г.: «Вели, государь, у нас в Новозерском монастыре у церковного у каменного дела и у монастырского строения быть стройщиком белозерскому помещику Кондратию Урубкову». ²

Но в провинцию, дворяне назначались на постройку, не имеющую военного значения, только в том случае, если она производилась в отдаленном, сравнительно, месте, благодаря чему надзор воеводы не мог быть достаточно бдительным. Как правило, общий надзор за ходом работ там возлагался на воеводу. Только один раз нам пришлось встретиться с «отводом» воеводы со стороны инициаторов постройки — курских посадских людей. Относится он к 1649 г., т.е. ко времени наиболее острого столкновения интересов посада с крупным боярством. В Курске была затеяна постройка монастырской церкви по челобитью посадских людей, поданному Гаврилой Малышевым и Сергеем Калугиным, представителями курского посада на знаменитом земском соборе 1648—1649 гг. Воеводе было поручено, как обычно, наблюдать за постройкой, но посад остался этим недоволен и обратился к царю с просьбой о передаче наблюдения его уполномоченным. «А в Курску, государь, по твоему... указу воеводы бывают по два года, а тому, государь, Федору (воеводе-стольнику Ф. М. Лодыженскому. А. С.) доходит другой год и впредь, государь, иным воеводам в таком украинном городе и в приходы воинских людей походы бывают частые, и всякие твои государевы дела в съезжей избе беспрестанные, и от воевод... тому церковному строению поспешения не будет». ³ Челобитье было удовлетворено.

Воевода и нарядчики должны были смотреть главным образом за тем, чтобы каменное строение «строилось крепко и вечно», чтобы рабочие «в городовом и башенном строении извести многого числа и щебеня, кроме ровного целово кирпичю и половья, не клали» и вообще делали «как доведется», а государева жалованья «за посмешно не имали» и «без дела бы не гуляли». В случае нарушения дисциплины воевода или нарядчик мог наказать рабочего, «смотря по вине». ⁴

Для наблюдения за доставкой и сохранностью строительных запасов и за правильным израсходованием их назначались

¹ Ст. Ор. П., № 2947, л. 44.

² Ст. Нов. Ст., № 121, л. 73.

³ Ст. Бел. Ст., № 288, л. 28. Об участии челобитчиков в Земском соборе, л. 5.

⁴ Ст. Ор. П., № 2947; Кн. Смол. Пр., № 33, л. 173 об.; ПДСЛ, 1670 г., № 109; Ст. Бел. Ст., № 358, л. 32.

целовальник или группа их, которыми все расходы материалов и денег записывались в особые книги. Для последней работы иногда на постройку командировался подьячий.¹

Рабочие являлись в Москву, не захватывая с собой никаких инструментов. Это наблюдается в течение всего XVII в. и не только на казенных работах приказа каменных дел, но и на работах, производившихся подрядчиками. Это видно из того, что в порядных записях на производство строительных работ во многих случаях встречается оговорка, что подрядчики берутся поставить только рабочую силу. Один только раз в подряде каменного приказа встретилось обратное условие: нанятым каменщикам вменялось в обязанность «кирки х каменной теске и лопаты к делу взять... с собою с Москвы свои».²

Вероятно, в распоряжении приказа каменных дел всегда был некоторый запас необходимых при постройке рабочих инструментов. Но запас этот, во всяком случае, был очень невелик. При возведении больших зданий, когда инструментов требовалось значительное количество, они заготавливались вновь, так как рынок, особенно в первой половине XVII в., не только в провинции, но и в Москве, удовлетворить сколько-нибудь повышенный спрос на них не мог. Поэтому при постройках в Твери, в Смоленске, в Архангельске и в других местах они делаются по заказу местными кузнецами и плотниками и ими же собираются с населения. Однако в провинции часто и при заказах встречались затруднения. С постройки в Богородицком монастыре, например, писали: «В Курску, государь, к такому великому делу у кузнецов никаких больших снастей в заводе нет, от связи и от дверей твоей государевой заводной казне и железу истеря будет большая».³ В Твери, когда перестраивался Преображенский собор, все инструменты были сделаны вновь. Такую же заготовку инструментов уже в самом конце века проводят в Смоленске при выполнении церковного и городского дела.²

Из записей об этих заготавливаемых инструментах и вещах и вырисовывается картина техники каменностроительного дела, очень мало отличающаяся от той, какую мы сейчас можем наблюдать на современных кирпичных постройках в нашей провинции. Собственно, необходимыми инструментами, которыми снабжался каждый каменщик, являлись молоток и лопатка, как

¹ Ст. Ор. П., № 48996; ПДСЛ, 1631 г., № 77; ПДСЛ, 1670 г., № 109.

² Кн. Смол. Пр., № 33, л. 173. Стоимость набора инструментов каменщиков устанавливается записью 1683 г. В марте месяце из дворца было уплачено: «каменщикам двум человекам за кирку, да за молоток, да за 2 лопатки железных, которые у них взяты в государевы хоромы, 2 алтына 4 д. Того ж числа каменщикам за 2 лопатки железных... 6 алт. 4 д.» (Есипов Г. Е., Сборник выписок из архивных бумаг о Петре В., т. I, стр. 255, М. 1872).

³ Ст. Бел. Ст. № 358, л. 41.

⁴ Ст. Ор. П., № 2047; Кн. Смол. Пр., № 33, л. 153 и сл.

показывает запись о заготовке материала в Смоленске. Каменщиков там было 100 человек, и на это число рабочих были заготовлены молотки и лопатки.¹ Дальше шли гребки, «что мешают известь», вероятно, такие же самые, какие употребляются и теперь при кирпичной кладке, ломы, кирки, долота, ушатики, шайки и кади «для известные и водоные носки», при чем они должны были быть «не утлы», как оговаривается одна опись. Кроме того, необходимы были железные заступы, деревянные лопаты и «кулаки».²

Для починки инструментов заготавливалось специально железо и сталь, а также устраивалась кузница с полным оборудованием. Это мы видим при постройках в Твери и в Смоленске.³

От простой работы, т. е. от заготовки извести, от подноски кирпича, квалифицированные рабочие — каменщики — были освобождены. Она выполнялась или наемными ярыжными, или уездными крестьянами и посадскими людьми, которые, в порядке отбывания повинности, сгонялись на постройку иногда с нескольких соседних уездов.⁴

Для тех чернорабочих, на обязанности которых лежало носить на постройку известь, размешивать ее, подавать каменщикам кирпич и т. д., изготовлялись также ушаты, или «тщаны», для воды, «известные творила», разного сорта носилки — «лубеные», «дранишные», «черемховые». Для этих же вспомогательных работ заготавливались различные виды веревок: «ужища лычные», «веревки черемховые», «веревки посконные». Кроме того, — разного рода «ночвы», кошель, черемховый хворост и пр.⁵

Только в конце века начинают появляться некоторые нововведения. В 1670 г. для постройки гостиных дворов в Архангельске среди других материалов были закуплены: «11 векош подъемных, простых» и «2 векоши кирпичного подьему с колесом железным», «2 колеса водолейные», тележка «немецкая образцовая». В 1685 г. частным подрядчиком было куплено «две лопаты немецких».⁶ Вместе с иноземными мастерами просачивалась, таким образом, и иноземная техника.

В Москве часть этих орудий производства не заготавливалась нарочито для данной постройки и не закупалась, а бралась у торговцев напрокат, с уплатой определенной суммы денег за пользование ими. При поделках в Сибирском приказе

¹ Кн. Смол. Пр. № 33, л. 153.

² Там же; Ст. Ор. П., № 40207; № 2947, лл. 13, 38, 39, 6, 9 и 10.

³ Кн. Смол. Пр., № 33, там же; Ст. Ор. П., № 2947.

⁴ Напр., при постройках в Смоленске (Ст. Смол. Пр., 1673 г., №№ 19а и 19б). При постройках в Сторожевском монастыре (Ст. Бел. Ст., № 351, л. 150). В Курске (Ст. Бел. Ст., № 358, л. 27).

⁵ Описание актов графа Уварова, стр. 518; Ст. Ор. П., № 2947, лл. 6, 9, 10; № 6042, л. 11.

⁶ ПДСЛ, 1670 г., № 109, л. 79; Ст. Разн. Ст., № 85, л. 35.

В 1638 г. был взят в котельном ряду котел с условием: «а провару от котла, в дни в которые учнет ходить... дать по 10 денег на день». В 1697 г. при ремонте казенной палаты также за наем котла уплачивалось 6 денег в сутки.¹ И не только крупные предметы брались напрокат, но и мелкие. В одном случае внаем были взяты 3 лома, 2 гребка, 2 топора, каменное точило и пр.²

Такова была внешняя обстановка на работе. Сколько часов продолжался рабочий день каменщика, источники сведений нам не сохранили, и в этом отношении возможны только предположения. Вероятнее всего работа производилась с восхода солнца до сумерек. Намек на это сохранился в сказании о постройке церкви в Успенском монастыре Александровской слободы: «пожаловала государыня царица Мария Ильинична велела... трапезу строить каменную. И начаша делати мастера государевы. В день они работают, а нощию отец Корнилий на каменное дело сам восхождаша, старицы же на трапезу кирпичи ношаху».³ Если монахиным приходилось работать в течение ночи, то, следовательно, рабочие каменщики были на постройке в течение всего дня.

В иной обстановке работали кирпичники. Они, как и каменщики, иногда оставлялись на работу в Москве, иногда же направлялись в провинцию. В Москве в ведении приказа каменных дел находились хамовнические кирпичные сараи, даниловские и крутицкие. Позднее были выстроены новые полевые сараи у Калужской заставы. Здесь кирпичники находили все готовым для производства: заранее были заготовлены глина, песок, дрова и т. п.

В провинции дело обстояло иначе. Там прежде всего нужно было «приискать» глину, годную для выделки кирпича, заготовить необходимое количество дров, а затем построить и самые сараи и печи к ним или, в лучшем случае, ремонтировать старые. Так обстояло дело, например, при постройке

¹ Ст. Сиб. Пр., № 72, л. 446; Ст. Ор. П., № 32549.

² Ст. Разн. Ст., № 85, л. 35. Остается невыясненным вопрос о порядке производства работы деревянных частей постройки (окна, двери и пр.). В большинстве случаев в провинции они делались наемными плотниками, сделно. Но в Москве приказ каменных дел прибегал иногда и к принудительному привлечению рабочих данной специальности, оплачивая работу на общем с каменщиками основании — поденно. В 198 г. приказ каменных дел писал в Разряд: «Ис приказу каменных дел велено в Петровский монастырь в новые церкви и в кельи и во все службы зделать 200 окончин слюденых из корму Панкратьевские слободы тягледцу Галахтиону Игнатьеву и в новую церковь оконницы к освещению зделать велено вскоря. Работал мастер у себя на дому (Ст. Пр. Ст., № 1710, ал. 95, 196, 197). В штатах приказа каменных дел, при переходе в 1700 г. всех подведомственных ему рабочих в приказ Б. Дворца, числится кузнец. В росписи на выдачу жалованья 1616 г. кузнец не упоминается. (Ст. Ор. П., № 38358. Г. В. Есипов, указ. соч., т. II, стр. 251).

³ А. Л., Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове стр. 25. СПб., 1885.

Смоленских укреплений, когда велено было «сыскать на посаде и в уезде сараи и печи все — владычни, монастырские и всяких людей, где дельвали кирпич», — и все их отписать на государя, починить и покрыть, а также поделать новые сараи и печи.¹ В Твери при постройке Преображенского собора строятся новые сараи, а также при постройках в Жолтиковском монастыре; строятся они при постройках в Коломне, в Архангельске, в Смоленске. Сараи обходились недорого, тем более, что по окончании работ их можно было продать и возвратить, таким образом, часть затраченных средств. Так поступили в Твери, продав по окончании работ за 19 руб. 22 алт. 4 д. новые кирпичные сараи, постройка которых обошлась в 62 р. 17 алт. 4 д.²

В Москве, где существовали кирпичные заводы, записные кирпичники сразу становились на работу, а рабочие, направлявшиеся приказом в места, где эти сараи строились заново, должны были предварительно сделать необходимое количество сырого кирпича для самих обжигальных печей, сложить эти печи, и только тогда, когда сараи таким образом приводились в порядок, приступали к заготовке кирпича на обжиг собственно для постройки.

Описание московских сараев нам неизвестно. Но тип кирпичных сараев был, повидимому, везде один и тот же. Смоленская «книга строения» конца XVII в. говорит, что там сараи были сделаны, «как довелось по извычаю».³ Поэтому с характером кирпичных заводов XVII в. мы можем познакомиться по тем описаниям, какие сохранились в документах о постройке гостиных дворов в Архангельске и Успенского собора в Смоленске. Если и была разница между этими сараями и сараями московскими, то она сводилась к разнице в размерах их и, может быть, в конструкции печей, о чем придется говорить ниже. Техника же производства была повсюду одна и та же.

В Архангельске кирпичных сараев было выстроено шесть — «крыты тесом, длиною по 50 сажен, а поперек 6 сажен трехаршинных, а под теми сараями делают сырой кирпич», около них были построены «шесть сараев шатровых над печами, в которых ожигать кирпич», «...а вколо те сараи 40 сажен трехаршинных... да седьмой сарай шатровый же, а печи под ним не сделано, а вколо тот сарай 40 сажен». В Москве и в Смоленске сараи были покрыты не тесом, а «дранью и лубьем», и обнесены забором.

Обжигальные печи под сараями были простые и «немецкие». Последнего типа печи были, повидимому, впервые устроены

¹ Соловьев С. М., История России, т. II, стр. 638.

² Ст. Ор. П., № 2947, лл. 56—57.

³ Кн. Смол. Пр., № 33, л. 155 об; описание сараев заимствуется из этой книги (лл. 8, 154, 155) и из ПДСЛ 1670 г., № 109, л. 80; 1673 г., № 102, л. 118.

в новых сараях в Москве, в 70-х годах, т.-е. в то же время, когда «немецкие» новинки стали проникать и в каменностроительное дело. Но затем печи этой конструкции получили всеобщее распространение, что видно из построек кирпичных сараев в Смоленске в конце XVII в.

Для устройства обжигальных печей работными людьми предварительно выкапывались ямы в один аршин глубины и в несколько сажен длины и ширины.¹ В этих ямах прислаивались на работу кирпичники и устраивали печи. В Смоленске три печи были сделаны «длиною 6 сажен, поперег с одну сторону и с лесницей по 5 сажен, вышиною полтретьи сажени», четвертая печь «длиною 6 сажен без четверти аршина, поперег с одну сторону и з быком 4 сажени, по другую сторону с лесницей 5 сажен с аршином, в вышину 2 сажени с аршином». Таких же приблизительно размеров были и другие печи.

В московских сараях каждая из этих печей имела 130 сводов и 2 двери, «куды кирпич выносить». Здесь размер печей был несколько больше, а вместимость каждой печи была 35 000 кирпичей. Но вообще вместимость их была очень не равномерна: «а печи в сараях неравны, — писал приказ каменных дел в ответ на запрос из Смоленска, — садитца кирпичю в печь по двадцати по пяти, и по тридцати по пяти, и по сороку, и по пятидесяти тысячь кирпичей».

После того как кирпичниками при постройке сараев заново заканчивалась кладка обжигальных печей, они могли приступить к работе. Все необходимое для производства обычно заготовлялось ранее, с той только разницей, что в провинции эта заготовка иногда производилась не «уговорщиками» за определенную плату, а силами уездных крестьян. При этом по общему правилу использовались все места, пригодные для копки глины, и все леса, находившиеся недалеко от места постройки. Так, при постройках в Смоленске было дано распоряжение: «лес и х кирпичному делу дрова... рубить около города Смоленска в помещиковых и вотчинниковых лесах, где кто какой лес приищет».² А дров нужно было очень много, так как по справке приказа каменных дел на каждые 100 000 кирпичей выходило по 40 сажен.

Оборудование кирпичных сараев мы знаем из тех же описей. В Смоленской «книге строения» перечислены следующие предметы, собранные с населения и переданные в кирпичные сараи при начале производства: «В кирпичные сараи отдано и в землю вкопано у всякого сарая по 4 тчана., да 43 ушата, да 102 шайки, к печам 51 луб, на палубы х кружалам да подлямки кирпичным работникам 92 луба., 63 заступа работным людем, 102 рогожи на крышку глины, 106 веревок, 372 лопаты,

¹ Смоленские размеры ям были следующие: 6 саж. на 6, 7 саж. с четвертью, на 6½ сажени, 5 саж. 2¾ арш., на 5 саж. 2¾ арш.

² Ст. Смол. Пр., 1673 г., № 19 в.

120 ведер, 11 решет, 644 хворосту на щиты, да 455 шестиков (тоже на щиты. А. С.), 12 возов с полувозом и пученок лык, да 470 воз соломы».

На руки каждому кирпичнику выдавалось по одному ведру, если судить по заготовке ведер в Смоленске, где было запасено 120 ведер, по числу присланных кирпичников, и по одному «творилу кирпичному». Творило, т.-е. форма для делания кирпича (формовка), делалось из «осиновых пластин» теми же плотниками, которые строили кирпичные сараи. В описи архангельских сараев (1670 г.) упоминается «творило кирпичное окованное», — очевидно, пока еще новинка, принесенная с Запада, но в смоленских сараях (1694 г.) уже все творила, называемые здесь станками, были окованы. Форма кирпича была везде одна и та же. Это так называемый «государев кирпич», мерою «вдоль 7 вершков, шириною 3 вершка, толщиной 2 вершков».¹

Для выравнивания глины в творилах употреблялись особые «ножовые гвозди, которыми кирпич обрезают».

Внутри сараев ставились по числу рабочих скамьи, и один из документов употребляет выражение, что кирпичники в сараи «сели с начала лета».² Скамейки были какой-то особой формы, что видно из распоряжения сделать новые скамейки в Смоленске, несмотря на то, что скамейки уже были собраны «по розвытке» с населения. Эти скамейки, по заявлению обжигальщика, «к делу не погодились».

Кроме кирпичников, в кирпичных сараях работали особые ярыжные, которых было по одному человеку у каждого «подпечка», т.-е., повидимому, у каждого устья печи.

Всей работой по изготовлению кирпичей руководил обжигальщик, который указывал, как следует готовить глину, наблюдал за закладкой приготовленного кирпича в печь, следил за обжигом, одним словом, выполнял в кирпичных сараях такую же работу, какую на постройках выполнял подмастерье каменных дел.

Самый процесс работы был довольно длителен — только один обжиг занимал «дней по осьми и по десяти», — но записные кирпичники обязаны были только заготовить сырой кирпич, не участвуя непосредственно в работе по обжигу. Нормой выработки каждого из них было 10 000 сырого кирпича за весь сезон, т.-е. за пять месяцев. Эта норма была, повидимому, достаточно большой, так как ее приходилось уменьшать всякий раз, когда происходила какая-нибудь задержка с началом производства. Обжигальщик в Твери, например, заявил воеводе, что кирпичники не могут выполнить эту норму: «7 кирпичников, — по его сказке, — которые сели

¹ РИБ, т. V, № 43.

² Ст. Оп. П., № 2947, лл. 134, 136.

с начала лета, изготовят по 7 000 кирпичю на человека, а по-
сакские кирпичники изготовят по 6 000 на человека. А больши-
де тово кирпичю им готовить не успеть, потому что лето
пошло поздно... сараи строены ново».¹

Но не только позднее начало работы отражалось на произ-
водительности труда. Она зависела также и от качества за-
готовленных материалов. Недаром приказ каменных дел по-
стоянно оговаривал в порядных на поставку глины, чтобы она
была «без илу», «без земли и безо ржавчины с водою и
песком». Плохая глина, а, может быть, и небрежность работы
вели к тому, что значительное количество кирпичей ломалось
при выноске из печи. Возникал вопрос, кто несет за этот брак
материальную ответственность. Из Твери воевода сообщил, что
обжигальщик при оплате труда кирпичников «и за половый кир-
пич, который разломится, емлет на кирпичников (т.-е. берет у
воеводы и дает им) по полтине от тысячи». Из Москвы подтвер-
дили правильность этого расчета: «И который кирпич в печи
в ужиганье, или ис печи вынося переломится, и тот кирпич
кладут в четку ж». Но к этому добавили, что на каждую 1 000
кирпича следует заставлять кирпичников делать лишних 100
кирпичей без особой за это доплаты. Следовательно, фактиче-
ская норма выработки повышалась до 11 000. На частных
заводах в конце XVII в. этот «намет» брался в таком же
размере. В меньшем количестве брался он (50 кирпичей) в вот-
чинных кирпичных сараях патриарха Никона в середине века.²

Влияли на размеры выделки и на качество кирпича и кли-
матические условия. Тот же обжигальщик из Твери сообщал,
что кирпича будет выработано меньше нормы, хотя сырья заго-
товлено достаточно: «А в печь ставить не поспел, потому что многие
дожи и бури, а в ненастье кирпич не сохнет... а сырово де,
государь, кирпичю в печь садить не уметь... и затем кирпич-
ное дело стало».³ В 1672 г. в даниловских сараях «позябло»
52 000 заготовленного сырого кирпича, при общем количестве
заготовки в 1 322 000 шт. Но эти недочеты производства ни на
чей счет отнести было нельзя.

Кроме выделки сырого кирпича, кирпичники должны были
выносить его из печи и за особую плату (обычный поденный
корм) починять испортившиеся своды в обжигальных печах.

Указанная норма выделки показывает, что никакого разде-
ления труда на кирпичных казенных заводах не было. В со-
временном производстве рабочий, наполняющий форму глиной
(«порядовщик»), вырабатывает от 1 000 до 1 500 шт. кир-
пича в день. Записной же кирпичник XVII в. вырабатывал

¹ Там же. В одной из поручных записей по кирпичникам дается
обязательство в том, что ни один из них без отпуска не съедет, не отде-
лав своего уроку все сполна. Ст. Ор. П., № 40254.

² Ст. Ор. П., № 2947, л. 138 об.; № 46919; РИБ, т. V, № 63.

³ Ст. Ор. П., № 2947, лл. 206, 212.

2 000) в месяц. Производительность труда была чрезвычайно низка, и искать объяснения этого факта приходится не столько в способе производства, сколько в его организации. Очевидно, все процессы обработки материала проделывались последовательно одним и тем же рабочим, а это в силу самого характера кирпичного производства вело к перерывам в работе (необходимость просушки глины и пр.), задерживало приобретение рабочими необходимых технических навыков, произвольно вынуждавшихся при выполнении какой-либо одной части работы, что значительно увеличило бы его продуктивность. Впрочем, на частных кирпичных заводах в конце века производительность труда была значительно выше. В 1682 г. в кирпичных сараях казначейства Вас. Иванова 6 человек ростовских крестьян, по их показаниям, в три недели изготовили 32 000 кирпичей, — следовательно, в среднем их выработка равнялась 42 500 шт., а на одного кирпичника свыше 7 000, т. е. больше чем в три раза нормы записного кирпичника. Такое резкое увеличение едва ли может быть объяснено только усиленной эксплуатацией рабочих частным подрядчиком и, вероятнее всего, может быть объяснено тем, что к этому времени некоторое разделение труда начало практиковаться на кирпичных заводах.¹

Качество кирпича, выработанного на казенных заводах, было довольно высокое. Павел Алеппский между прочим отметил в своем описании: «Кирпичи в этой стране превосходны, похожи на кирпичи антиохийские по твердости, вескости и красоте, ибо делаются из песку. Москвиты весьма искусны в изготовлении их. Кирпич очень дешев, ибо 1 000 его стоит один пиастр, и потому большая часть построек возводится из кирпича».²

Точно так же на месте постройки или в местах, по возможности близких от нее, приходилось организовывать заготовку белого камня и извести. Но так как далеко не всегда его можно было найти, то иногда белый камень выбирался из старых разрушившихся зданий и шел в новую постройку. Так поступили в Смоленске, то же самое сделали в Твери, где, кроме того, «в тех же разваленных церквях» было приказано «ужечь 310 бочек извести».³

Но, конечно, только этого было недостаточно, и при возведении построек в провинции приходилось отправляться на поиски белого камня иногда даже в соседние уезды. При постройке архангельских гостиных дворов известь и камень заготавливались на Орлеце; при позднейшей постройке в Смоленске

¹ Ст. Оп. П. № 4928. Сведения о нормах современного производства заимствованы из книжки С. Е. Зарина «Кирпичное производство», изд. 2, П., 1912.

² Курд Б., Соч. Кильбургера о русской торговле, Киев, 1915, стр. 535; Потапов Л., Очерк древней русской архитектуры, стр. 11.

³ Ст. Оп. П. № 1196.

производство извести и ломка белого камня были в больших размерах организованы в Вяземском уезде; для ремонта церкви в Жолтиковском Тверском монастыре камень привозился из Старицы.

Для организации заготовки камня обычно назначалось особое лицо, в распоряжение которого и поступали или те же записные каменщики, или каменные ломщики, командировавшиеся специально из Москвы. Чернорабочими в каменоломнях являлись наемные рыжные или по наряду воеводы посадские и уездные люди.¹

Техника каменной ломки устанавливается с меньшей ясностью, чем техника кирпичного производства. Для прокладки точильных рвов, в которых ломался камень, употреблялись ломы и кирки тесовые, железные клинья и «клевцы», железные же «кулаки». Точно так же, как и на постройках, на месте производства устраивалась кузница и запасались сталь и железо для наварки инструментов. В Смоленске, например, были заготовлены: «стали бочка целая да полбочки, весом пуд с четью», наковальни и пр., причем два старых лома были на месте «сварены в один лом».

Точно так же, как для кирпичного производства, заготавливались дрова: «а лес и лесные запасы секли» в лесах вотчинных, поместных, владычных и в монастырских, «в которых местех пригоже, не в одном месте».²

¹ Ст. Бел. Ст., № 358, л. 29. В виду недостатка извести и строительного белого камня, правительством иногда запрещались свободная продажа и заготовка того и другого. В 1650 г. ростовский митрополит Варлаам начал строить в Устюге Великом соборную церковь. Для наблюдения за постройкой был послан митрополичий сын боярский Вас. Сумароков, который вскоре после приезда на место, прислал митрополиту доклад о ходе работы: «А в отписке написано: на Устюге Великом извести нет, а жгут известь в Тотемском уезде, от Устюга верст с 200 вверх по Сухоне реке. И без государева указу известь не продают, а с судов и с людей емлют пошлину и головщину». По челобитью митрополита пошлина была снята и закупка разрешена. ПДСЛ, 1650 г., № 78, лл. 72—73.

² На московских каменоломнях иногда работа производилась силами пленных и арестантов. Так, на каменоломне под Дорогомиловскою заставою камень ломали «с тюремного двора татарова полоняники» (РИБ, т. XXI, стр. 278). В 1678 г. велено было в разбойный приказ прислать из Разряда кандалы. Разряд сообщил, что «послано кайдал и поясных чепей, которые были на них для работы каменного ломанья, а по счету поясных двойных чепей 40, ножных кайдан 100» (Ст. Пр. Ст., № 789, л. 117). Возможно, что в отдельных случаях арестанты привлекались и к строительным работам. По крайней мере об этом просил курский посад при постройке церкви в Богородицком Курском монастыре: «Вели, государь, по своему соборному уложению в Курску в Богородицком монастыре у нового церковного каменного и у всякого монастырского строенья с курчаны с посадскими с непашенными людьми, которым впредь мочно будет, для всякого работного дела быги курские губные тюрьмы сидельцом, которые сидят в своих винах до твоего государева указу. А в Курску, государь, Богородицкой монастырь внутри городе, от губные избы в ближних местех» (Ст. Бел. Ст., № 358, л. 43).

Принцип оплаты каменщиков и кирпичников был различен; первые получали поденный корм, вторые — сдельную плату.

Поденный корм каменщиков в начале века был очень незначителен. Когда Борис Годунов собирал каменщиков к Смоленскому делу в 1600 г., он предписывал уполномоченным, посланным на посадки для сыска рабочих, обещать завербованным государево жалованье «на день человеку по 4 деньги». ¹ Но сразу же после Смуты оплата поднимается до 8 денег и на этом уровне остается всю первую половину XVII века. Такой «корм» получают каменщики за работу в Москве в 1617 г., ту же плату выдают им на постройках в Твери в 30-х гг. и в 40-х годах на постройке в Курске. При этом приказ каменных дел постоянно напоминает руководителям работ о необходимости нанимать ярьжных и других рабочих на таких условиях, чтобы казне «было прибыльней», а поденным — записным рабочим, чтоб «лишнево б никому ничего отнюдь не давать». ²

Оплата труда в восемь денег полагалась только за полный рабочий день. Строителям церкви в Курском Богородицком монастыре было прислано следующее разъяснение относительно выдач поденного корма: «А корм по нашему указу велено им давать в большие дни по осми денег, а в средние и в меньшие по шти денег и по четыре денги, смотря по тамошнему делу». ³ Производившие ремонт Собора Михаила Архангела в 1652 г. суздальские каменщики получили корм «за полпята дни». ⁴

Но в 40-х годах наблюдается некоторое колебание в размере заработной платы записных каменщиков: в записях о выдаче им поденного корма начинают появляться отметки о выдаче 10 денег на день, с постоянным возвращением к прежней сумме в 8 денег. Так, еще в 1643 г. при ремонте Успенского собора записным рабочим платят то 8, то 10 денег. То же наблюдается и в 1647 г., и в 50-х годах. Возможно, что это повышение поденного корма было вызвано особыми условиями общей экономической обстановки в это время. «Общий кризис, переживавшийся государством в течение первой половины XVII века, обострился, повидимому, некоторыми физическими явлениями: страна переживала «хлебный недород и скотинный падеж», — о чем писал патриарх в своей грамоте от 8 августа (1648 г.). Ранее правительство официально заявляло, что,

¹ Известия Русского генеалогического общества, вып. II. Материалы стр. 30, СПб, 1903.

² Ст. Ор. П., № 2947, лл. 36—37.

³ Ст. Бел. Ст., № 358, л. 30.

⁴ Ст. Ор. П., № 4647.

«уездные и сошные люди от... хлебной скудости стали бедны и промыслов отбыли». ¹

Любопытно отметить, что в этот период, и немного ранее, неквалифицированные рабочие иногда получают более высокую плату, чем записные каменщики. В Твери, при постройках в Жолтикове монастыре, каменщики получали обычные 8 денег, а ярьжные по 2 алтына, т.-е. заработок последних был выше ровно в полтора раза. Официальным мотивом повышения было то, что постройка находилась в трех верстах от Твери, где жили ярьжные, но повышенную плату получали ярьжные и в самой Твери, где они «очищали в городе у полаты камень». ² Была, очевидно, опасность, что вольнонаемные рабочие могли не согласиться на более низкую плату. Практиковалась и другая форма повышения заработной платы вольнонаемным рабочим: в Курске в Богородицком монастыре им, помимо денежного, выдавалось и хлебное жалованье. Разрешение на это было получено строителями по челобитью, в котором они писали: «И мы, государь,... в Москве и в Курску каменщиков и работников, кому б такое каменное дело было за обычай, на их хлебные запасы и с твоим государевым жалованьем с поденным кормом нанять не добудем». В челобитьи далее указывалось на общее разорение курского посада в период 1648—1651 гг. и добавлялось: «А из литовские, государь, стороны работные люди без хлебных и всяких съестных запасов к тому церковному х каменному ко всякому работному делу и на твое государево жалованье, на указной поденный корм без прибавки не наймутца». ³

Объяснение необычного соотношения размеров оплаты квалифицированной рабочей силы и чернорабочих приходится искать в методах привлечения к выполнению работы тех и других. Вольнонаемного «ярьжного» гнала на строительные работы нужда, записной каменщик привлекался на них в административно-принудительном порядке. При установлении норм оплаты приказ несомненно принимал во внимание, что для записных рабочих, получавших от государства целый ряд льгот, поденный корм был, собственно говоря, не платой за труд, который для них являлся специальной повинностью, а государевым жалованьем — «чем бы им быть сытым». Однако дороговизна и невозможность прокормиться поденным кормом заставили, в середине века, приказ повысить норму оплаты и записным каменщикам. Повышение это рассматривалось как временная мера, но практика приказного делопроизводства была такова, что раз данный указ, хотя бы он и был дан с оговоркой, что это делается в виде исключения — «не в образец».

¹ Бахрушин С. В., Московский мятеж 1648 г., в сборнике в честь М. К. Любавского, П. 1917, стр. 711.

² Ст. Оп. П., № 2947, лл. 11, 65.

³ Ст. Бел. Ст., № 353, л. 43.

продолжал действовать. Поэтому и в позднейшее время постоянно встречаются выдачи корма в 10 денег, с сохранением, правда, в некоторых случаях и прежнего размера в 8 денег.

Неудачная реформа денежного дела—выпуск медных денег по курсу серебряных—не могла также для конца 50-х и начала 60-х годов не оказать влияния на норму оплаты казенных и записных ремесленников, и в 1660 г. был издан общий указ: «Каменщикам и плотником и кузнецом, которые из Розряду у его государевых дел на Москве будут, государева жалованья на корм давать по два алтына человеку на день». ¹ Но приказ каменных дел, повидимому, склонен был толковать этот указ в точном и буквальном смысле, указывая, что в таком размере корм дается рабочим только тогда, когда они бывают «у государевых верховых каменных дел». ² Во всяком случае этими повышениями оплаты была внесена некоторая неопределенность в прочно державшуюся ранее практику. Подмастерья каменных дел Леонтий Костоусов и Ив. Апсин, составляя смету в 1663 г. на постройку скорнячной и портновской палат на Казенном дворе, не ввели в роспись расходов обычную статью об оплате рабочей силы, а в распросе сказали: «А кирпичникам и работником почему им на день корму давать, и тово де они не ведают; почему де великий государь укажет на день им и то де тогда мочно выложить сколько на два месяца надобно». ³

Однако ни плаги в 2 алтына, ни в 10 денег не удержалась и очень быстро упала до первоначального размера: в 1664 и 1666 гг. каменщики получают по 8 денег на день.

Эту плату отмечает и Кильбургер для позднейшего времени, записав между прочим следующий, не лишенный интереса, рассказ о постройке Алексеем Михайловичем нового гостиного двора: «этот новый—наилучшее здание во всей Москве и построен теперешним царем 12 лет тому назад, когда в стране были еще в ходу медные деньги, при чем была употреблена хитрость, что рабочим платили медными деньгами, но тотчас по окончании постройки их отменили и выкупили обратно за очень низкую цену». ⁴ Этот рассказ подтверждает предположение, что поденный корм каменщикам выплачивался медными деньгами, и представляется очень вероятным, что резкое понижение

¹ ПСЗ, т. I, № 275.

² Ст. Ор. П., № 6838. В документе, очевидно, описка—2 деньги. Неясна справка приказа каменных дел, посланная в Курск 17 мая 1653 г. В ней говорится, что каменщикам «даецца корм, как у каменного дела будут, по два гроша на день». Если это не описка, то возможно, что этот денежный корм давался в дополнение к хлебным запасам, о разрешении выдавать которые, с помолком на государевых мельницах, хлопотал монастырь. Ст. Бел. Ст., № 358, лл. 51—52, 43.

³ Ст. Ор. П., № 8499, л. 7.

⁴ Курц Б., Соч. Кильбургера о русской торговле, Киев, 1914, стр. 172.

реальной заработной платы, в связи с быстрым падением ценности денег, заставило увеличить норму выдачи. Но и после отмены медных денег выдача «корма» в размере 8 денег не была общеобязательной: в записях 60-х и 70-х годов постоянно встречаются уплаты 10 денег, с частыми возвращениями, правда, к первоначальным нормам.¹

С новым явлением в деле оплаты работы каменщиков встречаемся мы при постройке архангельских гостиных дворов. Там работали не только записные каменщики, но и нанятые посадские люди и прикомандированные к постройке стрельцы. Различие в квалификации всей этой массы рабочих натолкнуло наблюдавшего за постройкой двинского воеводу на мысль ввести различную оплату отдельных групп занятых на постройке рабочих. Некоторым из них он платил по 10 и по 8 денег, другим понижал плату до 6 денег на день. То же наблюдаем мы и в Смоленске, где вновь обучаемые к каменному делу рабочие получали всего по три деньги. Отсюда можно сделать предположение, что и разница в выдаче поденного корма в Москве и в других местах могла зависеть от различной квалификации рабочих.²

Плата в 10 денег, преобладающая в 70-х годах, долго не удержалась. Значительное предложение вольнонаемной рабочей силы в конце XVII в. вновь понизило ее до 8 денег, которые каменщики получали в 1695 г., и только разруха в начале 700-х годов заставила опять поднять ее до 10 денег с официальной мотивировкой повышения: за то, что они, каменщики, «в приход свейских воинских людей были в своем мастерстве и во всяком опасении прилежны и осторожны».³

Плата выдавалась обычно только за те дни, в которые производилась работа: «за ненастные» и нерабочие дни в Твери денег не платили. Отступление от этого порядка было сделано в Архангельске, где велено было платить «на дельные дни по 10 денег, а на недельные по 6 денег человеку», но затем последовало возвращение к старому порядку оплаты только рабочих дней.

Кроме поденного корма, каменщики, мобилизуемые на посадах, не получали никакого жалованья, как не получали

¹ Ст. Ор. П., №№ 16081, 16241, 16613, 16738, 16746, 16754, 16756, 16776, 16778.

² ПДСЛ, 1670 г., № 109, дл. 199—200; Кн. Смол. Пр. № 33, л. 184 об.

³ Ст. Разн. Ст., № 85, л. 25; ПДСЛ, 1703 г., № 46. Только один раз пришлось встретиться со значительно более низкой оплатой труда. В 1652 г. в Кирилло-Белозерском монастыре «подельвали» каменную трапезу. «А каменщиков было у того трапезного дела с начала и до отпуску 42 человека, а делали 1155 дней, дано им поденщины по 4 денги человеку на день, итого 23 рубли 3 алт. 2 д. Да подмастерью Кириллу Серкову дано от того ж трапезного дела за работу с начала и до отделки на 67 дней 2 рубли». Возможно, что это были монастырские каменщики, получавшие кроме денежного корма, и корм в натуре. Никольский, Кир.-Белоз. монастырь, стр. 251, прим. 2.

никакой подмоги и от посада. Только на Вятке посадскими людьми выдавались высылаемым на работу записным ремесленникам подможные деньги в неизвестном размере. Без большой уверенности можно предположить, что это практиковалось и в Белоозере, на записных каменщиков которого белозевские посадские люди жаловались, что они, отправляясь на работу, «пропившись по кабакам», у них посадских людей «прошают» денег.¹ Любопытный случай особого рода «подмоги» каменщикам-стрельцам отмечают акты Иверского монастыря: в 1656 г. по наряду патриарха часть их должна была отправиться в Воскресенский монастырь, «и меж себя (они) верстали кому остатца для караулов и посылок в Иверском монастыре, и которые остались и с тех... взяли подмогу с человека по два рубли с гривной».²

Иногда каменщикам за выполнение работы, правда, в очень редких случаях, выдавалось единовременное пожалование от царя или от тех лиц, у которых производилась работа. Так, в 1688 г. каменщик Мишка Прокопьев с товарищи «за их работу, что они были у церкви Всемилоственного Спаса, что у них великих государей наверху», были пожалованы полтиной из оброчных денег Устюжской четверти. Патриарх Никон при поездке в Воскресенский монастырь дал работавшим там «каменных дел подмастерью Аверкию за работу 3 рубля, да каменщиком 60 человеком по полтине человеку».³ Но пожалования эти были случайны.

Назначение получаемого каменщиками поденного корма правительством определялось следующей формулой: «на харч, на платье и на обувь»;⁴ но фактически это был весь заработок рабочего от его основной профессии. Если перевести эту оплату на наши довоенные деньги, то дневной заработок каменщика в самом начале XVII в. будет равняться 24 коп., в 30-х годах—52 коп., позднее—от 68 до 85 коп. и в начале XVIII века—45 коп.⁴

¹ ДАИ, т. III, № 70; т. IV, № 54; то же в «Древностях Вятск. края», № 118.

² РИБ., т. V, № 236, § 4. Точно такой же порядок подмоги, как на Вятке, мы видим в посадах Двинского уезда при отправке на работу портных, скорняков и бобровников, правда, отправлявшихся в Москву «с женами и детьми на вечное житье». Воевода сообщал, что мобилизованным «для проезде до Москвы помощи дали им на подъем двинские старосты по 10 руб. человеку, да им же, государь, дали бобровники и портные мастера по рублю человеку». ПДСЛ, 1664 г., № 72, л. 6.

³ ПДСЛ, 1688 г. № 175; Писарев, Домашний быт русских патриархов, прим. 147.

⁴ Кн. Ден. Ст., № 155, л. 174 об.; сохранилось известие, что каменщики, отправлявшиеся в Курск, получили в Разряде какое-то жалование. Размеры его не указаны. Вероятнее всего это был аванс, выданный в счет будущего поденного корма. Ст. Бел. Ст., № 353, л. 72. При переводе цены денег на современные пользуемся выводами В. О. Ключевского. Опыты и исследования, изд. 2-е, стр. 211. Сравни Рожков Н., Русск. история, т. IV, ч. 1, стр. 35, прим. 4, о статье Веретенникова, «К вопросу о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала. ЖМНП, 1912 г., январь».

Оплата работы кирпичников производилась сдельно. В 1600 г. по распоряжению Бориса Годунова им выдавалось «от дела от 1 000 кирпичей по 11 алтын и 4 денги всем». ¹ После Смуты эта оплата поднялась до 15 алтын, в каком размере она и выдавалась, повидимому, до конца века. Но в последние его годы возможно предполагать ее понижение до 14 алтын, на что указывают в своей челобитной хорошо осведомленные в делах кирпичников калужские посадские люди. ² Они считали, что и при такой оплате кирпичники брали с казны лишнее, может быть, потому, что на частных заводах оплата труда была действительно значительно меньше. В 1682 г. крестьяне ростовского уезда на частном кирпичном заводе Василия Иванова получали по 10 алт. 4 д. от 1 000. Если принять за максимальную выработку кирпичника на казенном заводе 10 000 кирпичей в сезон, что составит 2 000 кирпичей в месяц, то месячный заработок кирпичника составит 90 коп. в месяц, или, считая по 24 рабочих дня,— семь с половиною денег в день, т.-е. несколько меньше, чем заработок каменщика.

За особую плату кирпичники должны были починять кирпичные печи, получая за эту работу такой же поденный корм, как и каменщики: «А как кирпичную новую печь делают и им корму дают по 8 денег на день человеку. А как у кирпичной печи своды испортетца и от сводов от поделки по алтыну от свода». ³ Другого заработка кирпичники не имели.

Вольнонаемные ярыжные, которые работали у печей в кирпичных сараях, получали по 16 алтын от печи. Считая процесс обжигания в две недели, получим приблизительно ту же поденную плату, какую получали и сами кирпичники.

VII

Сопоставление заработной платы записных каменщиков и кирпичников с заработком казенных ремесленников других профессий показывает, что она не превышала оплаты труда в других специальностях, а часто была ниже ее. Заработок каменщиков, работавших у частных подрядчиков, повидимому, был не ниже, а иногда и выше, государевых записных рабочих, и только кирпичники казенных заводов находились, возможно, в несколько лучших условиях, чем их товарищи по профессии, работавшие на частных заводах. Но, во всяком случае, заработок и тех и других был незначителен. При этом

¹ Изв. Русск. генеал. общ., в. 2, П., 1903., Материалы, стр. 30.

² ПДСЛ, 1671 г., № 488, лл. 49—54; 1673 г., № 102, л. 116; Ст. Смол. Пр., 1673 года, № 19 б.; Ст. Сев. Ст., № 453, л. 204. Повышенная плата в Курске (полтина за 1 000) объясняется тем, что кирпичники там должны были носить песок и воду.

³ Ст. Ор. П., № 2947, л. 138.

необходимо иметь в виду, что получаемый каменщиками и кирпичниками поденный корм, как и у всех сезонных рабочих, был годовым заработком, так как остальное время года они лишены были возможности предложения работодателям своих услуг по самому характеру работы.

Каменный приказ вызывал их, как было указано выше, ранней весной: каменщиков на Благовещенье день, а кирпичников—на Егорьев, а «отпуск» с работы все они получали только тогда, когда наступавшие заморозки не давали возможности ее продолжать. Для сколько-нибудь значительной работы «на стороне» у тех и других не было времени. К тому же и далекое часто путешествие на место «государевой работы», несмотря на получение казенных подвод, требовало расходов на продовольствие в пути, на лишнюю одежду, обувь и т. д. А денег на все это у наименее зажиточных из ремесленников не было. Отсюда естественное желание у некоторой части их уклониться от отбывания повинности, для чего необходимо было изменить свое состояние, т.-е. перейти в разряд тяглых или «гулящих» людей, а это нелегко было сделать.

По общему правилу, каменщики и кирпичники, как и все другие служилые люди по «прибору», могли получить отставку лишь в исключительных случаях. Если смерть не вычеркивала записного ремесленника из списков каменного приказа, то только старческая дряхлость, увечье, сильная болезнь могли освободить его от высылки на работу. Поэтому для изменения своего положения каменщику и кирпичнику приходилось прибегать к традиционному средству самозащиты—бежать. С этим явлением мы и встречаемся довольно часто, несмотря на постоянные угрозы беглецам и уклоняющимся от повинности батогами, а семьям их—тюрьмой.

Бежали с посада до мобилизации, скрывались с пути на работу, уходили «без отпуску» с самой работы. Воеводы, производившие сыск на посадах, и допрашиваемые ими записные рабочие постоянно отмечают каменщиков и кирпичников, сбежавших с посада «неведомо куды». Так, владимирский воевода в 1627 г. на требование выслать двух не явившихся на работу кирпичников ответил, что оба они сбежали с своими женами безвестно.¹ Ярославские каменщики показали при допросе, что двое из товарищей (отец с сыном) сошли из Ярославля, а третий два года тому назад переселился в Москву и там умер.² Пристав, отправленный вместе с вятскими каменщиками и кирпичниками из Вятки в Москву, из 130 рабочих «не довел» 12 человек, из Москвы в Вязьму их отправилось 114, и с дороги сбежали еще 22 человека. В 1653 г. из Москвы в Курск было направлено 7 угличских каменщиков и

¹ Успенский, в. III, № 1443.

² ПДСЛ, 1670 г., № 109.

3 Калязинского монастыря; первые пришли на работу, а последние «из Москвы из Разряду ушли». С постройки портяжной и скорнячной палат на Хамовном дворе сбежали 12 суздальских каменщиков и 2 тверских, за что жен и детей их велено было посадить в тюрьму, «покаместа те каменщики к Москве в приказ каменных дел объявятца». В 1681 г. часть белозерских каменщиков ушла с работы домой без отпуска. Бегство, таким образом, было одинаково распространенным явлением в течение всего XVII в. ¹ Еще в наказе 1600 г. И. М. Толбузину было предписано «накрепко стеречь», чтобы все мобилизованные им рабочие «шли» с ним вместе и от него не отставали. ²

Стремление уклониться от работы, наблюдавшееся и при нормальных условиях, выросло до очень значительных размеров, когда всякого рода стихийные бедствия увеличивали материальную необеспеченность ремесленного люда. Иноземный инженер, начавший постройку архангельских гостиных дворов, приехав на место, сообщил воеводе в апреле 1671 г., что он при остановках в Переяславле-Залесском, в Ростове, Ярославле, Вологде слышал от многих людей: «Присланы де в те города твои, великого государя, грамоты о высылке... каменщиков. И ис тех городов каменщики от хлебные скудости все разбежались неведомо где... «И нынешней весной,—с тревогой добавляет от себя воевода,—чаять в присылке из городов к Архангельскому городу к строению гостиных дворов (каменщиков) не будет, потому что многие померли, а иные разбежались». ³

Следует отметить, что на усиление побегов каменщиков влияла иногда и плохая организация работ. Непрерывность работы каменщиков находилась в полной зависимости от наличия строительных материалов, и, если доставка последних почему-либо задерживалась, приостанавливалась и стройка. Получались «простой» в работе, и в некоторых случаях очень значительные. Из Жолтикова монастыря в Москву сообщали, что работа усиленным составом каменщиков проводилась только с 17 по 22 июня, «а с тово, государь, числа тверские каменщики, старые и новые, гуляют без дела, потому что у обжигальщика... кирпич... не спеет». Отписка эта была подана в Галицкой четверти 11 июля, и можно считать, что каменщики «гуляли» по меньшей мере неделю. ⁴ А так как рабочие за неделовые дни «корму» не получали, то появлялось понятное желание бросить работу и уйти на сторонние заработки или возвратиться домой. Бегство каменщиков с построек на Хамовном дворе было объяснено мастерской палатой именно

¹ ПДСЛ, 1630 г., № 10; Ст. Бел. Ст., № 353, л. 69; Ст. Ор. П., № 6042, л. 6; ДАИ, т. VII, стр. 15.

² Изв. Русск. Генеал. Общ., вып. 2, стр. 29 СПб., 1903.

³ ПДСЛ, 1670 г. № 109, л. 192; ДАИ, т. VI, № 21.

⁴ Ст. Ор. П., № 2947, л. 212.

как следствие несвоевременной доставки строительных материалов: «В Кадашевской слободе,—писали начальные люди палаты по этому поводу в приказ каменных дел,—которые были каменщики и, не отделив в палатах мостов и ограды ворот, за известью, что многая остаточная известь против сметные росписи не прислана, дожидаясь извести, те каменщики все разошлись».¹

Влияли на усиление бегства и примеры удачно выполнивших это товарищей по работе. Угличские кирпичники не захотели оставаться в Курске, ссылаясь на то, что посланные вместе с ними на работу калязинцы сбежали из Москвы, несмотря на получение из Разряда «жалованья», т.-е. вероятно выданного вперед поденного корма.²

Бегство было только одним из способов освобождения от повинности, но далеко не безопасным в отношении грозившего за него наказания и далеко не приемлемым для всех. Если для ремесленников-бедняков ничего не стоило бросить на посаде свой двор, то для зажиточного каменщика и кирпичника этот путь освобождения, если, конечно, он такого освобождения добивался, был невыгоден. И такие записные рабочие предпочитали действовать другими путями. Одним из них был переход в иное «состояние», пользовавшееся такими же льготами, какими пользовались и записные ремесленники. Из показаний кашинских каменщиков о неявившихся на работу в Архангельск узнаем, что один из них поставлен в дьяконы к Макарьевской церкви. Из вятских рабочих трое стали в солдаты, один—в стрельцы, один—постригся в монахи. Один из коломенских кирпичников в 1665 г. поселился в Москве в Садовниках, а один из ярославцев предпочел из записных каменщиков переписаться... в записные скорняки.³

Наконец, можно было избавиться от повинности, укрывшись от воеводы и специальных сыщиков за спиной сильного человека. В 1632 г. была послана в Нижний-Новгород грамота о высылке «старых каменщиков и кирпичников, которые живут,

¹ Ст. Ор. П., № 6042, л. 31; Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс., 1895 г., кн. 2, Мартынов А. Государев Хамовный двор в Московской Кадашевской слободе, стр. 1—15. Недостаток в организации работ наблюдался и при производстве их подрядным способом. Осип Старцев жаловался на гетмана Мазепу, что тот не поставил во-время строительных запасов, благодаря чему получились «остановка и прогулка и убытки великие». Работа приостановилась на «полтретья месяца». Ст. Моск. Ст., № 956, л. 267. Убегали с работы каменщики и кирпичники и работавшие по подряду. Из Сторожевского монастыря рабочие «в ночи своровали, твое государево уговорное каменное дело покинули, збежали к Москве» (Ст. Бел. Ст., № 298, л. 11—12). Также сбежали кирпичники из частных сараев (Ст. Ор. П., № 46 919). Но мотивы бегства у вольнонаемных рабочих были иные: невыгодность работы, неустойка и пр.

² Ст. Белг., Ст., № 353, л. 69.

³ ПДСЛ, 1670 г. № 109; ПДСЛ, 1630 г., № 110; Ст. Моск. Ст.; № 366, л. 108.

заложившись за Иваном Грамбтисом». ¹ О сыске закладчиков, «избывающих государевых каменных дел», говорят и все грамоты о высылке кирпичников, указывая тем самым, что данный способ уклонения записных рабочих от выполнения ими своих обязанностей не был большой редкостью.

Менее надежным, но все же практиковавшимся средством было использование «поноровки» воевод и приказных посадской съезжей избы. Заручившись такой поноровкой, можно было спокойно оставаться на посаде, если свой же брат записной каменщик или кирпичник не подводил. На одного из таких укрывающихся указали переяславцы в своей сказке: «Елфимка Бадукин живет ныне в Переяславле-Резанском с нами, а великого государя от кирпичного дела лет с пять бегает, с нами кирпичного дела не делает. То наша и сказка». ² Недаром и грамоты воеводам постоянно упрекают их в нерадении к государевым делам «ради своей бездельной корысти».

Исключением, вероятно, был наем записными каменщиками и кирпичниками других лиц для отбывания за них государева каменного и кирпичного дела. Свидетельство о такого рода способе «избывания государевых дел» нам встретилось только один раз. Среди сказок вятских кирпичников была в Москву доставлена сказка Сеньки Торощина, который показал: «в давних прошлых годах к Москве для кирпичного дела бывал, а по 10 лет в свое место в кирпичики наймовал. И те мои наемщики—иные умерли, а последние взяты в солдаты. А наймовал я для того, что устарел. А сын ево умом малоумен и кирпичного дела делать не умеет». ³ Но это единственное указание документов, и, вероятно, данный случай был исключением; типичными же способами уклонения от выполнения повинности были бегство, переход в другое состояние и «поноровка» начальствующих лиц.

Во всех этих случаях причины, заставлявшие каменщика или кирпичника искать способа избавиться от высылки на работу или бежать с нее, и причины, заставлявшие бежать с посада, очень часто были диаметрально противоположны. С посада каменщик и кирпичник бежали потому, что им там терять было нечего, с работы—потому, что их тянуло к себе оставленное на посаде хозяйство. Состав записных ремесленников в отношении благосостояния, о чем придется говорить ниже, был

¹ Акты Нижегородского Печерского монастыря, стр. 92—93.

² Ст. Моск. Ст., № 153, л. 113. Прямых указаний на «поноровку» воевод по отношению к каменщикам и кирпичникам нам не встретилось. В расходной книге хлыновского земского старосты сохранилась любопытная запись (1678-80 гг.), касающаяся высылки кузнецов: «Того же дни отнесл к столынику и воеводе кн. П. С. Прозоровскому рыбы, налимов живых, купил у Василья Машкина, дано 7 алт. 4 д. Бил челом, чтоб он пожаловал кузнецов, не всех к Москве высылал». Труды Вятской Архивной Комиссии, в. V—VI, стр. 11.

³ ПДСЛ, 1658 г. № 107, л. 460.

далеко не однороден. И если то, экономическое состояние которых иногда характеризовалось словом «нищей», бежали с посада, то захиточная часть записных ремесленников особенно неохотно оставалась лишние дни на работе. В Твери, например, каменщики и подмастерье, окончив работу на постройке Преображенского собора, отказались остаться после 1 сентября для разборки церкви в Жолтикове монастыре, а когда из Москвы была получена грамота об этом, то подмастерье упростили государю отпустить его в Москву «для его великие нужи». О том же охотно просили бы и каменщики, особенно в тех случаях, когда работа затягивалась на весь сентябрь, а иногда и на октябрь. Но так как просьба все равно не могла бы быть удовлетворена, наиболее нетерпеливые уходили домой без отпуска. Другие дожидались конца работы и на казенных подводах отправлялись по своим посадкам.

*Слободы каменщиков и кирпичников. Торговля и промыслы
записных ремесленников. Борьба посада с записными ка-
менщиками и кирпичниками*

I

Часто встречающееся в литературе замечание, что каменщики и кирпичники жили на посадах слободами, не совсем точно. Можно лишь предполагать, что записные рабочие каменно-строительного и кирпичного дела при первоначальной их организации в XVI в. действительно были на некоторых посадах территориально отделены от посадского населения и поселены отдельными слободами. На это указывает существование таких слобод, сохранившихся в некоторых старых посадах, в позднейшее время.

В Дмитрове в начале XVII в. каменщики живут особою слободою.¹ Во Владимире писцовая книга отмечает, что кирпичники живут также отдельно от посада в Гончарной слободе, «а земля под ними белая». ² Но слобода эта, когда-то, может быть, довольно значительная, в 20-х годах состояла всего из четырех дворов кирпичников. ³ Такая же слобода отмечена писцовыми книгами по Костроме: «На Костроме, под конец посада, слобода белая, под нею земля белая». ⁴ В Балахне во второй половине XVII в. дворы кирпичников переписаны также все вместе и, повидимому, являлись по отношению к посаду особой слободой, хотя переписная книга этого и не отмечает. ⁵ В самом конце XVII в. калужане посадские люди писали: «А в Калуге есть, опроче нас, пасадских людей, гончаров и горшечников многое число, живут на нашей посацкой земле слободами, а твоей, великий государь, службы и податей с нами не платят».

¹ Шумаков С., Грамоты Коллег. Экономии, в. 2, стр. 156.

² Писцовые книги, № 71, л. 148.

³ «Костр. губ. вед.», 1855 г., № 17, часть неофиц., стр. 127—129. Издатель грамоты костромским кирпичникам сообщает: «Ныне, когда костромские кирпичники поступили в число посадских гор. Костромы, и самому городу дан высочайше подтвержденный план, кирпичная слобода вошла в состав города и к отдельному существованию не предназначена; от сей слободки присвоено только название одной улице, прилегающей по местности прежней Кирпичной слободке». «Костр. губ. вед.», 1851 г., № 13, часть неофиц., стр. 95—97.

⁴ Сборн. Нижегород. Архивн. Ком., т. XV, стр. 87—89.

⁵ Ст. Сев. Ст., № 453, л. 183.

Но в других посадах каменщики и кирпичники жили, возможно, даже и в XVI в. разбросанно. По крайней мере на это указывает грамота тульским кирпичникам, которая предписывает обелить дворы их «в городе и на посаде и около посаду, где хто не живет». В точно таких же выражениях составлена была грамота вологодским каменщикам и кирпичникам, на которую ссылается писцовая книга 135—136 гг.¹ В Ярославле в XVII в. каменщики и кирпичники живут в в разных местах, в Кашине переписная книга отмечает, что каменщики живут на посаде «в разных слободах». По разным улицам они были разбросаны в Соли-Галичской.²

Вероятнее всего, эти слободы каменщиков и кирпичников на тех посадах, где они были организованы приказом в XVI в., сохраняли в достаточной мере свою территориальную обособленность до Смутного времени. Но запустение посадов, вызванное кризисом XVI в. и усиленное военными обстоятельствами последующих лет, в некоторых местах, особенно сильно пострадавших, почти уничтожило эти слободы, сведя число дворовладельцев в них до двух-трех человек, как это было, напр., в Дмитрове и Ростове. В этих посадах слободы каменщиков и кирпичников, как какое-то значительное поселение, противопоставляемое посаду не только в правовом отношении, но и территориально, умерли сами собой. В тех же посадах, где они могли сохраниться и после Смуты, их обособленность нарушалась новыми «приборами» записных рабочих.

Как приходилось уже говорить, увеличение числа каменщиков и кирпичников за счет посада началось почти сразу же после утверждения новой династии. «Прибор» был произведен в 20—30-х годах в Твери, Соли-Галичской, Вологде, Дмитрове, Муроме и, вероятно, в ряде других посадов, где были записные рабочие приказа. Вновь записываемые посадские люди, однако, не всегда снимались со своих тяглых участков и не всегда переводились на белую землю. В ряде случаев они оставались вкрапленными в посад, территориально не отделенными от прочей массы посадских людей. Только в редких посадах при «приборе» удавалось выселить каменщиков и кирпичников с территории посада. В Костроме, например, это удалось провести, судя по существованию в этом городе в позднейшее время такой слободы и по указанию одного документа об отводе вновь прибранным записным рабочим земли под дворы. В 137 г. по грамоте патриарха Филарета костромскому попу Алексею Кринке было дано «порожнее» дворовое место, вместо взятого у него «каменщикам и кирпичникам под дворы».³ Но на других посадах с такою легкостью выделение кирпичников и каменщиков

¹ Сб. Щук., т. III, стр. 166—68; Смирнов, Города, в. II, стр. 189.

² «Яросл. губ. вед.», 1861 г., №№ 15, 19, 33, 35; Кукин И. А., Город Кашин, «Чт. в Общ. ист. и древн. росс.», 1903 г., стр. 43; Писцов. книги, № 453.

³ «Костр. губ. вед.» 1855, № 17, часть неофиц., стр. 127.

в особую слободу не оказался возможным. По показаниям тверских посадских людей, «во 134 г. писец Потап Нарбеков тое их посадских людей слободку отвел тверским каменщикам и кирпичникам под дворы, по грамоте ис каменного приказу. И с того де времени и по се число они, каменщики и кирпичники, тою слободкою владеют и хлеб сеют, а дворами не строятца, а живут на посаде в разных слободах, на их посадской черной земле». ¹

Нарушалась территориальная обособленность каменщиков и кирпичников и в тех случаях, когда кто-нибудь из посадских людей в индивидуальном порядке, добровольно или принудительно, становился записным каменщиком или кирпичником. Новое состояние, приобретаемое посадским человеком, обеляло землю, которая затем уже входила в состав «каменщичьих» или «кирпищичьих» земель и выбывала из тягла. В том же тверском посаде отмечен был ряд таких случаев, когда тяглое место переходило к каменщикам, и посадским людям приходилось бить челом, что «ныне тем местом владеют старые каменщики по государеве грамоте», и просить о возвращении его посаду. ² В Суздале в 1648 г. был произведен сыск посадских людей, вышедших из посада и тем или иным способом избежавших государева тягла. Среди выведенных был закладчик Спасо-Ефимова монастыря Васька Мусатов. Его поселили «на старинной тяглой земле», но он довольно скоро после этого записался в каменщики, «не хотя с нами в посаде быть,—жаловались суздальские посадские люди,—и твоих, великого государя, податей платить и служеб служить». Тяглое место было, таким образом, обелено, и Васька им владел «без тягла долгое время». ³ То же самое происходило и в тех случаях, когда двор посадского человека переходил к записному каменщику или кирпичнику по купчей. ⁴

С другой стороны, могли наблюдаться и обратные процессы—возвращения записных рабочих в тяглое состояние, особенно в периоды общего сыска беломестцев или в связи с какими-нибудь другими обстоятельствами местного характера. Так было, например, правда, временно, в Твери, когда велено было старых каменщиков и кирпичников считать попрежнему беломестцами, а братьям и племянникам и внучатам их, у которых имеются торговые промыслы, быть во Твери в посаде в тягле. ⁵

Этими изменениями и в том и в другом случаях нарушалась территориальная обособленность слобод каменщиков и кирпичников, но сохранявшееся за ними особое правовое положение, неоднократно подтверждавшееся в XVII в. особыми грамотами,

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 2.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 2.

³ ПДСЛ, 1700 г., № 24.

⁴ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 2.

⁵ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 23 об.

выделяло их в особую от посада корпорацию. А там, где число их было достаточно велико, это обособленное положение, естественно, находило свое выражение в определенном организационном обособлении: каменщики и кирпичники выбирали здесь своего старосту, как это мы видим, напр., в Соли-Галичской, а иногда в помощь ему и десятников, как это было в Коломне.¹

Такая же организация была у псковских казенных каменщиков, свободных, как и записные каменщики, от посадского тягла и всяких служб.² Но повсеместного распространения такой законченной организации документами не отмечается.

II

Быт каменщиков и кирпичников не отличался и не мог отличаться резко от быта любого посадского человека, близкого по своему экономическому положению данному каменщику и кирпичнику. Писцовые и переписные книги посадков отмечают совершенно одинаковые дворы и неперменные при них огороды как у посадских людей, так и у записных рабочих.³

Но каменщики и кирпичники в отношении экономического благосостояния отнюдь не были однородной массой.

Прежде всего здесь следует отметить, что часть из них удачно воспользовалась правом беспошлинной торговли. Это отмечается документами еще для XVI века. Писцовая книга по Пскову 1585—89 гг. отмечает 4 лавки каменщиков и 1 полок;⁴ плохо сохранившаяся писцовая книга 1587—89 гг. по Туле—целый ряд лавок записных кирпичников, указывая одновременно и на то, что совсем еще недавно владельцы их были посадскими людьми: «Лавка кирпичника... бывал посацкой... торгует горшками...», «Лавка кирпичника... бывал посадской черный человек, прибегает в осадное время...». «Лавка кирпичника... бывал черный человек...»⁵ В оброчной тульской книге 1625 г. переписано в гончарном ряду 12 лавок и клетей, принадлежавших

¹ Ст. Пр. Ст., № 266, л. 27; Ст. Моск. Ст., № 366, л. 108.

² Сборник Архива Министерства Юстиции, т. VI, стр. 286, М., 1914.

³ См., напр., судное дело между коломенским кирпичником и посадским человеком об огороде. Ст. Прик. Ст., № 199, лл. 30—31, 35—36, 38. Или перепись дворов кирпичников посада Балахны. (Сб. Ниж. Арх. Ком., т. XV, стр. 87—89.).

⁴ Сборн. Архива М. Ю., т. VI, стр. 63—69.

⁵ Калачов, Писц. книги, ч. 1, отд. 2, стр. 1074, 1075, 1076, 1084. Неясен смысл любопытной редакционной поправки к Судебнику царя Федора Ивановича, внесенной в Барсовский список. 12 статья в этой редакции читается следующим образом: «А хто на каменщике взыщет или на мошеничке, или на оманщике, и хотя и двою днем изымает и доведет, ино бити кнутом каменщика и оманщика, а исцова иску на них нет и не править; потому что один оманывает, а другой догадывайся и не давайся на оман, не утекайся на дешевое», Андреев, А. И., Судебник царя Фед. Ивановича 1589 г., в Сборнике в честь С. Ф. Платонова, стр. 210, П., 1922.

казенным кирпичникам, обложенных оброком в 5 алт. каждая, что показывает, что товара в них было больше, чем на 2 руб. При чем, помимо этих лавок, в гончарном ряду было еще только 6 лавок посадских людей и пушкарей, так что диктаторами на тульском гончарном рынке были записные кирпичники.¹ Переписная книга 1685—86 гг. сообщает нам и происхождение права собственности записных тульских кирпичников на 15 отмечаемых ею лавок и клетей. Подсчет этих сведений даст следующие результаты: 13 лавок и клетей перешло к данным владельцам по наследству, 1—по купчей и 1—по сделочной записи.² Это показывает, что торговля была наследственным промыслом, может быть, дававшим главные средства существования.

Но особенностью тульских кирпичников было то, что они торговали исключительно гончарным товаром. В других городах кирпичники и каменщики торгуют самыми разнообразными вещами. Во Владимире, напр., лавка каменщика находилась в сапожном ряду. Среди лавок в Соли-Галичской переписаны: «Лавка каменщика... мясника», «место харчевное каменщика...». В Суздале две лавки принадлежали каменщику Офонке Федорову сыну Тяпникову: «торгует шубами и коваными сермяжными». Другие две лавки находились во владении Васки Гончарова. Он торговал яблоками.³ В Ярославле лавки каменщиков и кирпичников находились в суконном, шапочном, овощном рядах и за Власьевскими воротами, где торговали съестными припасами.⁴ Тверские каменщики и кирпичники в своем челобитье, оправдываясь перед приказом в возводимых на них посадом обвинениях, писали: «А у них де ни у кого торговых промыслов и в рядах лавок, oprичь хлебных и колочных осми лавок, да трех кузниц, да двух харчевен, нет. А которые де из них торгуют мелкими товарами, и они де с тех товаров по указу пошрины платят».⁵ Калужане—посадские люди жаловались на кирпичников, что они в несении посадских служб не принимают никакого участия, «а торговыми промыслами... промышленяют так же, как и мы, посадские людишки».⁶ Конечно, эти лавки были далеко не одинаковы: на ряду с торговыми предприятиями более или менее крупного размера были и мелочные лавочки. В Дмитрове, напр., писец, переписав лавку и полок каменщиков, добавляет: «стоит та лавченка и полчишко на их старинном на белом месте, оброку они с тое лавки и с полчишка не платят по государеве... Михаила Федоровича... жалованной грамоте».⁷ В Коломне, вместе

¹ Писц. книги, № 399, лл. 125 об.—127.

² Тула, Материалы для истории города, стр. 21, М., 1884.

³ Писц. кн., № 71 (133 г.), л. 166; № 454, лл. 175 об., 2 об.; № 462, лл. 58, 65.

⁴ «Яросл. губ. вед.», 1861 г., №№ 13—33.

⁵ ПДСЛ. 1679 г., № 366, лл. 54—55.

⁶ Ст. Сев. Ст., № 453, лл. 203—204.

⁷ «Временник Общ. Ист. и Древн. Росс.», кн. 24, стр. 20.

с обычными лавками кирпичников, в овощном ряду один из них имел полок, а у другого была скамья «в скамейном ряду, где сидят с луком и чесноком».¹

Кроме торговли в рядах, каменщики и кирпичники вели и перекупной торг, и иногда на довольно значительные суммы. Об этом дают нам представление записи Белоозерских таможенных книг 1670 и 1671 гг. Они отмечают явки товаров и закупки одного отставленного кирпичника и четырех записных, очевидно, еще находившихся на учете приказа. Первый из них—Григорий Власов в феврале месяце явил 48 пудов и 2 чети соли и уплатил с продажи 9 р. пошлыны. Одновременно с этим он вместе со своим компаньоном—крестьянином Вадбальской волости привез для продажи «сошного железа» на 150 руб. 10 марта вместе с тем же компаньоном Власов куда-то выезжает для продажи 400 сох железных, а в апреле снова появляется на рынке, распродавая своих лошадей. В октябре Власов появляется на рынке уже с другим товаром,—он явил в таможене: «4 кожи яловичи да конину, пуд сала говяжьего: сало в продажу на Белоозере, а кожи в отвоз». В отвоз же он вместе со своими товарищами по торговле в марте следующего года отъявил 184 сохи железа, а возвратился с 20 пудами соли. Последняя его явка записана 1 июля, когда он привез на продажу на 6 руб. овса.² Другие кирпичники ведут менее значительный торг. В феврале 1671 г. кирпичники братья Катюрины явили три рогажи соли весом в 66 п., при чем с них было взято пошлыны 24 р. 20 алтын, «а с 4 руб. довелось взять 13 алт. 2 д., и те денги на них не взяты по государеве жалованной грамоте».³ Третий кирпичник привез «молю сухого» (сухой рыбы) на 30 р. и через несколько дней привел на продажу лошадь.⁴ Кирпичник Степан Галиев также выступает, как продавец лошадей.⁵ Перед нами обычные перекупщики товаров, для которых торговля, судя по ее размерам, становилась основным средством существования.

Некоторые из каменщиков и кирпичников промышляли транспортом, другие имели довольно значительные предприятия с наемными рабочими. До нас дошло одно судебное дело, истцом по которому был калужский кирпичник Пронка Онофреев, сын Хотеньков. Он в 1687 г. подрядился перевезти из Калуги в Москву 205 четв. хлеба на своем струге и своими работными людьми. Дело и возникло по вопросу об уплате ему за провоз 22 р. 18 алт. 2 д. «по гривне с четверти калужские меры».⁶ Другое дело началось с челобитной жены посадского

¹ Писц. кн., № 200, л. 317.

² Городовые книги по Белоозеру, № 2, лл. 43, 43 об., 61 об.—62, 83 об., 87 об., 158 об., 205 об., 218, 141 об.

³ Там же, л. 196.

⁴ Там же, лл. 219, 222.

⁵ Там же, л. 214 об.

⁶ Ст. Пр. Ст., № 1081, лл. 149—51.

человека Афима Гробовщикова, в котором она жаловалась на калужского кирпичника и на посадского человека в присвоении ими вещей ее сына, который «жил у них в работе». В Балахне в 1674—76 гг. писцом были переписаны за посадом сараи кирпичные—«делают в них кирпич балаханские кирпичники, которые записаны на государя». Всего этих сараев было 14 у 15 владельцев, при чем два сарая находились во владении четырех лиц, и двумя сараями владел один кирпичник. Земли «под сараями и меж сараев» было $67\frac{2}{3}$ десятины, и писец отметил, что перед прошлой переписью прибыло $23\frac{2}{3}$ десятины, что указывает на расширение производства.²

За этой группой каменщиков и кирпичников, имевших более или менее значительные торговые и производственные предприятия, наиболее состоятельной, идет другая. Это, в собственном смысле слова,—ремесленники. Часть их занималась только каменным делом и гончарным промыслом, другие обращались к иным видам заработка.

В Вятке документы отметили, что вместо сбежавшего кирпичника посылается «прибылой гончар», только что пришедший «ис промыслу».³ Волоколамский воевода писал, что двух каменщиков, которых он должен был выслать по росписи, не оказалось налицо: «съезжали для промыслов своих в иные города».⁴

При этом целый ряд документов указывает на то, что многие из записных рабочих владели не одним, а двумя ремеслами. В росписях каменщиков и кирпичников упоминаются: сапожник, масленик, плотник, скорняк, котельник, кашевар, бобровщик, шапочник, свечник, оконничник, замочник, кисельник, овчинник, иконник.⁵ Н. А. Рожков, характеризуя технику и систему хозяйства во второй половине XVI в., говорит: «Заслуживают быть особенно отмеченными лишь успехи специализации или дифференциации в области ремесла и кустарничества. Все реже и реже встречаются случаи совмещения двух специальностей; исключением являются кузнец-рыболов, гвоздарь-кузнец, садовник-плотник, плотник-молотник и вместе сапожник». Приведенные данные показывают, что отмеченный процесс, вопреки мнению Н. А. Рожкова, был далек от своего завершения в изучаемый им период. Совмещение двух ремесел встречается и, как видим, достаточно часто и в XVII в., и причины его правильно указаны Бюхером: «При разграничении одной области от другой,—говорит он,—решающим являлись не наибольшая

¹ Ст. Пр., Ст., № 619.

² Сборник Нижегородской Архивной Комиссии, т. XV, стр. 151.

³ ПДСЛ, 1630 г., № 10.

⁴ Успенский, в. III, № 144 об.

⁵ ПДЛС, 1671 г., № 104, лл. 325—331; Яковлев А. И., Приказ сбора ратных людей, М., стр. 405, 1917, Ст. Ор. П., № 2947, лл. 207—208; Ст. Моск. Ст., № 366, лл. 135, 139, 133, 107, 117.

производительность труда, а то, насколько данное производство в состоянии было прокормить занимающегося им человека». ¹ Несомненно, и здесь основной причиной совмещения двух ремесл была невозможность прокормиться заработком, получаемым только от одного из них. Для тех же, кто не был одновременно кирпичником и портным, или кирпичником и котельником, каменщиком и овчинником и т. д., оставалось два выхода: или искать простой, неквалифицированной работы яржского, или заняться хлебопашеством на отведенном ему участке земли. И то и другое не было редкостью среди записных ремесленников XVII века.

Выше было приведено показание одного из посадских людей, у которого «за сиротство» жил кирпичник, отправившийся ко времени мобилизации «на судех в кошеварах». ² В Вятке в 1659 г. к воеводе не явились двое рабочих, подлежащих отправке на работу. Посланные на дворы к ним для сыска их и привода целовальник с понятыми вернулись ни с чем, так как кирпичников дома не оказалось. По требованию воеводы были представлены сказки о допросе жен неявившихся: «и... Савинкова да Ивашкова жены сказали: мужья де наши Савка да Ивашко ушли к Соли Камской для черной работы. То наши и речи. А больше того мы не ведаем, потому что они нам не сказались, как ушли». ³

Принадлежавшие к этой группе каменщики и кирпичники часто находились на грани нищеты, если не было других взрослых членов семьи. В одном из вятских посадов—Орлове—кирпичники показали: «Нас в прошлых годах в Орлове кирпичников было трое человек. И тот третий человек Клишко Лукин бы стар и дряхл, мало он и собою владел. И ныне де того Климки в Орлове и в Орловском уезде нет, сшел безвестно, потому что он кормитца в мире Христовым именем, а детей и братья у него, Климки, нет никою». ⁴

К той же малообеспеченной группе принадлежали и те записные каменщики и кирпичники, для которых основным средством существования были различные отрасли сельского хозяйства. В Твери некоторая часть каменщиков и кирпичников распахивала полученные ими участки земли под пашню. В писцовых книгах 1625—26 гг. по Твери было отмечено: три места пустых посадских людей «пашет новый каменщик Фомка Пономарев безоброчно, а по мере тех мест вдоль 90 сажен, поперек 35 сажен»; 9 мест пустых людей «пашет новый каменщик Васька Сачов; оброк з земли дает государю; по мере тех мест вдоль 8 саж., поперек 30 саж.» ⁵ и т. д. У владимирских

¹ Бюхер К., Возникновение народного хозяйства. П., стр. 176, 1918

² Ст. Моск. Ст., № 366, л. 107.

³ ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 461.

⁴ ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 457.

⁵ ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 2—4.

кирпичников был засеян лен, имелись свои хмельники, на огороде в значительном количестве («гряд с сорок») были посажены капуста, огурцы и «всякий овощ».¹

Но занятиям сельским хозяйством мешал самый характер работ каменщиков и кирпичников, отрывавшихся как-раз на весну, лето и осень от своих хозяйств и направлявшихся на каменностроительные работы или в кирпичные сараи. Благодаря этому мужская рабочая сила иногда целиком или, во всяком случае, в значительной части отвлекалась от хозяйства, и, следовательно, вся тяжесть его ведения ложилась на плечи остальных членов семьи. Если эта семья количественно была значительна, то отъезды рабочих могли и не сказываться особенно сильно на их собственном хозяйстве, но оно часто расшатывалось в тех случаях, когда рабочих рук было мало. Прямых свидетельств документов об этом—относительно государевых записных каменщиков и кирпичников—до нас не дошло, но сохранились жалобы вотчинных кирпичников патриарха Никона о запустении их хозяйств. А так как условия мобилизаций были и в том и другом случаях одинаковыми, то представляется возможным воспользоваться показаниями данного источника. Один из патриарших кирпичников просил вотчинные «власти»: «Не отоймите у меня, государи, сына моего в кирпичники; а сын у меня один, а я, государи, человек старый, пашни пахать не могу». Другой жаловался, что, «будучи на работе, оскудал во всем до конца, а отец де у него да два брата в те годы померли, а жил он сам друг с братом, и тот его брат скорбит третий год, а тягло под ним большое... и тягла тянуть ему не в силу...»² Точно так же, несомненно, отражались вызовы на работу и на хозяйстве записных ремесленников. Может быть, это и заставляло некоторых из них сдавать свои пахотные участки. На это указывали в своей жалобе тверские посадские люди: «А которые каменщики и кирпичники дворами своими живут на нашей на посадской земле, а свои они каменщицьи и кирпичицьи белые места многие дворовые и огородные, и полевые земли сами владеют, хлеб сеют и на оброк во Твери отдают всяких чинов людям».³ Небольшой размер запашки каменщиков и кирпичников и указанные условия ведения хозяйства дают основание предполагать, что материальное положение тех из них, для которых приложение труда к земле было основным подспорьем к недостаточному заработку, получаемому на казенной работе, было незавидным.

Таким образом, изучение материального положения записных каменщиков и кирпичников приводит нас к выводу, что этот разряд посадского населения был далеко не однороден по

¹ «Владим. губ. вед.», 1862, № 45, стр. 187—188.

² РИБ, т. V, № 205, § 3, § 2.

³ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 66.

своему составу. Некоторая часть записных каменщиков и кирпичников, владевшая разного рода торговыми, а иногда и промышленными предприятиями, может быть сближена с наиболее зажиточной частью посадского населения. Рядом с ней, в исходящем порядке, шли те из ремесленников, которые присоединяли к заработку ремесленника доходы от мелочной торговли, предусмотренной выдававшимися им жалованными грамотами. Затем шла группа ремесленников в собственном смысле слова, жившая поденным кормом, получаемым на казенной работе, и частью работавшая на заказчика. К этой группе принадлежали и те, кто к основному ремеслу присоединял другое или обращался к земледельческому труду. Наконец, последняя группа, очень близкая к третьей,—та, которая, помимо заработка, даваемого ремеслом, жила «черной работой», обращаясь за мирским подаянием после потери трудоспособности. Поэтому мы и видим на одних и тех же посадах записных ремесленников совершенно различных экономических категорий, объединенных только в правовом отношении. На Белоозере рядом с Власовым—оборотистым скупщиком-торговцем—были и такие, которые, «пропившись» на кабаках, обращались с требованием денег к зажиточным посадским людям. В вятских посадах документами отмечены и кормившийся милостыней Климка Лукин и записной кирпичник Сенька Торошин, в течение ряда лет занимавший других отбывать за себя повинность. Не подлежит сомнению, что малообеспеченные группы каменщиков и кирпичников составляли количественно основную часть записных ремесленников. На это указывает быстрый рост их недоимки, после того как непосредственное участие в кирпичном и каменном деле было заменено денежным взносом—двухрублевым для «прожиточных» и рублевым для «маломочных».¹

Можно предположить, что эта имущественная дифференциация записных каменщиков и кирпичников произошла в течение XVII в. Первые мобилизации вероятнее всего захватили экономически сравнительно однородную массу посадских ремесленников. Занятие беспошлинной торговлей, при некоторых других условиях, могло повести к постепенному обогащению части их и образованию очень зажиточной верхушки, что в более позднее время повело к полному переходу последующих поколений от занятий ремеслом к более выгодным и легким профессиям. Дифференциация экономическая перешла в дифференциацию социальную.²

¹ О росте недоимки см., напр., Ст. Сев. Ст., № 45, л. 149. Недоимок по Калуге было 419 руб.

² Не лишено интереса указание издателя грамоты тульским кирпичникам: «Кирпичники или гончары, — пишет он, — составляли особенный класс жителей в Туле до половины XVII века. Они были поселены на Оружейной стороне, пользовались данными им правами во всей силе и производили торговлю. Ныне сей класс причислен к мещанам; многие из них имеют значительный капитал, и между ними донныне еще многие производят древнее свое художество: выделывание кирпича и продажу глины». («Московский Телеграф», 1830, № 15, стр. 432—33).

Пестрая в экономическом отношении корпорация записных государевых ремесленников была однородной в отношении правовом, определяемом выданными им государевыми жалованными грамотами.

Льготы, предоставленные этими грамотами записным каменщикам и кирпичникам, отделяя их от посадских людей, были причиной постоянного недовольства посадского мира, настойчиво стремившегося привлечь всех живших на посаде беломестцев, в том числе и записных ремесленников, к участию в уплате лежавших на тяглом посадском населении налогов и к несению натуральных повинностей.

В свою очередь, записные каменщики и кирпичники начинали борьбу с посадом, в целях сохранения своих старинных прав и привилегий. Эта борьба, отмечаемая документами на протяжении всего XVII в., в скрытых формах велась, очевидно, постоянно, но часто переходила в открытые и иногда очень острые конфликты между посадскими людьми и корпорацией записных ремесленников.

Дошедшие до нас челобитья каменщиков и кирпичников, с которыми они обращались к центральному правительству и местной администрации, прося о защите своих прав, показывают, что иногда записные ремесленники выступают совместно со всеми беломестцами, иногда самостоятельно, но всегда выступают против всего посада, противопоставляя свои права обязанностям всего тяглого населения. Так было, напр., в 1629 г. в Туле, когда было приказано приехавших на службу боярских детей и иноземцев разместить по дворам «всяких людей». Все беломестцы, в том числе и корпорация кирпичников, «положили» перед воеводой грамоты, по которым этот постой на них распространен быть не мог.¹

Владимирские кирпичники в 1659 г. добились посылки грамоты воеводе, которой ему велено было «досмотреть» их жалованные грамоты, «а, досмотря, от посадских людей тех кирпичников оберегать и налоги им не чинить и во всем росправу чинить по той жалованной грамоте».²

Созданная льготными грамотами словесная обособленность каменщиков и кирпичников заставляла их с достаточной сплоченностью выступать против всего посада даже в тех случаях, когда затрогивались частные интересы только отдельных ремесленников, а не всей корпорации в целом. Примером такого выступления может служить столкновение солигаличских записных каменщиков с посадскими и уездными людьми по одному

¹ Ст. Моск. Ст., № 40, л. 457.

² «Влад. губ. вед.», 1862, № 45, стр. 189.

совершенно случайному поводу В 1650 г. один из солигаличских посадских людей, Степан Федоров, подал воеводе челобитную на двух каменщиков, учинивших насилие над его племянником: «воровали содомским блудом сильно». Виновных приказано было задержать, но пять рассыльщиков и пушкарей, посланные доставить обвиняемых в съезжую избу, выполнить приказ воеводы не могли, так как, когда они шли с арестованными, «каменщицей староста Филат Зайков с товарищи-каменщики... (перечисляются 12 чел.), (собрався) большим гилем, их пушкарей и рассыльщиков... (били) до полусмерти осолопьем, и головы им проломили и тех де дву человек каменщиков... отбили...», ругали, кроме того, рассыльщиков всякой «скарёдной бранью» и пригрозили убить. Когда приказный подьячий Куземка Алексеев вышел к бушующим каменщикам на площадь, они собрались «в круг» и его хотели убить, но пришли на выручку посадские и уездные люди и Куземку спасли. Дело происходило всего через полтора года после солигаличского июльского мятежа 1648 г., а поэтому из Москвы было приказано произвести строжайшее расследование и виновных наказать кнутом, а тех, кто приставал к бунту, бить батогами.²

Точно так же и посад выступает обычно с обвинениями всей корпорации записных каменщиков и кирпичников, жалуясь на всякое их «воровство». Так, белозерцы—посадские люди в своем челобиты в 1650 г. жаловались, что каменщики и кирпичники, «как поедут к Москве к каменному и кирпичному делу, и их де, посадских людей, бьют и грабят, лодки рассекают... и всякие насильства чинят; и им, посадским людям, от тех наших (т.-е. царских) белозерских каменщиков и кирпичников прожить стало невозможно». ² Тверские посадские люди в 1679 г. писали в Москву, что записные кирпичники «живут в Твери на их посадской старой тяглой земле и многими их посадскими дворовыми местами и полевыми землями владеют насильством своим безобратно, и от того де им чинятца убытки и утеснение большое. И, напився де они пьяни, всегда приходят к ним к земской избе и на дороге их бранят и бьют и увечат».

Именно такую картину выступления всего посада против всех каменщиков и кирпичников и обратно рисуют нам документы в течение всего XVII в.³

Но некоторые указания документов позволяют установить с несколько большей точностью характер борьбы и стремлений борющихся групп или, по крайней мере, стремлений наиболее активного их ядра. Сначала мы с этой точки зрения рассмотрим выступления записных ремесленников, а затем выступления посада.

¹ ДАИ, т. III, № 70.

² Ст. Пр. Ст., № 262, лл. 27—30.

³ ДАИ, т. III, № 70.

Одной из наиболее распространенных форм борьбы записных каменщиков и кирпичников с посадом было сообщение приказу каменных дел фамилий посадских людей, которые будто бы занимаются каменным и кирпичным делом. По этим заявлениям, если они делались в Москве, приказ немедленно посылал грамоты к воеводам с препровождением именной росписи оговоренных и с приказанием «тотчас» выслать их на Москву на работу. Если же такие заявления делались «посланникам» каменного приказа, производившим сыск рабочих на посадах, то оговоренные должны были представить по себе, в обычном порядке, поручные записи в том, что они своевременно явятся на работу.

Возможно, что сам приказ каменных дел натолкнул записных рабочих на этот способ борьбы с посадом, требуя при сыске каменщиков и кирпичников «сказок» прежде всего от тех из них, которые были налицо. На это указывает текст наказа царя Бориса И. М. Толбузину, посланному в 1600 г. для высылки каменщиков и кирпичников в Кашин. В этом наказе, воспроизводившем, вероятно, форму выработанную приказом в более раннее время, предписывалось допросить под крестным целованием записных ремесленников: «где которые каменщики и кирпичники и всякие такие мастера живут?» Допрашиваемые предупреждались, чтобы они никого «не таили и не укрывали никто и никак некоторыми делью». Тем, кто скажет «в правду», обещалось царское пожалование, а укрывающим угрожало «быгги каженным смертью». ¹ Наказания за ложный оговор наказ не предусматривал, и уже одно это могло поощрить использование открывавшейся возможности злостного «поклепа». С такими оговорами и приходится встречаться на всем протяжении существования приказа от начала XVI века и до конца XVII.

В описи бумаг белозерского посада отмечена грамота 1592/93 г. об оставлении на посаде тяглых посадских людей, взятых по ложным заявлениям белозерских каменщиков и кирпичников. В 1650 г. белозерцы жаловались, что каменщики и кирпичники грозятся «переписать» в записные рабочие весь посад и что «поклепные» люди благодаря этому оскудели и пошли «в деловцах на судах от скудости». ²

В Твери дело о переписке в каменщики посадских людей по сказкам тверских записных рабочих тянулось с 1617 г. по 1638 г., т.-е. в течение 20 лет, ³ и возобновилось в конце века. В Вологде в 1627 г. были переписаны 17 дворов посадских людей, взятых по оговору каменщиков к каменному делу. На то же указывали вологжане в 1658 г., сообщая, что

¹ «Изв. Русск. Генеалог. Общ.», в. II, Материалы, стр. 27—28, П., 1903 г.

² ДАИ, т. III, № 70.

³ Успенский, в. I, № 234; Ст. Оп. П., № 2947, л. 109; ПДСЛ, 1679 г., № 366.

записные каменщики «написали по недружбе, ложно каменщики и каменщицкими детьми... старинных посадах тяглых людей». Посадские люди Соли-Галичской в 1670 г. жаловались, что 20 человек из них «старинных посадских тяглых людишек в приказе каменных дел переписал в каменщики заочно ложно усольский старинный каменщик Бориска Алексеев, сын Зеленово». ¹ Это же наблюдаем мы и на других посадах.

В ответных челобитных посадских людей, страдавших от поклепа, с достаточной определенностью намечается тот социальный слой посада, против которого были направлены оговоры: это—все «лучшие», наиболее зажиточные посадские люди.

Тверичи, обвиняя каменщиков в ложном челобитьи, жаловались, что они, каменщики, «будучи... на Москве у каменных и кирпичных дел к ним, посадским людям, которые приезжают для торгового своего промыслу, приставляют и в каменный приказ волочат и убытчат напрасно. И впредь им для торгового своего промыслу от их продажи к Москве ездить стало немочно». ² В Дмитрове в 1630 г. оговоренными оказались посадские люди и Конюшенной слободы тяглецы, «которые отъехали в твои государевы города для товаришков купить и продать. И те каменщики Первой да Богдан тех их посадских людишек и Конюшенной слободы тяглецов, поклепав напрасно, называют каменщиками». ³ В Соли-Галичской были переписаны в каменщики как-раз те посадские люди, которые были «у Соли-Галичской и в селе Корцове на кружечных дворах по выборам... у твоих, великого государя, дел и в таможене, в земской избе и в губе, в Ростове и Переяславле у твоих великого государя соляных промыслов в головах и целовальниках», т.-е. опять-таки наиболее зажиточная часть посада. Жалоба кашинских посадских людей совершенно аналогична жалобе усольцев, с той только разницей, что в ней инициатива оговора, как и в Дмитрове, приписывается уполномоченным приказа каменных дел. ⁴

По посадским челобитным, одним из основных мотивов «поклепа» каменщиками и кирпичниками посадских людей являлась «бездельная корысть» первых.

Белозерцы жаловались на прямое вымогательство денег, дмитровцы—на то, что записные каменщики, которых там было всего два человека, «рняяся тому, у которого посадского человека и конюшенные слободы тяглецов лучитца свадьба или поминки, и они... на двор ломятца не званы, ходят пить сильно, и кто... их не пустит на двор, и они... на них за то

¹ ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 339, 344; Мерцалов, Вологодская старина, стр. 54, ПДСЛ, 1655 г., № 37, лл. 348—357.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366.

³ ПДСЛ, 1631 г., № 70.

⁴ Ст. Ор. П., № 38201, л. 2.

похвалялись и ныне клепят и продают напрасно, для своей бездельной корысти, за посмех». ¹

Но едва ли только этим можно объяснить из года в год возобновляющиеся «оговоры». Возможно, конечно, что в отдельных случаях «бездельная корысть» имела место, но основным фоном, на котором разгоралось взаимное озлобление, было противоречие интересов тяглеца и беломестца. В этой борьбе руководителем посада являлась, несомненно, наиболее экономически сильная группа населения посада, на которую возлагались все важнейшие службы «по выбору», и которая своим карманом отвечала за «недобор». В интересах этой части посада было включение в посад если не всех, то наиболее зажиточной части записных каменщиков и кирпичников, а это стремление, сформулированное в общей форме, затрагивало интересы не одной верхушки записных рабочих, а их всех. Это и вызывало со стороны заинтересованных рабочих стремление терроризировать именно эту руководящую группу посада угрозой «переписать» в записные ремесленники «весь посад» и понудить к уступкам исполнением этой угрозы.

Другой формой борьбы (пассивной) была подача записными рабочими челобитных о защите их «от насильства» посадских людей и о подтверждении старых жалованных грамот, что и делалось правительством постоянно. Тверские кирпичники и каменщики получили такие подтверждения «во 121 и во 124 и во 157 и во 180 годех ис приказу каменных дел, и во 190 ис приказу Большого Дворца». ² Владимирские кирпичники получили подтверждение своих льгот в 131 и в 167 году, ³ калужские—в 157 и 174 году, «да и в... 203 году... великого государя грамота с прочетом с прежних жалованных грамот дана ж» и др. ⁴ Приказ каменных дел в этих случаях всегда поддерживал своих рабочих, вступая в длительную переписку с другими приказами, ведавшими данные посады, и выступая с обстоятельными докладами о старине прав записных кирпичников и каменщиков, нарушаемых посадскими людьми.

И в этих случаях, когда наступающей стороной был посад, а записные каменщики и кирпичники только оборонялись, они сталкивались с той же верхушкой посадского населения, так как она возглавляла посад и действовала от его имени. Против нее же были направлены и те действия каменщиков и кирпичников, которые вызывали особенно раздраженные челобитья посада.

Этой третьей формой борьбы были буйные выступления записных рабочих, когда они «разбивали» речные суда посадских людей, как это было в Белоозере, или шли гурьбой к

¹ ПДСЛ, 1631 г., № 70.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 123—124.

³ «Влад. губ. вед.» 1862 г., № 44, стр. 183—184, и № 45, стр. 188.

⁴ Ст. Сев. Ст., № 453, лл. 195—196.

земской избе и вступали в словесную перебранку, переходившую затем в рукопашную с представителями посада, как это отмечено для Твери, или, наконец, когда они в исключительных случаях выходили с осолопьем на площадь для защиты отдельных членов своей корпорации. Но это были, очевидно, наиболее редкие случаи исключительного обострения постоянно чувствовавшейся борьбы.

Со своей стороны и посад часто предпринимал решительные меры в борьбе с каменщиками. Изучение форм этой борьбы позволяет как-будто бы установить, что по отношению к собственно записным каменщикам и кирпичникам посад по большей части держался пассивно-оборонительной линии. Борьба велась не специально с ними, а с боломестцами вообще, но она, конечно, захватывала и записных рабочих. Только в 80-х и 90-х годах посад возбуждает особо вопрос о включении в посад записных каменщиков и кирпичников в связи с изменившейся организацией всего каменностроительного дела.

Можно предполагать, что за время «междоусобия» боломестцы каменщики и кирпичники были, если не повсеместно, то в ряде посадов включены в посадскую тяглую общину. Нам не встретилось ни одного случая подтверждения жалованных грамот записным ремесленникам ни от времени Лжедмитрия, ни от времени Василия Шуйского. Но уже в первые годы царствования новой династии такие подтверждения имеют место. Тверские каменщики и кирпичники, например, получили подтверждение в 1613 г.¹ Массовый же характер такие подтверждения получают в тот момент, когда было решено в 20-х годах «писцами обновить всю землю», т.-е. когда установившееся после Смуты положение должно было получить закрепление в писцовых книгах. Записные каменщики и кирпичники в этот момент, несомненно, подвергались особенно сильному давлению со стороны посада, что и вынудило их просить подтверждения ранее существовавших льгот.

Для посада данное время не было благоприятным. Необходимость укрепления границ государства в виду сначала (1613—1618 гг.) продолжавшихся, а затем предполагавшихся военных действий ослабляла силу домогательств посадских людей, и записным рабочим без всякого труда удалось сохранить за собою положение боломестцев. Но соотношение сил изменилось к концу 30-х годов. Рост посада и обострившаяся борьба его с представителями привилегированного землевладения быстро повели к решительным выступлениям посадских людей и уступкам правящих групп, заинтересованных в сохранении льгот боломестцам. Существовавший с 1619 г. сысканый приказ, занимавшийся ранее главным образом поместными делами, «в период от 1638 г. до 1645 г.... производит

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 123—124.

громадную работу возвращения в тягло вышедших посадских людей и закладчиков, а в 1648—49 гг. ему поручена отписка на государя монастырских и частных слобод». ¹ Этот сыск захватил и записных каменщиков и кирпичников. Н. Шаховская приводит цифровые данные о включении по сыску приказа в посадское тягло каменщиков и кирпичников по Твери, Коломне и Вологде. Несомненно, то же было и в других посадах. Прямым поводом к постановке самого вопроса о беломестцах были все увеличивающиеся налоговые тяготы. «Тревожные социальные условия придают финансовой программе московского правительства в эти годы беспокойный характер. Схемы сошного письма явно не удовлетворяют московских финансистов, и они, развивая программу чрезвычайных сборов, ищут новых путей для покрытия неотложных бюджетных нужд». Одним из источников было усиление податной эксплуатации тех классов, «которые не несли активной боевой службы», т.-е. в первую очередь посадского населения. ² Приказы отвечали указаниями на засилье боломестцев, и получаемые справки из приказа сыскных дел подтверждали это. Правда, в общей сумме дворов боломестцев дворы каменщиков и кирпичников часто занимали незаметное место. В Нижнем-Новгороде, например, из 172 тяглых дворов, перешедших к беломестцам, всего шесть принадлежало каменщикам, в Пскове на 155 дворов—один двор каменщика. ³ Но относительная малочисленность на отдельных посадах записных каменщиков и кирпичников не изменяет общей картины чрезвычайного обострения в это время борьбы посадского тяглого населения с корпорациями записных рабочих. Посад ходом вещей побуждался к активным действиям, так как медленность сыска в условиях все сильнее разгоравшейся борьбы не могла удовлетворить посадских людей, собственно его руководящей части. «Между тем условия разрастающегося рынка выдвигали вперед именно эту социальную группу. Мы,—говорит проф. С. В. Бахрушин,—в сущности присутствуем в середине XVII в. при зарождении торгового класса в московском государстве, своеобразно предприимчивого, экономически пестрого в своем составе, лишенного знаний, капиталов и кредита. Само правительство не скрывало, что видит в нем

¹ Шаховская Н. Сыск посадских тягловцев и закладчиков в первой половине XVII в., «ЖМНП», 1914, X, стр. 255.

² Яковлев А. И. Приказ сбора ратных людей, стр. 90—91. М., 1917.

³ Яковлев А. И., там же, стр. 405—406, 424. По отношению к беломестцам Н. Новгорода проф. Яковлев замечает: «Не совсем понятно, почему в число белых дворов попал двор повивальной бабки и, судя по профессиям, ремесленников и торговцев: шапошника Карпа, каменщика Савинова (2 дв.), трушеника и калашника И. Авксентьева, зернового скупщика Л. Исаева, Ст. Бобровщика, ярославца Г. Назарьева (2 дв.) и др.». В примечании отмечено: «Шапошник Карп, И. Авксентьев и Ст. Бобровщик называли себя каменщиками» (стр. 406—407). Это, несомненно, записные каменщики, пользовавшиеся льготами на общем основании.

нет, потому что в прошлом во 157 г. по указу блаженные памяти... Алексея Михайловича... и по докладной выписке за памятью думного дьяка, что был околничей, Ивана Афанасьевича Гавренева строельные книги, по которым тверские и иных городов каменщики и кирпичники по торговым промыслам приписаны были в посад, отставлены, и велено быть в каменщиках и кирпичниках и х каменным и х кирпичным делам к Москве и в города ходить по вся годы по прежнему.¹ Кратковременное торжество посада не осталось, конечно, безрезультатным,—на некоторых посадах часть записных ремесленников, вероятно, так и осталась в тягле, и в дальнейшей борьбе посадские люди постоянно напоминали о 1648—49 гг. и о том, что записные каменщики и кирпичники «исстари посадские люди».

В 50-х и 60-х годах, во всяком случае, посаду пришлось примириться с существованием записных ремесленников. Широкая строительная деятельность правительства требовала все новых и новых кадров рабочей силы. К государевым работам были привлечены не только все наличные силы записных рабочих, но и гулящие люди и монастырские рабочие. В этих условиях рассчитывать на успех посад не мог, и записные каменщики и кирпичники вновь в широких размерах используют свое положение, вызывая новые жалобы посадских людей, что они ложно и по недружбе называют «каменщиками и каменщицкими детьми... старинных посадских тяглых людей».²

Но если общая обстановка данного периода позволяла записным рабочим успешно сопротивляться посаду, то в конце следующего десятилетия роли переменялись. Ниже придется рассматривать вопрос о причинах, вызвавших сначала временную приостановку деятельности приказа каменных дел, а затем поведших и к его ликвидации. В результате действия этих причин правительство сочло более для себя выгодным отказаться от привлечения рабочей силы в принудительном порядке на первых порах в области кирпичного производства, а затем и в области каменностроительного дела—и перешло к использованию вольнонаемных рабочих. Записные же каменщики и кирпичники были обложены особым денежным сбором, который и шел на уплату денег подрядчикам, становившимся посредниками между правительственными учреждениями, ведшими постройки, и рынком рабочей силы. Эту новую обстановку немедленно использовали посады для продолжения борьбы. Особенно интенсивно развивалась она в Твери и Коломне. История борьбы на первом из этих посадов интересна тем, что здесь записные ремесленники в конце концов разбились на группы и выступают не единодушно. Поэтому позволим себе

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 189.

² ПДСЛ, 1655 г., № 37, л. 349.

с некоторой подробностью проследить ход этой борьбы. Дело было начато, вернее—возобновлено после перерыва, по челобитью посада, в 1679 г., т.-е. еще до реформы приказа. Первоначально посадским людям удалось добиться указа о переносе всех дворов каменщиков и кирпичников за посад, с передачей в распоряжение посадских людей освобождающихся дворовых мест, если каменщики и кирпичники не захотят платить посаду оброк. Однако записные рабочие оказались не очень податливыми: требуемых крепостей и сказок посадским людям не дали «и во всем учинились не послушны». Было вновь подтверждено данное распоряжение с оговоркой, что если записные рабочие «похотят» остаться на своих местах, то они могут это сделать, но только в том случае, если «у тверич посадских людей посадские их тяглые земли есть ли что будет в лишке...», с обязательной для каменщиков и кирпичников уплатой оброка «по договору тверского посаду земского старосты и всех тверич посадских людей» и с участием в несении тягла. Побуждаемый челобитьем записных рабочих, приказ каменных дел представил свои соображения: «А в приказе каменных дел в государевых кирпичных сараях тем тверским кирпичникам... которые взяты в посад, довелось было сделать всякому человеку по 10 000 кирпичю. И тот кирпич ныне не делан и впредь делан не будет. И от того в сараях государеву кирпичю ныне учинилось и впредь будет недоделка». Это подействовало, и велено было восстановить первоначальное положение. Тогда в защиту интересов посада энергично выступила Владимирская четверть. Ею был представлен подробный доклад с изложением всего хода борьбы посада с записными ремесленниками, начиная с 1648 г. и с знаменитых решений Собора. Как раз в это время ставился вопрос о передаче кирпичных сараев в приказ Большого дворца, и последний принял решение, оставив в «записных» каменщиках и кирпичниках дворовладельцев, отказаться от привлечения к работе их родственников: «А братьям и племянникам и внучатам их, у которых имеютца торговые промыслы, быть во Твери в посаде и в тягле». Но еще до этого записные каменщики и кирпичники, по грамоте из приказа каменных дел о включении их в тягло, пошли на сделку с посадскими людьми, и 19 человек из них и одна вдова дали в сентябре 1679 г. на себя запись в платеже оброка, которой обязывались «тое их посадкой земли каменщицъей и кирпичницъей и никакой белой землей не называть»; своих дворов подписавшие запись обязывались никому не продавать и не закладывать, кроме посадских людей, а соблюдение условий обеспечивалось уплатой неустойки в 300 руб. Посаду удалось разбить корпорацию записных рабочих: одни из них «порочили» запись, другие сами стали бить челом об оставлении их в тягле. Мы не будем здесь излагать дальнейших перипетий этой борьбы. Для данного периода интересно

инстативировать только отказ части записных ремесленников от их прежних требований и переход в тяглое состояние по добровольной записи, как бы ни была относительно эта добровольность. Сопротивление натиску посада исходило теперь не от всех, а только от одной группы записных рабочих.¹

Более решительной победы добился коломенский посад в 1684 г. Он получил грамоту, которой предписывалось каменщикам, владеющим лавками и занимающимся промыслами, «быть в посаде, в тягле, и службы служить, и подати платить с посацким людьми в ряд, потому что деды и отцы их и они в писцовых и в переписных и в строельных книгах написаны в Коломне посацкими тяглыми людьми, да и для того, что наши всякие великих государей каменные дела делают подрядом, и им, кирпичникам, в приказе каменных дел быти не для чего».²

Борьба этим не была закончена, но ее продолжение связывается с новыми условиями, создавшимися в последнее десятилетие XVII в., и мы ее проследим позднее. В данном же случае небезынтересно попытаться и на посаде с большей точностью установить те мотивы, которыми побуждались посадские люди к выступлениям, и те группы населения посада, которые были преимущественно заинтересованы в успешном исходе борьбы.

Прежде всего необходимо отметить, что почти во всех известных нам случаях одно из первых мест среди мотивов, подкрепляющих домогательства посадских людей о включении записных рабочих в тягло, занимает указание на то, что они занимаются торговлей. В челобитной коломенских посадских людей этот пункт был основным: они добивались прекращения льготной обособленности тех из записных рабочих, которые «живут в Коломне и торговыми промыслами промышляют, и лавки у них свои есть».³

Каменщики, оправдываясь от обвинений посада, должны были доказывать, что у них нет значительных торговых промыслов и лавок, и что с мелких торгов они платят пошлину.⁴ Калужане в своем позднейшем челобитьи подчеркивают, что «торговыми промыслами они, кирпичники, промышляют также, как и мы, посадские людишки».⁵

Во Владимире, где борьба достигла, повидимому, особой остроты, одним из пунктов челобитья 1687 г. было, что с 1672 г. кирпичники не платили оброчных денег за имевшиеся у них в сапожном и калачном ряду «шалаша». Было велено деньги на кирпичниках доправить, «а, доправя, отдать володимерцам

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 5, 8—9, 12—16, 23 об., 32, 66—67, 108—109.

² ДАИ, т. IV, № 66.

³ ДАИ, т. IV, № 66.

⁴ ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 54—55.

⁵ Ст. Сев. Ст., № 453, лл. 203—204.

посадским людям тотчас с росприкою, да и впредь с тех лавок и шалашей оброчные деньги кирпичникам в нашу государскую казну велено платить по вся годы без доимки...»

Этому предшествовало буйное столкновение посадских людей и кирпичников в 167 г. (157?), когда первые запечатали все лавки кирпичников, а полок одного из них сожгли. ¹

Все это дает право утверждать, что одной из активных групп посада в борьбе с записными рабочими была та, для которой льготная торговля каменщиков и кирпичников являлась особенно неприятной. Для этой же группы посадских людей было особенно желательным включить в тягло наиболее зажиточную часть записных рабочих, чтобы переложить на них часть тех общественных служб, которые «лучшие и средние люди» несли по посаду. Это подтверждается и тем, что, как только посадские люди успевали добиться удовлетворения своих требований, они немедленно вводили записанных в тягло ремесленников в службу по выборам. В 188 г. (1679—1680) часть тверских каменщиков перешла на посад, а в 193 г. (1684—1685) о них посадские люди писали: «А иные есть из них ныне за выборы в градских делах в тамошне и на кружечном дворе и в земской избе в ларешных и в целовальниках сидят с нами, сиротами вашими, вместе». ²

Но условия жизни посадского тяглового населения на некоторых посадах были таковы, что против записных каменщиков и кирпичников, в моменты обострения борьбы, выступал весь посад, действовавший с полным единодушием, хотя, может быть, под руководством тех же «прожиточных» людей. Одним из таких условий была земельная теснота. Посады разрастались, а выпавшие из тягла земельные участки могли стать и становились объектом стремлений тяглою части посада, и не только торговой его верхушки, а и руководимой ею посадской массы. Тверичи писали в Москву, что «ныне им, посадским людям, те посадские дворовые места, на которых живут каменщики и кирпичники, надобны в посад под дворы, потому что от отцов дети и от братьев братья отделяютца, а дворов де строить им стало негде». ³ В Коломне одним из поводов к борьбе в 1632 г. послужил захват записными кирпичниками, а, может быть, и администрацией, земли под кирпичные сараи и для копки глины. ⁴ Владимирские кирпичники, наоборот, жаловались, что посадские люди в 186 г. «завладели насильством» их огородными и дворовыми местами. А, кроме того, «во 195 году посадские ж люди... их лен сжали, свезли и

¹ «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 45, стр. 187—189. Грамота издана с ошибками и, повидимому, с пропуском. Возможно, что речь идет о бурном 157, а не о 167 годе.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 130.

³ Там же, л. 1.

⁴ Ст. Ор., П., № 2043.

огурцы, и капусту, и всякий воощь потолочили и потравили гряд с 40, да хмельники поломали». Сознанным с мест кирпичникам пришлось жить «во дворе человека по два и по три, и по четыре...»¹

Другим мотивом, также выдвигавшимся интересами всего посада, было желание привлечь записных рабочих к отбыванию всех тех натуральных повинностей, которые тяготили податные сословия не в меньшей мере, чем денежные платежи. Возражая против попытки вновь обелить дворы записных рабочих, тверичи с нескрываемым раздражением писали: «А мы, сироты ваши, и бес тех напрасных убытков ото всех ваших великих государей податей и от посольских пропусков от подвод оскудали и одолжали, наймуя подводы дорогой ценою».² Именно такие натуральные повинности просили возложить на записных кирпичников калужане: «Не вели, государь, нас вместо стрельцов в их стрелецкие посылки и в караулы и в приставы имать, а вели, государь, вместо стрельцов у всяких своих государевых дел быть им гончаром, чтоб нам, сиротам твоим, кои маломошнее, врознь не разбрестися и со всякие нужи не погинуть...»³

На основании этих данных можно сделать вывод, что борьба, начинавшаяся в сфере рыночных отношений, углублялась и расширялась, захватывая весь посад. И если для экономически сильной части посада важнее всего было включить в посад наиболее зажиточную часть записных рабочих и поставить их в одинаковые с собой условия или по крайней мере вытеснить их с посада, то для «маломочных» важнее было привлечь беломестцев к отбыванию всякого рода обязанностей, постоянно отрывавших посадских людей от их хозяйств и заработка. Но вдохновителями посада являлась, очевидно, первая группа, против которой поэтому и были преимущественно направлены, как приходилось говорить, выступления записных рабочих.

В борьбе за осуществление своих целей посад был последователен и настойчив, но, повидимому, нельзя того же сказать про корпорацию записных ремесленников. Условия существования рабочих приказа каменных дел к 80-м годам резко изменились. Вместо личного отбывания повинности они обложены были годовым оброком. Тесно связанные ранее с приказом и опиравшиеся на его поддержку, теперь они до известной степени теряли эту связь и чувствовали себя менее обеспеченными от всякого рода «насильств». А эти «насильства» стали тем более ощутительны, что противоречивые решения правительства в одинаковой степени давали возможность и посаду и приказу каменных дел требовать с них каждому для

¹ «Влад. губ. вед.», 1862 г., № 45, стр. 187—188.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 131.

³ Ст. Сев. Ст., № 453, л. 182.

себя оброка. «А мы, сироты ваши,—плакались тверские каменщики,—после отцов своих и дедов и донные во Твери к посаду в тягле не приписаны, живем от начальников и от сторонних людей во всяких налогах и обидах, а вступитца за нас, сирот ваших, некому». ¹ Эта часть тверских каменщиков начинала тянуться к посаду, а другая продолжала настаивать на сохранении прежнего состояния. В то время, как одни просили о зачислении в посад, другие продолжали враждовать с посадом, выступая теперь одновременно и против посадской верхушки и против своих прежних сотоварищей. Один из прежних каменщиков почти одновременно с приведенным выше заявлением подал роспись, в которую были включены все введенные в посад записные рабочие: «А подал он, плутишка Куземко Жижин, в каменном приказе роспись, а в росписи написал тех наших посацких людей, хотя нас испродать и изубыточить напрасно. А товарищи ево, Куземки, каменщики и кирпичники, тово ево челобитья и поклепных росписей ничего не ведают, пишет их за очи». ²

У нас нет материалов для суждения о том, насколько глубоко и повсеместно было это стремление объединиться с посадом у некоторой части записных рабочих. Позднее, когда колебания приказа кончились, и в конце 90-х годов начались вербовки записных рабочих, положение записных рабочих восстановилось, но, повидимому, состав их несколько изменился. Усиленный сыск на посадах, проведенный в конце века, показывает, что учет приказом рабочих, нарушенный переходом на подрядный способ производства, создал какие-то пробелы в списках. Новые «приборы» ввели в состав записных рабочих новые силы, часть прежних отстала, и мы не видим стремления у некоторых из них восстановить свое прежнее положение. Те же тверичи сообщали, что «многие ис тех каменщиков и кирпичников на Москве и нигде у каменных и кирпичных дел не бывали и делать не умеют, и денег ни почему за то каменное и кирпичное дело в приказ каменных дел не плачивали». ³ Последняя часть этого утверждения о неплатеже денег являлась только свидетельством отсутствия у приказа каменных дел формального права мобилизовать данных лиц и была не совсем точна, так как в списках приказа они числились и за ними числились недоимки, но указание на разрыв данной части записных рабочих с их ремеслом очень любопытно. Можно предположить, что экономически наиболее сильная часть каменщиков и кирпичников легче всего порывала с прежней сословной обособленностью, так как для этой части кирпичное и каменное дело переставало служить средством существования, и связь с ним ранее поддерживалась

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 158.

² Там же, л. 131.

³ Там же, л. 142.

только обязательной казенной работой. Перерыв в этой работе мог послужить поводом к совершенному отказу от ремесла и содействовать превращению данной сословной группы в иную, находившуюся в полном соответствии с их новой профессией торговца, предпринимателя и т. п.

Во всяком случае к 80-м годам исход борьбы был благоприятен для посада, но в конце 90-х годов, когда приказ вновь возвратился к системе мобилизаций, посаду пришлось опять отступить.

Квалифицированные рабочие приказа каменных дел. Московские каменщики. Подмастерья каменных дел. Работы, выполнявшиеся ими. Мелкие работы. Составление смет. Постройки. Группы подмастерьев каменного дела по их квалификации. Другие работы подмастерьев. Рабочие приказа каменных дел: подвязчики, обжигальщики. Мячковская волость.

I

Основной функцией приказа каменных дел, как неоднократно приходилось говорить, была организация рабочей силы. В этих целях ему необходимо было озаботиться не только мобилизацией простых каменщиков и кирпичников, но и иметь в своем распоряжении и более квалифицированных рабочих. Несомненно, что наибольшей опытностью и квалификацией среди других «записных рабочих», бывших в распоряжении приказа, отличались московские каменщики. Если для «записных» каменщиков других посадов каменное дело было часто только добавочным заработком, то для московских оно являлось основной профессией, а условия московской работы давали, кроме того, и больше возможности основательно выучиться этому делу. Поэтому приказ каменных дел постоянно выделяет московских работников из массы рабочих, присылавшихся по его требованию из провинции.

Но до нас дошли только отрывочные сведения о московских каменщиках, большей частью относящиеся к последним годам XVII в.¹ Только для этих лет можно установить их число. В выписке приказа Большого Дворца о ликвидации приказа каменных дел указывается, что в распоряжение Дворца перешли от каменного приказа 15 записных московских каменщиков, да в отставке, после установления «урочного» их числа, оказалось 25 человек. Всёго, следовательно, в конце века московских каменщиков насчитывалось 40.² Дворы каменщиков находились около Земляного вала. В одном из документов приказа тайных дел 1675 г. находится опись загородного двора окольного Родиона Матвеевича Стрешнева.

¹ Сохранилась не датированная роспись московских записных каменщиков в Ст. Ор. Палаты, относящаяся, по видимому, к середине XVII в. В ней перечислены 28 человек. Ст. Ор. П., № 37100.

² Есипов Г. В., Сборник выписок из архивн. бумаг о Петре В. т. II, стр. 251, М. 1872 г.

Этот двор был: «мерю по переулку от двора боярина князя Н. И. Одоевского к Земляному валу 60 сажен, а от переулка подле Земляного вала до дворов государевых записных каменщиков 65 сажен. А от того двора, подле вала же, до большие улицы 9 дворов каменщических». Их же дворы были расположены «от Земляного вала с большой улице до переулка, меж дворов боярина князя Н. И. Одоевского и окольниково Р. М. Стрешнева; а в том переулке да в тупике дворы Воротничкие слободы и черных слобод тяглецов». ¹

Московские каменщики, в отличие от записных рабочих посадов, были на постоянной службе в приказе, а потому получали определенное денежное и хлебное жалованье. В 1658 г. их оклад был следующий: «денег 2 рубли, да хлеба: 5 чети ржи, овса тож. Всего деньгами и за хлеб по 5 рублей по 20 по 6 алтын на год». ² Этот оклад остался без изменения до конца века: и в 1701 г. каменщики получали такую же сумму. ³ Судя по одной челобитной, московские каменщики, при отправке на работу, иногда получали подъемные деньги на дорогу в размере одного рубля. ⁴ А, кроме того, на общих основаниях им выдавался поденный корм по 8, а затем по 10 денег на день, при чем в челобитных они просили выдавать эти деньги «по вся дни без вычету», что, очевидно, не всегда соблюдалось.

Так как московские каменщики числились всегда за приказом, то они привлекались им к работе не только во время строительного сезона, но и зимой, когда записные каменщики «из городов» были на своих посадах. Впрочем, приказ не мог ни дать достаточной оплаты своим постоянным работникам, ни полностью использовать их рабочую силу, поэтому, кроме казенной работы, часть их промышляла на стороне. Так, в 1685 г., в марте месяце, московскому записному каменщику Кирюшке Фомину велено было переделать горны для серебряного дела в Оружейной палате с уплатой за дело и за материал 40 алт. ⁵

Работа московских каменщиков ставилась в образец другим записным ремесленникам, и москвичи обычно являлись учителями новичков в каменном деле. В 1693 г., когда был начат ремонт смоленских городских стен и постройка там в Вознесенском Девичьем монастыре церкви, приказ, командировав

¹ Планы гор. Москвы XVII в., стр. 74, М., 1898 По плану И. Мишурина 1739 г. значится улица «Воротнички»; Б. и М. Каменщики и ряд Гончарных переулков сохранили свое название и в настоящее время (около Таганской площади).

² Ст. Ор. П., № 5944, л. 4.

³ ПДСЛ, 1701 г., № 51. Нельзя сказать, чтобы этот оклад был низок: среди дворовых мастеров боярина Н. И. Романова в 1652 г. было 2 каменщика. Они получали по 3 руб., но, вероятно, кроме того, получали и продовольствие. ПДСЛ, 1652 г., № 89, л. 20, 21, 44, 45.

⁴ ПДСЛ, 1694 г., № 267, л. 14.

⁵ Ст. Ор. П., № 23207.

туда подмастерья Осипа Старцева, послал вместе с ним и московского каменщика, который был его ближайшим помощником.¹ В 1695 г. на той же постройке к присланным из Москвы каменщикам были прикомандированы стрельцы разных приказов смоленского гарнизона для выучки каменному делу. За ними велено было наблюдать каменных дел подмастерью Мымрину, при чем ему был дан наказ вести дело так, чтобы вновь взятые к каменному делу работали, «присматриваясь к московских каменщиков к мастерству и делу. И нынешним бы летом тех смоленских каменщиков выучить каменному делу совершенно, чтоб они впредь то каменное дело делали одни без московских каменщиков». ² Роль последних как непосредственных учителей каменного мастерства приобретала особую важность в силу того, что записные рабочие, присылавшиеся с мест, часто оказывались очень плохо выученными своему ремеслу, а иногда и прямо признавались, что им то дело вообще «не за обычай».

Из московских каменщиков и вербовались, главным образом, подмастерья каменных дел. Документы сохранили нам постепенное повышение по служебной лестнице одного из них, ставшего подмастерьем, правда, не каменного, а левкасного дела.

Это был Баженко Игнатъев. В 1654 г. в декабре он был «взят в приказ каменных дел сторожем из московских каменщиков...», при чем ему было дано «государева жалованья 10 рублей». Из приказных сторожей он, не заслужив еще полученных по окладу денег, был назначен левкасным мастером в Оружейную палату.³ Точно так же в левкасные мастера был взят каменщик Емельян Семенов. Но, и сделавшись мастером, он некоторое время продолжает числиться за приказом каменных дел как «записной рабочий»; поэтому в марте 1665 г. его потребовали в приказ: «Взят я, государь, холоп ваш, — жаловался он, — в Оружейную палату к левкасному делу. А ныне, государь, волокут меня в каменный приказ к каменному делу со своею братьею в ряд». Велено было послать память в каменный приказ с распоряжением, чтобы Емельяна Семенова «к делам не имали, для того, что он взят в левкасные мастера». ⁴

В 1682 г. для смоленского городского и церковного дела был вызван подмастерье каменных дел. Каменный приказ прислал в приказ Смоленского княжества подмастерья Савку Тютинна «с московским каменщиком Гришкой Сермягою». Позднее в

¹ Кн. Смол. Прик., № 33, л. 174.

² ПДСЛ, 1694 г., № 267, л. 7. В «Книге строелной» Мымрин не упоминается. Там указано, что на смену Старцеву приехал Данило Калинин. Но это в данном случае не имеет значения. Кн. Смол. Пр., № 33, л. 185 об.).

³ Ст. Ор. П., № 5944.

⁴ Там же, № 9587, лл. 1 и 1 об.

поручной записи по подмастерьи каменных дел Кондратии Мымрине упоминается подмастерье же каменных дел Степанов Григорий, в другой записи названный Сермягою. Едва ли можно сомневаться, что это одно и то же лицо. Сермяга стал подмастерьем из московских каменщиков. ¹

II

С термином «подмастерье» в настоящее время связывается представление о рабочем довольно высокой квалификации, но могущим выполнять большую и сложную работу только под руководством опытного мастера. Такой же смысл вкладывается в этот термин и в XVII в., когда речь идет о подмастерьях-иноземцах, вызывавшихся из-за рубежа иноземцами градоделельцами, выехавшими на службу к московскому государю. Подмастерья-иноземцы вместе с инженерами-иноземцами работают по возведению земляных укреплений в Ростове Великом. Подмастерье Фан-Канов был отпущен за рубеж в 1632 г. ² Но в приложении к русским подмастерьям каменных дел этот термин в XVI и XVII вв. получал несколько иное значение: под термином «подмастерье» в этом случае мог значиться как в точном смысле этого слова подмастерье, так и вполне законченный мастер-архитектор.

Мы не можем судить ни о количестве, ни о качестве русских мастеров XVI в., бывших в распоряжении приказа каменных дел или принимавших то или иное участие в проводившихся им в это время работах. Источники почти не сохранили нам сведений, которые бы позволили с какой-нибудь ясностью представить образ знаменитого строителя смоленских укреплений Федора Савельевича Коня или его предшественников, частных и дворцовых мастеров эпохи Грозного, в роде Григория Малого, построившего по распоряжению Грозного церковь Вознесения в Ростове, или частных, повидимому, мастеров-ростовцев, «каменного здателя» Григория Борисова, или еще более раннего Пахомия Горяинова, работавшего в Кирилло-Белозерском монастыре, как неясны нам облики и знаменитых строителей церкви Василия Блаженного — Бармы и Постника Яковлева.

Наши сведения о состоявших в ведении каменного приказа подмастерьях каменных дел становятся более частыми только с первой четверти XVII в., и на основании их можно представить с некоторой полнотой как характер выполнявшихся подмастерьями работ, так и их самих. По этим документам мы знаем,

¹ Кн. Смол. пр., 1673 г. № 19; Ст. Ор. П., № 45936, лл. 29, 112.

² ПДСЛ. 1632 г., № 32, лл. 1—2; № 59, л. 1. Уваров А. С., Сборник мелких трудов, стр. 382, М., 1910. Фриман Л., История крепостных сооружений в России, стр. 29, П., 1895.

что подмастерья выполняют самые разнообразные поручения приказа. Мы их видим то за производством самого несложного ремонта, для которого различные учреждения требовали рабочих от приказа каменных дел, то за работой по возведению значительных зданий, то принимающими участие, под руководством инженера-иноземца, в постройке громадных крепостных сооружений. Нет никаких оснований сомневаться в том, что тот или другой характер поручения зависел от квалификации подмастерья, на которого оно возлагалось, и, следовательно, рассматривая эти поручения, мы тем самым будем знакомиться и с их исполнителями.

Наиболее распространенным, по количеству случаев, типом работы был именно мелкий текущий ремонт зданий. Для его выполнения приказ посылал обычно нескольких каменщиков во главе с подмастерьем. Последний в таких случаях играл роль только старшего рабочего или, употребляя современный термин, десятника. И такого рода поручения, дававшиеся подмастерьям, мы встречаем на протяжении всего XVII в. Так, немедленно после Смуты приказы начали приводить в порядок испорченные пожарами и просто обветшавшие без ремонта правительственные здания. В 1615 г. каменных дел подмастерье Иван Смирный переделывает двери в Нижегородской чети. В 1617 г. он же в задней палате Разряда делает «казенку».¹ В 1626 г. другой подмастерье, Марк Шарутин, «подводит столб под трубу» в патриаршей келье и там же кладет новую кирпичную трубу, а в 1630 г. он «подельвал у соборной церкви в окнах железные решетки».² В 1657 г. в Иверском Спасо-Духовском монастыре каменных дел подмастерье Агейко Мокеев вместе с монастырским «печаром» «около паперти с подошвы кругом починивает, которые места попортились...». «А каменщиков, государь,—сообщают власти монастыря патриарху,—к нам ни откуда, ни единого человека по се число не бывало».³ Нет необходимости увеличивать число этих примеров. Во всех этих случаях подмастерье каменных дел выступает перед нами в роли близкой той, которая обычно соединяется с современным нам термином «подмастерье»: это только более опытный, более квалифицированный рабочий, который самостоятельно может руководить незначительной по объему работой.

Но развивавшаяся строительная деятельность заставляла приказ каменных дел возлагать на подмастерьев и более ответственные поручения, доверяя им производство капитального ремонта зданий в Москве и в провинции и даже постройку небольших зданий. В таких случаях перед подмастерьем вставали новые задачи. Ему прежде всего необходимо было

¹ РИБ., т. XXVIII, стр. 254, 251.

² Забелин, Материалы, т. I, стр. 1, 21—22, 292.

³ РИБ., т. V, №№ 62, 80, 91.

разрешить вопрос о возможности, по местным условиям, производства постройки, или о степени необходимости и о характере предполагающегося ремонта, о нужных для того и другого денежных средствах. Вот ряд таких работ, выполнявшихся подмастерьями в XVI и XVII вв.: архимандрит Нижегородского Печерского монастыря, приехав к царю Федору Ивановичу с челобитьем о монастырском строении, говорил, что вследствие оползней горы на берегу Волги монастырским зданиям грозит разрушение. Было предписано нижегородскому воеводе и дьяку «с мастера каменных дел осмотреть, можно ли на том месте храмы каменные и монастырь строить». После осмотра воевода и каменщики пришли к выводу, что строить на этом месте монастырь нельзя и что стройку нужно перенести на другое место.¹ Точно так же в 1682 г. после пожара велено было осмотреть Успенский собор с тем, чтобы выяснить, можно ли продолжать богослужение в нем: «А для осмотра тех сводов подмастерьев и подвязчиков имать ис приказу каменных дел». В результате осмотра подмастерье Ивашко Апсин сказал, что на соборной церкви «своды крепки, и до весны служить в церкви безо всякого опасения можно, а впредь с весны тем сводам без починки быть не можно».²

Это была первая часть работы. Доклад поступал на рассмотрение царя, и если с ним соглашались, то тем самым решался вопрос о производстве ремонта или о возведении новой постройки, в зависимости от данного подмастерью поручения. Чтобы приступить к тому и другому, нужна была строительная смета.

Составление смет и было второй основной обязанностью подмастерьев, при чем дело это требовало уже таких специальных знаний, которыми не мог обладать простой, хотя бы и квалифицированный, рабочий. В 1623—24 гг. возник вопрос о ремонте укреплений в Коломне, и воевода не мог представить смету: «А сколько каких запасов и кирпичю и извести надобно, сметить подлинно некому: один на Коломне каменщик Сенька Лупандин, и тому... не за обычай сметить, сколько каменьев и кирпичю надобно».³ Именно это умение составить смету постройки и проводило грань между подмастерьем и рядовыми каменщиками. Основное содержание сметы, которую должны были уметь составить подмастерья, выясняется из тех подробных, как всегда, предписаний, которые давались из приказа подмастерью при посылке на работу или высылались воеводе. О способах же ее составления дает нам представление спор двух подмастерьев по поводу одной постройки. Дело заключалось в следующем: в Тверь для ремонта Преображенского

¹ Гацисский, Нижегородский летописец, стр. 42.

² Забелин И. Е., Материалы, т. 2, стр. 928.

³ Ст. Бел. Ст., № 10, л. 146. Такого же рода ответ был дан из Смоленска. Ст. Смол. Пр., 1673 г., №№ 19а и 19б.

собора был послан подмастерье Иван Неверов, а Тверскому воеводе была прислана грамота, которой предписывалось приказать тому же подмастерью составить смету и на ремонт Успенской церкви в Жолгикове монастыре. Сметить велено было «накрепко вправду по нашему крестному целованию, и порченных мест досмотреть: сколько в той церкви на каменную поделку надобно белого и бутового камня и кирпичу, и извести, и на связи железа, и на подвязи лесу, и всяких запасов, oprичь стен, потому что стены целы. И где камень ломать и известь жечь и кирпич делать. И сколь далеко от того монастыря, и сколь дорого станет и с провозом... И сколько надобно к тому делу каменщиков и кирпичников и ярыжных, и в сколько месяцев сметить тое церковь зделать, и что... денег надобно». Все это предписывалось записать в роспись «подлинно, порознь» и за «сметчиковою рукой» прислать в Москву.¹ Ответ на все эти вопросы и включала в себя смета, порядок составления которой был такой: «смечавший» постройку подмастерье должен был прежде всего произвести обмер площади основания предполагаемого здания, установить, сколько будет необходимо времени и средств для производства работ по очистке места, если здание возводилось на месте разрушившегося старого, рассчитать работу по подготовке фундамента, для чего нужно было «ямы копать и бут бутить», и, наконец, работу по возведению самой постройки.

Определялось количество кирпича, нужное для стройки, из расчета определенного его количества на единицу квадратного измерения, при заранее установленной толщине стен. Защищая свою смету в приказе каменных дел против нападков на нее Обросима Максимова, подмастерье Иван Неверов говорил: «Да и к тому же церковному делу написал он, Ивашко, в сметной своей росписи кирпичю 250 000, то де по его смете на то церковное дело кирпичу и надобно. А новый де подмастерье Обросимко Максимов той церкви в смете сажень прибавил не знаячи. И он де на те прибылые сажени и кирпичу прибавил».² Здесь просчет был в обмере основания здания, а в другом случае неверно была определена толщина стен. В 1638 г. производился ремонт зданий Сибирского приказа. Составлявшие смету подмастерья каменных дел Трефил Шарутин и Ларион Ушаков в смете рассчитали стену в «два кирпича, а пришлось делать в полтретья», в результате оказался просчет в материалах.³ Так как на рынке строительных материалов было мало, то подмастерью совместно с обжигальщиком необходимо было предварительно рассчитать стоимость заготовки их на месте, с внесением в смету расходов по постройке кирпичных сараев и устройству обжигальных «известных» и кирпичных печей.

¹ Ст. Оп. П., № 2947, л. 2.

² Ст. Оп. П., № 2947, л. 49.

³ Ст. Сиб. Пр., № 72, л. 455.

Расчет простых чернорабочих строился в зависимости от предполагавшегося количества квалифицированных рабочих, по отношению к которым ярыжные играли вспомогательную роль, и подмастерье должен был установить их число с таким расчетом, чтобы каменщик не отрывался от своего дела, получая строительный материал непрерывно от подсобных рабочих. Обросимко Максимов утверждал, что Неверов ошибся и в этом случае: «А ярыжных он, Максимко, сказал, надобно сверх сметы по 30 человек на день, потому: к двум творилам месить известь надобно 8 человек ярыжных, да к ним же носить в творила сухую известь и песок 10 человек, к воде 2 человека ярыжных. И по Ивашкове смете Неверова к тому церковному делу осталось ярыжных, кому камень и кирпич носить и известь к 50 человекам каменщикам, всего 10 человек ярыжных, и теми ярыжными камень и кирпич и известь носить 10 человекам не подныца, потому де ярыжных и прибыло».¹

Но нормы дневной выделки самих каменщиков документы не сохранили, да едва ли она была. Подмастерье при расчете исходил, повидимому, из личного опыта, при чем не всегда, вероятно, был уверен, что каменщики будут у дела «безотступно» и будут работать «не огурливо», и прикидывал несколько с запросом. Во всяком случае при постройке архангельских гостиных дворов воевода, очевидно по смете, всегда запрашивал не меньше 200 человек, а прибывало к нему 70. И наличие квалифицированных рабочих никогда не доходило до сметной цифры.

С установлением стоимости производства материалов, стоимости заготовки самих средств производства и оплаты рабочей силы—смета заканчивалась и представлялась на утверждение в Москву.

Командировки подмастерьев для составления смет мы довольно часто встречаем в документах. В 1622 г. для такой работы был послан вместе с И. В. Измайловым Баженко Семенов в Можайск, который строился по чертежу Толера.² Сохранилась смета каменных дел подмастерья Димитрия Охлебни на ремонт неизвестного здания.³ Поручение по составлению смет дается подмастерью Осипу Старцеву и др. Только в Пскове в начале 1633 г. смета на постройку каменной палаты для зелейной казны была составлена местным подмастерьем каменных дел Павликом Васильевым.⁴ Позднее и туда посылались они из Москвы. В годовой смете по Пскову 1699 г. было написано: «А по справке во Пскове в приказной палате с отписными книгами во 192 г. по указу великого государя и по грамоте из Новгородского приказу... по смете дьяка Никифора

¹ Ст. Ор. П., № 2947, л. 72.

² Можайские акты, стр. 126—128.

³ Ст. Ор. П. № 8729.

⁴ Сборник архива Мин. Юстиции, т. VI, стр. 81—82, М., 1914 г.

Кудрявцева и каменных дел подмастерья и каменщиков написано за его дьячье приписью... обоего—Окольного и Среднего, и Кремля-городов за вышеупомянутое строение 79 239 рублей, 25 алтын, 5 денег. И о том строении... к Москве в Новгородский приказ писано и сметные книги за приписью вышеупомянутого дьяка Никифора Кудрявцева посланы в том же во 192 году декабря в 19 числе каменных дел с подмастерьем с Иваном Калининым...»¹

«Неверно, однако, было бы представление, что подмастерье, составляя смету, присоединял к ней и чертежный эскиз здания. Этого подмастерья, за редкими исключениями, делать не умели. Даже Осип Старцев, несомненно выделявшийся из круга других подмастерьев, искусства составления чертежа не знал. В самом конце XVII в. царь Петр Алексеевич указал: «взятый турецкий город Казыкермень, который на Днепре, построить вновь и всякие крепости деревянные и каменные и земляные починить и утвердить великими твердынями накрепко, чтоб в том городе, ратным людям будучи, жить было крепко». Для составления сметы и был послан Осип Старцев. Но вместе с ним специально для осмотра, сметы и чертежа был послан капитан Иван Бецал, которого считали способным произвести последнего рода работу. Чертеж, однако, и при этих условиях не был представлен: «подмастерье Осип Старцев да подвязчик Тимофей Кошира городу Казыкермени сметную роспись за руками подали», а капитан Иван Бецал «...описи и чертежу не подал, а сказал, что, будучи в Казыкермени, чертежа начертить было некому, а он де чертежному делу не заобычен». В результате «чертеж» был изготовлен в воеводской канцелярии. Точно так же курский воевода, а не посланный на постройку подмастерье, представил план (чертеж) постройки церкви в Курском Богородском

¹ Там же, т. VI, стр. 220. Нам встретился только один случай составления сметы для постройки в провинции в самом приказе каменных дел, а не на месте. В 1690-х годах в Смоленске предполагено было ремонтировать Успенский собор. По осмотре здания на месте решено было, однако, перестроить его заново. Но посланный подмастерье Евсютка Иванов составить смету отказался, так как в Смоленске не было известно, с какого «образца» строить, не были известны и предполагаемые размеры церкви. Тогда в приказе каменных дел, установив размеры собора Александровской слободы, который должен был служить образцом, поручили составление сметы подмастерьям Леонтию Костоусову и Якову Шарыпину. Последний был привлечен, очевидно потому, что он ранее посылался в Смоленск и хотя оттуда «збежал», но был знаком с местными условиями. По этой смете были заготовлены запасы, но производивший постройку Алексей Корольков расширил здание и, повидимому, руководился собственной, никем не утвержденной, сметой и образцом. Ст. Смол. П., 1673 г., № 19 в.

² Ст. Бел. Ст., № 1608, л. 16.

³ Ст. Бел. Ст., № 1608, лл. 83—84.

монастыре.¹ Только относительно «государева подмастерья Антипы Константинова известно, что он был автором ряда чертежей-планов, утвержденных царем и принятых к постройке. Обо всех остальных подмастерьях таких сведений не имеется. (Больше того, и представляемые подмастерьями сметы под их диктовку писались подьячими, так как сами подмастерья были в значительном числе неграмотны.) Максименко Апсин, строивший церковь на дворе князя Черкасского (1664 г.), был неграмотен: «к его сказке и по его повелению солигалицкой посадской человек Ивашко Успенской руку приложил».² Неграмотен подмастерье Федька Григорьев, получивший пожалование за ремонт Китай-города в 1679 г.³ Неграмотен Димитрий Старцев; неграмотны подмастерья Вавило Савельев, Любим Никитин, Матвей Фомин, и др.⁴

Каким же образом эти в большинстве неграмотные люди не только составляли сметы, но и руководили постройками? Помогали практика и технический навык. Упомянутый уже Обросимко Максимов, составляя в Твери смету на необходимое для постройки церкви железа, должен был вспомнить свою практику при ремонте церкви Казанской божьей матери в Москве. По его расчету железа надо было 100 пудов «по тому, как он, Обросимко, клал на Москве у церкви у Пречистой Богородицы казанской: 4 связи явные внутри церкви, 4 связи позади сводов, и во всякую связь пойдет железа по 20 пудов; да 4 наугольника—наугольник по 6 пуд. а достальное железо 66 пуд пойдет к окнам на решетки и на двери и на оконные подставки, а у церкви де будет 14 окон да 7 двери».⁵ При самой работе отсутствие чертежа заменялось той же старой практикой: помогали известные строителю-подмастерью здания, служившие ему наглядным образцом. В Можайске у Никольских и Петровских ворот были сделаны своды

¹ Ст. Бел. Ст., № 358, л.л. 62—63. План церкви, л. 70. Возможно, что именно для изготовления чертежей в начале XVII в. в штат квалифицированных рабочих был включен «знаменщик и травописец», должность которого в 1616 г. занимал Петр Тепловский, едва ли москвич по происхождению. Он получал такой же денежный и хлебный оклад, как наиболее высоко оплачиваемая группа подмастерьев каменных дел: 9 рублей денег, 12 четей ржи, 12 четей овса, по 2 чети круп, 2 чети гороха, 7 полтей мяса и 6 пудов соли (Ст. Ор. П., № 38358, л. 2) Но в дальнейшем никаких указаний на существование в приказе этой должности не встретилось. Позднее для составления «чертежей» привлекались специалисты-чертежники из Оружейной палаты. В 1674—75 гг. при постройке собора в Смоленске необходимо было составить чертеж. «По указу... великого государя посыланы из приказа Княжества Смоленский подьячей, да из Оружейные Палаты чертежник в Александрову Слободу и велено учинить размер и чертеж, какова в той слободе Соборная церковь» (Ст. Смол. Пр., 1673 г., № 19).

² Ст. Бел. ст., № 768.

³ Ст. Ор. Пал., № 18772.

⁴ Ст. Сев. ст., № 194, л. 455 об.

⁵ Ст. Ор. Пал., № 2947, л. 72. Возможно, что речь идет о церкви в с. Коломенском, ср. Ст. Ор. П. № 3341.

«по-китайски», как у Варварских ворот в Москве.¹ В Курске воевода велел церковь Пречистые Богородицы «обложить с того образца, как строена и воздвигнута каменная церковь с пределы и с трапезной на Москве за Чертолскими вороты в Зачатейском монастыре».²

Подрядчики, работавшие над постройкой келий «на старом богоделенном месте» у Тверской заставы около церкви Моисея Боговидца, условились окна делать простые, «против образца Кулижских богаделен».³ В Смоленске Успенский собор предполагалось построить «с образца» соборной церкви Александровской слободы. Но изготовленный в Москве «чертеж» не был прислан своевременно на место, и подмастерье Алексей Корольков начал «заводить» постройку в иных размерах, — возможно, с какого-нибудь другого образца.⁴

Так мотивы Зачатьевской церкви переносились в Курск, а Варварские ворота воспроизводились в Можайске, собор Александровской слободы предполагалось воссоздать в Смоленске. И культивировались эти заимствования самими подмастерьями, связанными в своем строительном творчестве привычными навыками и отсутствием теоретической подготовки.

А возможность такой теоретической подготовки в то время уже была. Известно, что в технической библиотеке Пушкинского приказа был ряд переведенных руководств по строительному делу: «Книга, в ней писаны, как учить делать каменного дела церквей и палат», «Книга, в ней писаны образцы столбом в церкви или в палате, или у мостов каменных и колен около столбов и около церкви, где доведется делать», «Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам, земляным и каменным и чертежам учить чертить...»⁵

Мог, конечно, организовать обучение подмастерьев и приказ каменных дел, но у него не было мастеров-иностранцев, числившихся в пушкарском и иностранском приказах, а русские подмастерья в значительной своей части не могли обратиться к книге, так как были неграмотны.

Как смета рассчитывалась подмастерьем «на-глаз», так «на-глаз» и строилось им здание на основании личного опыта. Это и выработало практику, по которой автор сметы являлся обычно и автором сооружения. На несоблюдение именно этой традиции ссылался подмастерье Иван Неверов, утверждая, что «которые де их братья подмастерья, какие каменные дела смечают, те де подмастерья те дела по своим сметам и делают».⁶

¹ Можайские акты, стр. 99—104.

² Ст. Бел. Ст., № 368.

³ Забелин, Материалы, т. I, стр. 561—63.

⁴ Ст. Смол. Пр., 1673 г., № 19 в.

⁵ Богоявленский С. К., О Пушкинском приказе. В Сборнике статей в честь М. К. Любавского, стр. 384—85, П., 1917 г.

⁶ Ст. Ор. П., № 2947, л. 50.

За выполнением таких самостоятельных работ мы видим подмастерьев в течение всего XVII в. Капитальный ремонт Преображенского собора в Твери производит Ивашко Неве-ров; ¹ Успенскую церковь в Жолтиковом монастыре строит Обросимко Максимов; Белый Семен в крестовой палате подводит «стену и небо»; ² Костоусов Дмитрий начал стройку виноградной плотины в имениях царя Алексея Михайловича, но был отставлен и замещен Иваном Кузнечиком; ³ церковь в Курске строит Семен Белый; ⁴ постройку гостиных дворов в Архангельске заканчивает Дмитрий Старцев.

Имена этих мастеров немногочисленны, и, очевидно, подмастерья получали самостоятельную работу только после довольно длительного стажа, когда успевали зарекомендовать себя перед приказом успешным выполнением более мелкой работы. Пример такого постепенного перехода от менее сложной работы к более сложной дает карьера подмастерья Лариона Ушакова: в 1635 г. он, вместе с подмастерьем Федькой Харитоновым, делает «приступ» к раке митрополита Петра, может быть, еще в качестве простого каменщика. ⁵ Через семь лет он уже сам руководит «связным делом» в Успенском соборе, но предварительный осмотр для установления характера необходимого ремонта делает опытный и известный государев мастер Антип Константинов. Под присмотром его Ушаков и проводит всю работу. ⁶ В следующем году под его же надзором Ушаков производит уже не ремонт, а постройку церкви Троицы. ⁷ Так из подмастерья, успешно повторявшего приемы своих предшественников и работавшего только под руководством других, постепенно вырабатывался самостоятельный мастер.

В результате такой выучки мог выработаться и вырабатывался крупный специалист-архитектор, при чем учителями его могли быть не только русские «старинные» подмастерья, а и инженеры-иноземцы, в течение всего XVII в. выписывавшиеся из-за границы. Иноземцем Толером строится Можайск; иноземцем Матисом Анцином начата постройка Архангельского города. В том и другом случае в помощь к ним посылались русские каменных дел подмастерья. В Можайск «по перемена», т. -е. по строительным сезонам, командуются подмастерья: Григорий Бутиков, принимавший участие в составлении сметы городского дела, затем Баженко Огурцов и Федька Возовулин. Баженко был отозван в Москву для ремонтных работ в Успенском соборе, а «в его место» послали Михалка Ушакова. Михалко умер в Можайске, и туда вновь командуются

¹ Ст. Ор. П., № 2947, л. 143.

² Забелин, Материалы, т. I, стр. 924.

³ РИБ, т. XXI, стр. 1214.

⁴ Ст. Бел. Ст., № 384.

⁵ Запись не ясна. Забелин, Материалы, т. I, стр. 24.

⁶ Забелин, т. I, стр. 417.

⁷ Снегирев, Русская старина, т. II, стр. 12.

Огурцов. ¹ Трофим Шарутин и Иван Неверов в сороковых годах XVII в. работают под руководством иноземца Христофора Головея. ² В Архангельске к Матису Анцину был послан сначала Алексей Марков, а затем на перемену к нему был послан Димитрий Старцев. ³

Присматриваясь к работе иноземца, подмастерья сами получали возможность в дальнейшем выдвинуться и занять, если не по названию, то по существу его место. Правда, далеко не всякий подмастерье мог, а может быть, и хотел добиться этого. Двинский воевода Афанасий Нестеров сообщал в Москву, что приезжавшие из каменного приказа подмастерья, работавшие вместе с Матисом Анцином, «в том каменном деле мало знают», а нужно «подмастерья добра». Но среди них оказался Димитрий Старцев, который, по отзыву того же воеводы, в том деле «силу знает и к делу радетелен». Анцин не довел постройки до конца: 28 сентября 1671 г. он умер, и каменный приказ поручил закончить постройку Димитрию Старцеву, который и справился с ней успешно. Московский подмастерье сменил голландского инженера.

Так обрисовывается второй тип русского подмастерья—толкового, смышленного техника-строителя, иногда талантливого, но часто неграмотного. А рядом с ним появляются и вполне законченные инженеры-архитекторы, искусство которых могло поспорить с искусством инженеров, приехавших к нам с Запада. Источники сохранили нам имена двух таких подмастерьев: это—Антип Константинов для середины XVII в. и Осип Старцев для его конца.

Возможно, что первый из них не был даже подмастерьем приказа каменных дел или, во всяком случае, он занимает там какое-то исключительное место. Расцвет его деятельности падает на наиболее оживленную пору строительства во время царствования царя Михаила Федоровича, т.-е. на последние его годы. В это время мы видим Антипа Константинова в Успенском соборе инструктирующим другого подмастерья—Лариона Ушакова, как необходимо провести предстоящий ремонт: «с исподі укрепить клиньем железным с расщепы, да забить левкасом накрепко, а сверху залить смолою с песком, и для крепости положить по углам железные связи, и проходить стены буравами на обе стороны...» и т. д. ⁴ По его чертежу тот же подмастерье производит постройку церкви в с. Троицком. ⁵ Константинов же является создателем палат на патриаршем дворе—Золотой, Казенной и Проходной, разобранных «до пошвы» и построенных заново. Непосредственным их строителем

¹ Можайские акты, стр. 122—28.

² Потапов А., Очерк древне-русской гражд. архитектуры, стр. 132.

³ ПДСЛ, 1671 г., № 109.

⁴ Викторов, Описание, т. II, стр. 417.

⁵ Снегирев, Русская старина, т. II, стр. 12.

был подмастерье Давид Львович Охлебинин, но все работы производились по указаниям Константинова. Подрядившимся на производство ремонта других построек патриаршего двора ярославским каменщикам Тараске Тимофееву да Зин. Остафьеву «с товарищи» велено было делать все, «что укажет государев подмастерье Антипка Константинов, и его во всем слушати». ¹ Мы видим перед собой совершенно законченного мастера— автора патриаршего двора, который, по отзывам иностранцев, занимал одно из первых мест после царского дворца «по обширности и красоте зданий». ²

Таким же художником, как Константинов, рисуется Осип Старцев, играющий исключительную роль в приказе каменных дел в конце XVII в. Впервые он появляется как организатор работ в 1679 г. В апреле месяце этого года он дважды получает сукно в пожалование за то, что он «у каменных дел цены сбавил», и за то, что вместе со своим братом «к ево государевым, верховым каменным делом подрядили каменщиков перед иными подрядчики дешевле». ³ Позднее мы видим его в роли подрядчика-предпринимателя, нанятого гетманом Мазепой для постройки двух церквей в Киеве в Братском и Николаевском монастырях. «А рядил он от тех двух каменных церквей 4 400 рублей и в том дал на себя поручную запись, что построить было те церкви в два лета». ⁴ Проф. Павлуцкий дает оценку этих двух церквей в следующих словах: «Надо отдать справедливость нашим предкам XVII и XVIII веков, они обладали большим художественным вкусом; об этом с очевидностью свидетельствуют наружные украшения этих двух церквей, равно как и других образцов киевского барокко. В своих декорациях мастера достигли удивительных эффектов и очень красивых комбинаций. Все эти декорации полны прелести оттого, что в них много наивности и сердечной простоты. Художник не следовал каким-либо условным законам своей науки: он с любовью декорирует какой-либо маленький боковой вход или помещает богато разукрашенный фронто́н на таких местах, где ему совсем не надлежит быть, а зритель все-таки пленяется красотой, испытывает чарующее впечатление». ⁵ В этой несвязанности с условностями строительного искусства сказался подмастерье каменного приказа, в устанавливаемых проф. Павлуцким влияниях Запада проявился талантливый ученик иноземных мастеров.

Таким образом, на основании приведенных данных можно установить три совершенно различные группы мастеров приказа каменных дел, скрывавшихся под общим для них именем

¹ Забелин, Материалы т. I, стр. 929.

² Забелин, История Москвы, стр. 593, 611.

³ Ст. Ор. П., №№ 17945, 18002.

⁴ Ст. Моск. Ст., № 956, л. 2677.

⁵ Грабарь И., История русского искусства, т. II, стр. 399.

каменных дел подмастерья. Часть их — простые техники, распорядители работ. Количественно — это наиболее значительная группа.

За ними идут подмастерья, выполнявшие более ответственную работу, ведшие самостоятельно постройку незначительных зданий или под руководством других производившие капитальный ремонт больших сооружений. Эта группа значительно меньшая.

Наконец, последнюю — незначительную — группу составляют исключительно талантливые люди, в роде Константинова или Осипа Старцева.

Типичными были, несомненно, две первые группы, третья — была исключением. Однако, и при количественном преобладании первой группы представляется возможным утверждать, что наши подмастерья каменных дел были не только помощниками других, но и творцами-строителями. Это были художники прочно связанные с бытовыми условиями Московского государства и этими бытовыми условиями ограниченные в смысле возможности дальнейшего своего роста и развития. Только наиболее способным из них удавалось порывать с прочными навыками старины, остальные, в силу особенностей своей подготовки, были хранителями заветов старинного московского зодчества и его техники. И эта же техническая консервативность, заставлявшая их отставать от возраставших государственных требований в строительном деле, вообще, и в военно-инженерном, в частности, подчиняла их мастеру-иноземцу, по отношению к которому русский мастер, за небольшими исключениями, в течение всего XVII в. являлся подмастерьем. ¹

III

Работой на постройках не исчерпывались, однако, служебные поручения, даваемые приказом каменных дел подмастерьям. Они были в постоянном распоряжении приказа, к которому

¹ Кроме знания строительного дела, некоторые из подмастерьев владели искусством резьбы по камню. Таким был, например, Иван Неверов, который в 131 г. 23 января был пожалован лазоревым настрафилем за то, что вместе с попом Жданом Абрамовым вырезал на гробнице царицы Марии Владимировны «наружные слова и покрыл золотом и поля навел лазоревую краскою» (Ст. Ор. П., №№ 36261, 36262). Подмастерье Кондратий Мымрин в одной из своих челобитных 1685 г. называет себя «приказу каменных дел подмастерье и резного дела мастер» (Ст. Ор. П., № 45936, л. 41). Резцы, как особая группа квалифицированных рабочих, приказа, отмечены росписью на выдачу жалованья 1616 г. (Ст. Ор. П., № 38358). Для конца века встретилось всего лишь одно упоминание о резце, приведенное выше. Возможно, что резьба по камню позднее поручалась не подмастерьям, а простым каменщикам. На то, что и каменщики занимались резьбой, указывает одна из записей 1682 г. о выдаче поденного корма записным каменщикам — «каменного дела резцам» — за то, что «чистили своду алебастрового гроба Господня» (Ст. Ор. П., № 20495).

другие учреждения и частные лица обращались по самым разнообразным вопросам, имевшим то или иное отношение к каменному строительству. И приказ к разрешению этих вопросов всегда привлекал подмастерьев. Поэтому мы часто видим подмастерьев в роли правительственных экспертов по всякого рода строительным делам.

Чаще всего это были дела судебные: по невыполнению подрядов по постройкам, по отписанию по суду на государя конфискуемых каменных зданий, по оценке каменных строений на продажу. Так, приказом неоднократно посылались подмастерья каменных дел в вотчину Шереметева—Уборы, где подрядчик Янко Бухвостов строил церковь. Эти подмастерья должны были произвести опись произведенным подрядчиком постройкам и дать заключение о возможности выполнения им данной на себя порядной записи при наличии «запасов», поставленных заказчиком.¹ При отписании в казну домов, принадлежащих князьям Голицыным, подмастерья были командированы для производства оценки, как это делалось и в ряде других случаев. При такого рода поручениях они были обязаны представить «за своими руками» ценовую роспись, которая и служила основанием для оценки этих зданий при продаже их по судебным приговорам или по распоряжению администрации за долги казне или частным лицам.²

Но иногда подмастерья, как казенные архитекторы, привлекались и просто для оценки работы, произведенной частным подрядчиком по заказу правительственных учреждений. Любопытный случай такого привлечения сохранился в делах конюшенного приказа. По поручению этого приказа частными подрядчиками была выстроена «казенная палата». Приказ решил проверить цену работы и вызвал в качестве экспертов целую комиссию из подмастерьев—Шарыгина, Калинина, Лыка, Королькова и Семенова, которые и оценили работу в 29 рублей.³ Но все эти подмастерья были, очевидно, рядовыми работниками, и для выяснения качества произведенной работы конюшенный приказ обратился к Ив. Кузнечнику, предложив ему дать ответ на вопрос: «На той палате свод и у той палаты крыльцо будут крепки ли и вперед прочны ли?» Кузнечник заверил, что работа выполнена добросовестно, и «поруки никакой не будет».⁴ Приходилось подмастерьям выполнять и всякие случайные служебные поручения приказа. Так, например, они иногда посылались для сыска и вербовки каменщиков по городам.⁵ Подмастерье Роман Неверов вместе с приставом был послан для отобрания у мячковских крестьян хлеба, который они скосили

¹ Ст. Ор. П., № 38201.

² Р. Д. о Ф. Ш., т. II, стр. 741—742, т. III стр. 709—712, ПДСЛ, 1659 г., № 29.

³ Ст. Ор. П., № 14659, л. 96.

⁴ Ст. Ор. П., № 14652, № 51.

⁵ Успенский, в. I, № 234; Ст. Ор. Пал., № 38201.

на земле Прокофья Соковнина, находившейся у них с ним «в споре», и т. п.¹ Но поручения такого характера не были типичными и, очевидно, не входили в круг прямых обязанностей подмастерья.

Число подмастерьев каменных дел, состоявших на жаловании в каменном приказе, известно только для 1616 г.

По росписи этого года в каменном приказе числилось 9 подмастерьев каменных дел и 2 резца по камню, оба позднее упоминающиеся в качестве подмастерьев каменных дел.² А. С. Уваров, а за ним В. Гамбурцев приводят известные им списки подмастерьев от 1616 и 1664 гг. В первом из этих списков их было указано 8 человек, во втором—всего 5.³ Возможно, что в приказе каменных дел не было строго установленного штата подмастерьев, и число их колебалось в зависимости от размера производившихся работ. Определенное известие об установлении этого штата относится уже к моменту ликвидации приказа, когда все его рабочие перешли в ведение приказа Большого дворца и когда многие из подмастерьев были отставлены,—«а велено быть указному числу». По этому указу 1700 года на жалованьи было оставлено всего два человека, а пять подмастерьев было уволено.⁴ Следовательно, в конце века число подмастерьев было 7 человек.

За свою работу подмастерья получали годовое жалованье, при чем размеры его не были одинаковы, но достаточно подробных сведений об этом нам документы не сохранили. Нам известна лишь одна «роспись» на выдачу жалованья квалифицированным рабочим приказа, присланная в 1616 году из приказа каменных дел «властем да боярину кн. Д. М. Пожарскому» и дьяку Семену Головачову. В указной памяти, присланной с росписью, сообщалось, что государь пожаловал: велел выдать подмастерьям и другим служащим приказа «на нынешний 124 год свое государево жалованье и запасы другую половину по их окладам». Эту роспись устанавливаются следующие оклады подмастерьев на 1615—1616 года.⁵

¹ ПДСЛ, 1659 г., № 10, л. 121.

² Ст. Ор. П., № 38358.

³ Уваров А. С., Сборник мелк. трудов, т. I, стр. 382, 385, М., 1910; Гамбурцев В., Архитекторская команда, стр. 4, 5, М., 1894. К сожалению, оба автора не указывают источников.

⁴ ПДСЛ, 1701 г., № 51. Есипов Г. В., Сборник выписок из архивных бумаг о Петре В., т. II, стр. 251, М., 1872.

⁵ Ст. Ор. П., № 38358. В 131 году в апреле было прислано из новой чети на жалованье «оброшникам» каменного приказа Ивашке Харитонову с товарищи 143 рубля 6 алт. 4 д., в том же году августа 5 «Великий Государь пожаловал каменного приказа оброчников подмастерий, и резцов, и подвязчиков, и кирпичных сараев и избных сторожей Ивашка Харитонова с товарищи 23 человек», велел добавить жалованье в сумме 134 руб. 17 алт. 3 д. (Ст. Ор. П., №№ 39952 и 39973). Ивашка Харитонов был подмастерьем приказа. Что значит термин «оброчники»—неясно. В документах позднейшего времени он больше не встречается.

Группы	Число подмастерьев	Число резцов	Денег	Хлеб и запасы					
				Рожь	Овес	Кру-пы	Го-рох	Мясо в полтях	Соль в пудах
				в четвертях					
1-я	4	—	9 р.	12	12	2	2	7	6
2-я	2	—	8 »	11	11	2	2	7	6
3-я	2	2	6 »	10	10	1½	1½	5	5
4-я	1	—	6 »	10	10	1½	1½	3	3
Всего	9	2	29 »	43	43	7	7	22	20

В 1626 г. «Баженку Огурцову было дано денежного жалованья 9 рублей, да за хлеб и за запасы деньгами 16 руб. 22 алт. 2 д.». Всего, следовательно, 25 руб. 22 алт. 2 д.¹ Почти в то же время Обросимко Максимов получал по 5 рублей в год, «да за хлеб и запасы деньгами по 13 руб. по 10 д.»² В 1672 году Димитрий Старцев получает по окладу 6 руб., да хлебного жалованья «6 чети ржи, овса тожь, 3 полтя мяса, 3 пуда соли». За все эти запасы ему выдано тоже деньгами 6 рублей, всего, следовательно, 12 руб.³

Разнообразные по своим размерам, эти оклады не были и неподвижными. Сохранился ряд сведений об увеличении их в связи с успешным выполнением подмастерьями той или другой работы. В 1634 г. Баженко Огурцов к приведенному выше окладу получил вместе с Трефилом Шарутиным прибавку в 3 руб. «и хлеба против денег» за работу «у дворцовых у новых каменных палат».⁴ В этом же году было прибавлено 4 руб. «к старому окладу» Обросимке Максиму и хлеба «против денег» за работу в церкви Казанской божьей матери в селе Коломенском и у «всходной лесницы» в приказе Большого дворца. Точно так же увеличено жалованье на 3 руб. подмастерью Петру Галактионову, который принимал участие в постройке каменных сараев «на пушкарском дворе литейного дела».⁵ Димитрий Старцев, после назначения его на место Анцина, подал челобитную о повышении оклада, и последний был увеличен ровно в два раза: «Велено давать по 24 рубли погодно и за хлеб, а корму (т.-е. поденных денег) против

¹ Можайские акты, стр. 128.

² Ст. Ор. П., № 2947, лл. 97 и 102.

³ ПДСЛ, 1670 г., № 109, л. 264.

⁴ Ст. Ор. П., № 3332, л.

⁵ Ст. Ор. П., № 3333, л. 1.

прежнего государева указа».¹ Оклады соответствовали квалификации каждого подмастерья и постепенно увеличивались, не достигая все же значительных размеров. Установление однообразных размеров жалованья произошло лишь в самом конце XVII в., очевидно, одновременно с ликвидацией приказа каменных дел и установлением отмеченного выше «указного числа» подмастерьев. Один из них, некоторое время спустя, подал челобитную, в которой указывал, что подмастерьям полагается оклад в 25 рублей, и просил его выдать. В составленной по этому поводу выписке приказ Большого Дворца сообщал, что при «разборе» подмастерьев, в связи с ликвидацией приказа каменных дел и оклады им были учинены «вновь». Содержание челобитной позволяет догадываться, что таким новым окладом было 15 руб. Резкое снижение, произведенное в 1701 году, очевидно, не было возможным, и было приказано выдать старые оклады в 25 рублей, как пожалование за то, что подмастерья в военное время «были в своем мастерстве и во всяком опасении прилежны и осторожны».²

Кроме годовых окладов, подмастерья получали поденный корм за то время, когда они были на работе. В некоторых случаях эти поденные деньги даются им наравне с каменщиками по 8 денег, но чаще в размере 10 денег. Смирный Иван в последнем размере получает корм за работу в Новгородской чети;³ Димитрий Старцев, прося о прибавке, говорил, что подмастерья получают корм от 10 д. до 2 алтын.⁴ В 1666 году такой поденный корм получил А. Корольков.⁵ Два алтына были, повидимому, обычной платой в начале XVIII в.⁶ Но были и исключения. В Смоленске, например, в 1694 году подмастерье получал «по гривне на день».⁷ Корм выдавался иногда за все время, включая и дни, когда работа не производилась, но иногда давалось распоряжение за нерабочие дни корм не выдавать. Иван Неверов в свою смету внес на корм подмастерью на месяц «полдва рубли»,⁸ т.-е. по 10 денег за 30 дней. Но в Архангельск в 1670 году было послано распоряжение прекратить выдачу денег и каменщикам и подмастерьям, «как в мороз каменное дело перестанет».⁹ При постройке Богородицкой церкви в Курске корм выдавался по 8 денег, при чем игумену было предписано, «в которые дни подмастерья и ожигальщики и каменщики у каменного дела не будут, и их...

¹ ПДСЛ, 1670 г., №№ 109, 264.

² ПДСЛ, 1701 г., № 51.

³ РИБ, т. XXVIII, стр. 252, 234.

⁴ ПДСЛ, 1670 г., № 109, л. 264.

⁵ Ст. Ор. П., № 10480, л. 2. В. 178 г. он тоже получает по 2 р. (Ст. Ор. П., № 12469).

⁶ ПДСЛ, 1703 г., № 46.

⁷ ПДСЛ, 1694 г., № 264, лл. 14—16.

⁸ Ст. Ор. П. № 2947, л. 6.

⁹ ПДСЛ, 1670 г., № 109.

кормить в монастыре в трапезе... тово монастыря с пострижники вместе». ¹ Если принять средний оклад подмастерья в 12 рублей (оклад Старцева) и среднюю поденную плату в 10 денег, мы получим месячный размер жалования в рабочее время для подмастерьев всего в 2½ рубля.

При отправке на работу подмастерья получали, кроме того, подъемные деньги и подводы. Подвод полагалось две, а денег—от 2 до 3 р. От Москвы до Курска подмастерью было дано подъемных денег 3 рубля. ² Старцев, работавший в Архангельске, получал самую обычную сумму прогонов—2 р. и 3 р., ³ но однажды он получил и 5 рублей. Подмастерья, командированные в 1694 г. в Смоленск, получили подъемных денег по 1 р. 16 алт. 4 д., а кроме того им было выдано 5 четей муки и 2 чети ячменя. ⁴ Не многим ранее подмастерье Алексей Корольков, а за ним Иван Калинин, отправленные туда же, получили подъемных денег по 1 рублю, а последний, кроме того, 1 четверть ржи и 1 четверть сухарей. ⁵

Этим и исчерпывался нормальный казенный заработок подмастерьев. Но в исключительных случаях они получали единовременные пожалования в денежной форме или сукнами. Так, Осипу Старцеву в 1696 г. выдано было «в приказ великого государя денежного жалования 5 руб.» и обычные прогоны». ⁶

В 1644 г. ряд подмастерьев—Обросимко Максимов, Трефил Шарутин, Петр Галактионов—за отдельные работы были пожалованы сукнами венецейскими и тафтой. В 1679 г. «в приказ» был пожалован сукном за городовое дело в Китае-городе Федор Григорьев. Получали «пожалования» в той или другой форме подмастерья и от других лиц, у которых они вели работу. Патриарх Никон приказал выдать подмастерью Аверкию Мокееву, производившему постройку церкви Преображения в Воскресенском монастыре, 3 рубля. А подмастерья Ивашку Степанова, производившего ремонтные работы в Девичьем монастыре, игуменья Варсонофия «на отходе с дела» благословила образом Вознесения неокладным. ⁷

Но как оклады, так и единовременные пожалования, по видимому, не обеспечивали в достаточной мере подмастерьев, и в начале и в конце века мы их часто видим в качестве предпринимателей-подрядчиков, при чем их предпринимательство иногда ведется независимо от работы приказа каменных дел, иногда же связывается с тем самым казенным делом, которое им поручалось. Обросимко Максимов, например, производя постройку в Жолтиковом монастыре, подряжается за плату,

¹ Ст. Бел. Ст., № 388, л. 57.

² Ст. Бел. Ст., № 358, л. 23, 53—53.

³ ПДСЛ. 1670 г., № 109, л. 532.

⁴ ПДСЛ, 1694 г., № 267, л. 16.

⁵ Ст. Смол. Прик., 1673 г., № 19а.

⁶ Ст. Разн. Ст., № 139, л. 481.

⁷ Забелин, Материалы, т. 1, стр. 315.

вместе с обжигальщиком, заготовить необходимое количество глины к кирпичным сараям.¹ В 1638 г. для производства ряда поделок был послан в Сибирский приказ из приказа каменных дел подмастерье Потапко Ушаков. За работу он получил, как обычно, поденный корм. Но затем он же взялся там поставить печь: «февраля в 20-й день, с доклада дьяков Никифора Шипулина да Мирона Патрикеева, по уговору целовальников Фетьки Федоровича да Ивашки Иванова». За эту печь подмастерье получил «найму» за все: «за кирпич, и за глину, и за связи 4 рубли с полтиной». ² Устюжская четверть в 1669 г. обратилась в приказ каменных дел с просьбой прислать материалы и мастеров для постройки казенки по смете, составленной подмастерьем каменного приказа Иваном Калининным. Ответа приказа не сохранилось, но в делах Устюжской чети имеется запись: «Каменных дел подмастерью Василию Петрову от дела тое казенки и с работники, по уговору, 3 рубля с полтиной. Дать деньги». ³ Осип Старцев ведет крупные подряды и является инициатором перехода на подрядный способ в деле возведения всех казенных построек. Он же является поставщиком ценных образцов «к домовому каменному строению» у митрополита Сарского и Подонского.⁴ Максимко Апсин, состоявший в подмастерьях приказа каменных дел, в мае 1673 г., независимо от приказа, ведет подрядную работу по постройке церкви «на дворе князя Михаила Яковлевича Черкасского». ⁵ Повидимому, иногда эти подряды были основной работой подмастерья, так как подряды (напр., Осипа Старцева) были на очень значительные суммы. ⁶

Так правительственный мастер-архитектор, по терминам XVII в.—подмастерье каменных дел, начал превращаться в подрядчика-предпринимателя, конкурируя с частным подрядчиком, который с середины XVII в. начал успешно захватывать в свои руки все каменностроительное дело. Экономическая обстановка изменилась, и в этих новых условиях переставала себя оправдывать та система организации каменностроительного дела, которая необходима была в условиях конца XVI и первой половины XVII вв.

Но иногда мы видим подмастерьев каменных дел занимающихся подрядами, далекими от их прямой специальности.

¹ Ст. Ор. П., № 2947.

² Ст. Сиб. Ст., № 72, л. 450.

³ ПДСЛ, 1669 г., № 322, лл. 1, 5.

⁴ Ст. Пр. Ст., № 1638.

⁵ Ст. Бел. Ст., № 768, л. 173.

⁶ Любопытно, что у подмастерьев были рабочие их ученики. Давая показания по одному судебному делу о каменщике Артемье Данилове, подмастерье Максим Апсин сказал: «И каменному делу он у него, Максимки, учился в Нижегородском уезде, в Макарьевском монастыре». Данилов работал каменщиком на подрядах Апсина (Ст. Бел. Ст., № 768, лл. 177, 173).

В 1678 г. 17 января нижегородские посадские люди Иван Пирожников и Иван Аристов с подьячим Зоткой Никитиным обратились в Нижегородскую четь с челобитной, в которой писали: «В прошлом де во 185 году марта в 16-й день подрядился у них в Нижнем Новгороде москвитин, каменных дел подмастерье Тимошка Семенов, поставить на Москве четверикового вяземского хлеба их повытья... 60 четвертей ржи и сухарей пополам... в государевы... житницы». Хлеба ответчик не поставил, а челобитчиков «волочат и убытчат безпрестанно». Просят допросить Семенова, так как он живет на Москве «и приходит в приказ каменных дел для своих дел». ¹

Источники почти не оставили нам указаний на то, из какой среды вербовались эти подмастерья. Выше был указан один из источников пополнения их рядов—московские записные каменщики. Но не была, конечно, исключена возможность и для посадского записного рабочего стать подмастерьем. Так, повидимому, из простых старицких каменщиков вышел каменных дел подмастерье Друганко Дикарев. В 1627 г. ему, тогда еще рядовому каменщику, было поручено организовать заготовку извести при постройках в Твери, а в 1632 г. он уже в качестве подмастерья едет в Кострому для сыска и высылки на работу каменщиков Ипатьевского монастыря. ²

Но едва ли не большую роль в деле пополнения штата подмастерьев играла передача этого звания по наследству. На это как будто указывает значительное число их с одинаковыми фамилиями и наличие подмастерьев-братьев. В составе подмастерьев мы видим Ушакова Михаила, Ушакова Лариона Михайловича, Шарутиных Марка и Трефила, братьев Костусовых, братьев Старцевых—Димитрия и Осипа. Сын последнего в одном из документов назван подрядчиком каменного дела, а в другом—подмастерьем. ³ Повидимому, одним из путей приобретения архитектурных знаний была выучка своих детей отцами-архитекторами. ⁴

Наконец, таким же источником являлись и «вольные» подмастерья—подрядчики каменного дела. Таким первоначально был, например, несомненно выделявшийся среди других, подмастерье приказа Д. Л. Охлебинин. В 1643 г. в приходо-расходную книгу патриаршего приказа был занесен следующий расход: «Кадашевцу каменных дел подмастерью Давидку Львову с. Охлебинину, что ему делать на патриархове дворе:

¹ ПДСЛ, 1678 г., № 19, лл. 1—2.

² Ст. Оп. П., № 1196; Успенский, Столбцы Оруж. палаты, т. II, стр. 169—171. Акты Нижегородского Печерского монастыря, стр. 92—93.

³ См. список подмастерьев каменных дел в приложении.

⁴ Такое явление мы наблюдаем и в отношении других профессий. Напр., в 1696 г. 19 мая подал челобитную деревянного дела мастер Герасим Филатов. Он сообщает, что «ныне... он устарел и обезножел», и просит назначить на свое место его сына, который «тому резному деревянному делу выучен» (Ст. Оп. П., № 32280).

разобрать сени и Крестовая, и Золотая, и Казенная и Проходная палата, что перед Казенною, до подошвы, а сделать на-ново по досмотру и по смете подмастерья Антипа Константинова, по уговору на каменное дело первых задаточных денег 100 рублей дано». Здесь Охлебинин выступает как частный подрядчик, работающий под руководством казенного архитектора, а позднее мы его видим среди приказных подмастерьев.¹

В столбцах Смоленского приказа сохранились два указания на место поселения в Москве подмастерьев. На присланной из приказа каменных дел памяти о командировке в 1674 г. в Смоленск подмастерья Ивана Калинина подьячий Смоленского приказа записал адрес: «двор его, Ивашков, в Тетериной Слободе, в приходе Симеона Столпника». А на другой такой же памяти указывается, что Тетерина слобода была местом жительства большинства подмастерьев: «Двор ево за Яузою в Тетерине слободе, где живут подмастерья».²

IV

Рядом с подмастерьями на работе мы всегда видим так называемого «подвязчика» или, по терминологии одного документа, «подвязного дела мастера».³ Его обязанностью было руководство возведением на постройках деревянных лесов и затем разборка их. Работу эту подвязчики выполняли, повидимому, совершенно самостоятельно, без непосредственного вмешательства в нее каменных дел подмастерьев.

Требовались иногда подвязчики для выполнения работ по своей специальности и в других случаях. Например, подвязчик Митька Алексеев в Успенском соборе «подвязывал» лес и «спушал» церковный крест для его исправления.⁴ В 1624 г. подвязчик устанавливал «подвязи» в разряде «для отбелу стен». В 1644 г. двое подвязчиков делают подвязи в Ризположенской церкви «для стенного письма». Иногда подвязчики приглашались и для производства работ, связанных с приготовлениями к торжественным богослужениям. Подвязчик Сенька Сергеев, напр., был вызван в Успенский собор для расстановки свеч к Успенъеву дню на таблях иконостаса «перед праздники, перед пророки, перед праотцы»... Только в одном случае нам встретилась работа подвязчика собственно строительного характера: подвязчик Алексей Новгородец в 1620 г. в церкви Сретения, что на Сенях, делал деревянные связи «для крепости».⁵

¹ Забелин, Материалы, т. I, стр. 298; Ст. Ор. П., №№ 5805, 8729.

² Ст. Смол. Пр., 1673 г., № 19-а.

³ Викторov, Описание, т. II, стр. 402.

⁴ Забелин, Материалы, т. I, стр. 19—20.

⁵ Успенский, Столбцы Оруж. палаты, в. II, № 498.

Для производства всех этих работ в распоряжение подвязчика давались плотники и ярыжные люди, которые в одном документе так и названы: «ярыжные подвязного дела».¹

Относительно количества подвязчиков, бывших на жалованьи у приказа каменных дел, мы имеем сведения только для 1615—1616 гг. и для 1700 г. В 1615—16 гг. число их и оклады были следующие:

Число	Деньгами руб.	Хлеб и запасы					
		ржи	овса	кру- пы	горо- ха	мяса в полтях	соли в пудах
1	9	12	12	2	2	7	6
1	5	10	10	1	1	3	3
3	4	8	8	1	1	3	3
5	18	30	30	5	5	13	12

В 1700 г. подвязчиков было 11 человек, из которых только два вошли в штат приказа Большого дворца при ликвидации каменного приказа, а 9 были отставлены.²

Подъемные деньги и поденный корм подвязчики получали в размерах одинаковых или несколько меньших по сравнению с подмастерьями. В челобитной одного из подвязчиков, отправлявшегося в Архангельск, указывается, что подъемных денег им—подвязчикам—давалось по два и по полтора рубля. Эту последнюю сумму мы и встречаем в большинстве случаев.³ Поденных денег подвязчикам выдается по 8 денег до 30-х годов XVII в., с этого же времени нормой становится 10 денег.⁴ В двух случаях только встретилось нам увеличение поденного корма и оба раза с соответствующей оговоркой: в 1642—43 гг. подвязчик, производивший работу в Успенском соборе, подал челобитную о выдаче ему поденного корма «против каменщиков и левкащиков», получавших по два алтына, ссылаясь на то, что «подвязное дело верховое», и что он работает «у того дела безотступно». Прибавка была разрешена, но с указанием на

¹ Викторov, Описание, т. II, стр. 413. «Ярыжным подвязного дела: мостили подвязные полати и мостили люльки, на чем стены левкасить и писать».

² Ст. Ор. П., № 38358; Есипов Г. В., Сборник выписок из Арх. бум. о Петре В., т. II, стр. 251, М., 1872.

³ ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 539, 532.

⁴ РИБ, т. XXVIII, стр. 552; Забелин, Материалы, т. I, стр. 6, 19, 20, 21—23.

то, что «впредь ему то не в образец». ¹ Ту же сумму—два алтына—получили подвязчики при работах в Успенском соборе в 1675 г., повидимому также после соответствующего челобитья. Сначала они получали по 10 денег, затем им дано было денежное пожалование в размере полтины «для их бедности и многие работы», а в следующие дни они получают корм в два алтына. ²

Были случаи и пожалования подвязчикам «сукна доброго». Один раз за учинение государю в деле прибыли, а другой—вместе с иконописцами «первые статьи»—за работу в монастыре Саввы Сторожевского в ноябре 1650 г. ³

Как и каменных дел подмастерья, подвязчики, помимо непосредственной работы по поручениям приказа каменных дел, занимались и подрядами. В 1684 году в июле великий государь указал «починить Спасской церкви на алтарях кровлю, которая крыта белым железом». Дворцовый подвязчик Васька Прокофьев составил смету на 2 р. 13 алт. 2 д. и починил кровлю «своим железом и припасом». ⁴ Но других указаний документов на подрядную и торговую деятельность подвязчиков нам не встретилось.

V

Следующим разрядом рабочих высокой квалификации, работавших в приказе каменных дел, были обжигальщики. Они являлись организаторами и руководителями всей работы по выделке кирпича на казенных кирпичных заводах.

Этот разряд квалифицированных рабочих находился в лучших условиях, чем подмастерья каменных дел и подвязчики. Так же, как и эти, они получали постоянное жалованье, разделяясь по квалификации на группы, получавшие «большой оклад», средний и меньший. В 1673 г. было велено выписать: «почему даетца на год по их (обжигальщиков) окладам большие и середние, и меншие статьи?» Приказ ответил, что в предыдущем году «Даниловских и Хамовницких, и новых полевых сараев обжигальщиком по окладу и за хлеб деньгами дано: Иванку Моисееву 20 руб., Иванку Кобылину 18 руб., Софонку Калининну и Иванку Васильеву по 15 руб., Ондрюшке Дронову, Маркушке Матвееву, Куземке Овдокимову, Борису Кольцову по 12 рублев человеку. А как они кирпич обжигают, и им дают государева жалованья за их обжигальную работу от

¹ Успенский, Столбцы Оружейной палаты, в. II, стр. 498. В 176 г. подвязчик получает сначала по 10 денег и затем за 3 дня по 2 алтына. Ст. Ор. П. № 11301, л. 5.

² Ст. Ор. П., № 15566, лл. 1, 2, 4.

³ Успенский, там же; Ст. Ор. П., № 4058; см. также №№ 11484, 12107.

⁴ Ст. Ор. П., № 22451, лл. 1—2.

печи по полтине, а поденного корму им oprичь того не дают». ¹ Последнее верно только по отношению к работе собственно по обжиганию кирпича, в случаях же командировок в провинцию только для организации кирпичного производства на месте производимых приказом построек они получали поденный корм на общих основаниях. Обжигальщик, посланный в Курск, поденного корма не получал, но его товарищ, командированный в Рузу для «дровяной высылки» за время командировки, получал наравне с кирпичниками, по 8 денег на день. ² Повидимому, кормовые деньги обжигальщики получали в тех случаях, когда они вели только подготовительную работу и, следовательно, были лишены той «полтины», какая причиталась им от каждой печи готового кирпича.

Как видим, это был наиболее высоко оплачиваемый разряд рабочих приказа. Повидимому, большая часть обжигальщиков отличалась зажиточностью, и документы неоднократно отмечают участие их в качестве подрядчиков на казенных работах. Например, для строившейся в 1669 г. казенки Устюжской четверти отпущенные приказом каменных дел строительные запасы подрядился доставить обжигальщик Хамовнических сараев Сафонка Фомин: «просил провозу от кирпичу по 30 алтын от 1 000, от извести и от песку по 6 денег от возу. А кирпич имать из Хамовницких сараев, а известь в Китае-городе у Москворецких ворот, у старой важни, а песок с Москвы реки, где сподручнее». ³ Вместе с подмастерьем другой обжигальщик берет подряд на заготовку глины к кирпичным сараям в Твери. ⁴

Так же часто мы видим обжигальщиков в качестве подрядчиков частных лиц. В 1694 г. «били челом патриарху приказу Большого дворца подъячий.... да полевых сараев обжигальщик Леонтий Полуниин» в том, что в 196 г. подъячий того же Большого дворца Алексей Максимов завещал церкви Николая Чудотворца 200 рублей «на помин души». Священник этой церкви деньги стдал обжигальщику с тем, чтобы последний «за те деньги, когда будет надобно, к церковному каменному строению всякие каменные и деревянные припасы» поставил. ⁵ Тот же Полуниин взял крупный подряд на заготовку кирпича к городской и церковной поделке в Смоленске, при чем непосредственно руководил работой не он сам, а зависевший от него подрядчик более мелкого калибра. ⁶

Обладавшие более или менее крупными денежными средствами, обжигальщики могли сравнительно широко развешивать и торговую деятельность. У одного из них, напр., было, повидимому, большое лесное торговое дело: «становые лесные

¹ ПДСЛ, 1673 г., № 102.

² Ст. Белг. Ст., № 358, лл. 51, 52; ПДСЛ, 1670 г., № 488.

³ ПДСЛ, 1669 г., № 332, л. 4.

⁴ Ст. Ор. П., № 2947, лл. 145—146.

⁵ Забелин, Материалы, т. I, стр. 414—415.

⁶ Кн. Смол. Прик., № 33, лл. 154 об.—155.

места», что «под Алексеевскою башнею в Лесном ряду». ¹ Поэтому понятно и наличие «во дворах» обжигальщиков значительного количества рабочих людей, обслуживавших хозяйские торговые и промышленные предприятия. В ноябре 1683 г. обжигальщик новых полевых сараев Семен Жемчужников подал челобитную на кадашевца Ивана Михайлова: «в прошлом, государь, во 191 году генваря в 17 день по договорной полюбовной записи женился у меня, холопа вашего, на урочные годы кадашевец Ивашка Михайлов на девке на Ориньце, Григорьевой дочери. А по договору, по той записи жить было ему з женою своею 5 лет, и всякая домашняя работа работать, и меня, холопа вашего и женишку мою, и детей во всем слушать». Михайло выполнял всякие поручения, связанные с подрядной деятельностью обжигальщика, но в ноябре месяце, получивши однажды «в вечеру» на каменную и дровяную покупку 30 рублей денег, ушел без ведома хозяина «часа за два до свету» и скрылся. Подговорил бежать и свою жену, «покрадчи животов» хозяина. «И с тем моим краденным животом тое Оринку поймав, наемные мои люди,—сообщал челобитчик,—привели ко мне на двор в полевые сараи». ² Эта бытовая картинка рисует нам двор зажиточного торгового человека, с значительным количеством рабочего люда, находившегося в личной зависимости от хозяина-дворовладельца или работавшего у него по найму.

В 80-х годах служебное положение обжигальщиков изменилось. Развитие рынка, большое предложение рабочей силы, стягивавшейся в Москву из деревень и сел, побудило правительство попытаться организовать работу в кирпичных сараях на новых условиях: «Во 189 г., по указу... Федора Алексеича... те сараи отданы на подряд им же, обжигальщикам, впредь на 5 лет без перекупки. И те сараи починить, и глина, и песок, и вода возить, и кирпич делать и обжигать им, подрядчиком, своими дровами и работниками». Цена была установлена по 1 руб. 10 алт. от 1 000 кирпичей. Повидимому, лишение жалования и низкая расценка заставили обжигальщиков настойчиво добиваться возвращения к старым порядкам. За годы подряда за ними накопилась довольно большая недоимка: «Хамовницких сараев на обжигальщиках Меркуле Матвееве, на Иване Кобылине, на Семене Сафонове кирпичного половья и щebeneи 3 сажени по счетуному списку 191 г. Хамовные слободы на кирпичном подрядчике на Никите Елифанове, за недоделочный кирпич, за уплатою и за дворовою продажею поручника его Меркула Матвеева 179 100 кирпичей, а деньгами 268 р. 21 алт. Порукою по нем Хамовницких сараев обжигальщик Меркул Матвеев». Это — остаток недоимки, не полученный приказом до самой его ликвидации. ³

¹ Ст. Ор. П., № 51287.

² Ст. Ор. П., № 45897.

³ Ст. Ор. П., № 21620, л. 2; Виктор о в, Описание, т. II, стр. 545.

Вербовались обжигальщики из записных кирпичников посадов. Возбуждая ходатайство об установлении им вновь жалования в 1683 г., обжигальщики писали: «в прошлых де годах по указу... Михаила Федоровича... и... Алексея Михайловича... деды и отцы их взяты из городов к Москве от промыслов х кирпичному делу в обжигальщики. И, будучи в обжигальщиках, посланы деды и отцы и они х кирпичному делу в Смоленск и к городу Архангельскому и в иные города». ¹

Как и все записные рабочие, обжигальщики пользовались всеми налоговыми льготами, при чем это не раз подтверждалось царскими грамотами. Последний раз такое подтверждение имело место в 1697 г., когда по их челобитным «дворовые их и огородные земли, на которых они жили близ сараев на государеве земле, за многие их службы» велено было обелить в подтверждение прежней грамоты 7157 г. По этой грамоте всем обжигальщикам были выданы «данные» грамоты—«почему им и женам их, и детям, и внучатам владеть». ²

Освобожденные от налоговых тягот, связанные с казенными подрядами и получавшие значительное жалование обжигальщики и после ликвидации приказа каменных дел встречаются в документах как «кирпичные промышленники», владеющие значительными предприятиями. ³

VI

Особое место среди лиц, подчиненных приказу каменных дел, занимают «каменные ломщики» — крестьяне Мячковской волости.

Как приходилось уже говорить, эта волость, вероятно с момента организации приказа каменных дел, была передана в его распоряжение; выше также отмечалось, что в первые годы после смуты «угодья», принадлежавшие мячковским крестьянам, были расширены, и тем было обеспечено выполнение возложенных на волость специальных повинностей.

Повинности эти в общей форме определены были в жалованной грамоте следующим образом: мячковские крестьяне с находившихся в их владении пустошей «всякое... тягло тянут, камень ломают и известные печи жгут, и всякие каменные запасы ко всяким нашим делам пасут». ⁴ Но заготовки указанных «запасов» ложились не на всю волость, а, судя по отдельным документам, только на села Верхнее и Нижнее Мячково, Зеленую Слободу, село Колычово и дер. Тураево. ⁵

¹ Ст. Ор. П. № 21620, л. 3.

² Кам. Прик., кн. 1-я, лл. 25—26.

³ Забелин, Материалы, т. II, стр. 741.

⁴ ПДСЛ, 1659 г., № 10, л. 74.

⁵ Перен. книги, № 9809, л. 53, 58 об.; ПДСЛ, 1659 г., № 10; Ст. Ор. П., № 6042, л. 4.

Жившие в той же волости вместе с «каменными ломщиками» дворцовые рыболовы и крестьяне «ловчего пути»¹ несли другие службы по дворцовому хозяйству.

Для первых десятилетий XVII в. количественный состав крестьянского населения Мячковской волости, подчиненного приказу каменных дел, нам неизвестен; неполными сведениями располагаем мы и для середины века, когда была произведена перепись всех подмосковных дворцовых волостей. В селе Верхнем Мячкове по этой переписи (1645—1646 г.) значилось дворов каменщиков, которые «ломают белый камень и к Москве возят, а тягла никакого не тянут» всего 29 дворов, да в деревне Тураеве писец переписал 11 дворов. Но ломщики жили, очевидно, и в других деревнях, тянувших к Верхнему Мячкову, потому что в общем итоге показано их несколько больше, — а всего «в селе Верхнем Мячкове и в деревнях 52 двора каменщиков, людей в них 105 человек, 3 двора бобыльских, людей в них 5 человек, кормятца меж тех же каменщиков работою, да на церковной земле 5 дворов бобыльских, людей в них 6 человек».² Сведения эти не охватывают всех ломщиков приказа, потому что перепись не захватила Нижнего Мяčkова, с. Колычова и с. Зеленой Слободы с тянувшими к ним деревнями, крестьяне которых также были обязаны поставкой строительных материалов в каменный приказ. Общая цифра крестьянских дворов волости, доставлявших известное число белого камня и бочек извести для конца века была гораздо значительнее. В выписке, представленной приказом каменных дел в приказ Большого дворца, значилось: «в Мячковской волости—по переписным книгам 189 года—251 дворов крестьянских», а кроме того в селе Мячкове и в других деревнях было 29 дворов рыбных ловцов.³ На основании этих неполных сведений мы можем только предполагать, что населенность зависевших от приказа сел и деревень Мячковской волости была довольно высока, и, следовательно, находившаяся в его распоряжении рабочая сила, необходимая для организации работ по добыванию белого камня и переработке его в известь, была значительной.

Количество оброка, который мячковские крестьяне-каменщики должны были поставлять приказу, определялось, по видимому, качеством и количеством угодий. Когда возникло судебное дело между Мячковской волостью и П. Ф. Соковниным о пустошах, крестьяне, доказывая свое право на одну из них, писали: «И мы, государь, с тое пустоши тянем твоего государева тягла и даем мы с тое пустоши ежегодно 1 200 камней».⁴

¹ Перепись 154 г. была произведена «в дворцовых в подмосковных и замосковских волостях, и в ловецких рыбацких, и ловчего пути, и каменной ломки в селах и деревнях», Переп. книги, № 9809, л. 18.

² Переп. Книги, № 9809, л. 58 об.

³ Е с и п о в Г. В. Сбор. вып. из арх. бум. о Петре В., т. II, стр. 191, 183, М., 1872.

⁴ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 57—58.

Общее количество оброчных камней и извести, заготавливаемых мячковскими крестьянами в год, переписными книгами известно круху, 1 162 лещеди аршинных, 2 324 ступенных (каменей) на год».¹

Крестьянство Мячковской волости по своему составу, конечно, не было однородным, и для малоимущей его части заготовки этого оброка были нелегким делом, влиявшим на состояние и собственное их крестьянское хозяйство. Возбудив дело против дьяка Максима Чиркова, захватившего ряд пустошей в волости, крестьяне жаловались на то, что вследствие судебной волокиты и заготовки оброчного камня они «помирают голодною смертию». «А за нами, сиротами твоими, — писали они в мае 1647 г., — твоя, государева, большая работа: камень на берег возим и лещеди. А у которых у нашей братьи нет готовова камня, и те во рвы ходят и камень и лещеди ломают безпрестанно. И по се число у нас, сирот твоих, пашнишка не пахана и не сеена. А он, Максим, изждав деловой поры, на нас... изщет».²

В самую работу по заготовке извести и камня приказ каменных дел, повидимому, совершенно не вмешивался, да и крестьяне считали, что принадлежавшие волости угодья должны находиться в их полном распоряжении: «Земля твоя, государева, — писали они в одном из своих челобитий, — а лесом и всякими угодьями мы, сироты твои, пожалованы».³ Весь

¹ Есипов. Указ. соч., т. II, стр. 191.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 80.

³ Там же, л. 2. Не лишен интереса один эпизод, связанный с поставкой мячковскими крестьянами запасов. В 1633 г. была разрешена продажа части дворцовых земель. Дьяк Максим Чирков подал челобитную о продаже ему пустошей Островской волости, при чем к проданным ему пустошам обманном, по уверениям крестьян, образом были примежованы и земли мячковских крестьян. Когда Чирков предъявил свои права на эти земли, мячковские крестьяне «многие люди, подвод с 50 и больше», собрались, изломали изгороди и вспахали землю. Чирков начал в приказе каменных дел судебный процесс. Управлявший в это время приказом окольниковый П. Ф. Соковнин принял сторону крестьян и их «в суду правил». Но Чирков скоро умер, а Соковнин женился на его вдове, взяв в приданое и спорные земли. Став владельцем мячковских земель, он «теми... пустоши и лесы и всякое угодье завладел... насилством, неведомо почему». Крестьяне опять возбудили дело, и так как оно теперь было передано из каменного приказа в ямской, то создалась угроза окончания его не в пользу крестьян. В подкрепление своей просьбы крестьяне устроили своеобразную забастовку: они заготовили печи и заложили в них камень для переработки в известь, но печей не жгли, указывая на то, что у них нет леса, которым завладел Соковнин: «В нынешнем, государь, во 166 г. (декабрь) стоим мы, сироты твои, на правеже в печном зженье, а печи у нас, сирот твоих, складены, а жечь тех печей нечем». Повидимому, это происходило после того, как крестьянам было учинено жестокое наказание: было указано «на пустоши Фуникове бить их батоги». Но когда они «и того указу не послушали», то велено было их «у каменнова приказу бить кнутом и сослати в Сибирь». Волость, однако, не сдавалась, и дело продолжалось еще в 171 году. ПДСЛ, 1659 г., № 10, и 1663 г., № 159.

внутренний распорядок работы по заготовке запасов и по доставке их в Москву устанавливался сельскими старостами, как это было и повсюду. К старостам, в случае необходимости, обращался и приказ каменных дел для получения сведений о ходе работ и о количестве имеющихся на месте строительных материалов. Такое показание давал в августе 1658 г. староста с Зеленой Слободы: «Нынешнего де лета у них в селе Зеленом и в Верхнем и в Нижнем Мячкове и в Колычове селах вызжено... извести по одной печи. А из печи выходило извести бочек по 400 и по 500...». «Ныне завели вновь печь в селе Колычове. И та де печь поспеет недели в две, будет станут спешить. А ныне де в Мячковской волости нынешнево лета, опроче, извести не будет, печь будет неколи...». «А велено де им ис Каменного приказу в селе извести зжечь по печи...». Относительно белого камня тот же староста показал: «А камению де у них в Зеленой Слободе лещедново с 80, а всякого камению аршинного и трехпядного и полуаршиново с 800...». «А в тех де селах всяково камению будет тож сот по осми...». Но не многим ранее он отказался дать сведения о Нижнем Мячкове: «А сколько извести есть, того не ведает, то де ведает староста их». ¹

На старосту же падала работа по разверстке между крестьянами повинности доставки материалов из Мячкова в Москву. Камень доставлялся, повидимому, чаще всего водой («камень на берег возили»), негашеная известь — подводами («летним и зимним путем»). Разверстывалась доставка по дворам без всякого учета «силы» отдельного хозяйства: «А розвытка де то, чтоб все вывезли поровну, чтоб друг перед другом в истесненье не были. А которово де крестьянина клячонки худы, и они де наймуют у своей братьи, чтоб им вывезть против своей братьи, против указа».

Высылаемые волостью обозы состояли из нескольких десятков подвод: 29 июня 1658 г., напр., были высланы 20 подвод с известью, на следующий день — 23 подводы.

Кроме выполнения оброка, крестьяне Мячковской волости часто командировались приказом каменных дел и на место производства работ для организации там заготовки белого камня и извести. Присланный ломщик, вместе с переданными в его распоряжение людьми, делал на месте «вывертки» в земле, закладывал камень, «окожушивал» печь и руководил обжигом извести. Так, мячковские крестьяне-ломщики были посланы в Тверь для заготовки извести при постройках в Жолтикове монастыре. В 1652 г. в Курск был командирован «села Верхнево Мячкова каменный ломщик Курка Иванов, с товарищем своим с Кудинком Лаврентьевым». В декабре 1696 г. были посланы «известного дела мастера», крестьяне села Мячкова,

¹ Ст. Оп. П., № 6042, лл. 4—5, 2.

в Брянск «для известного дела на Казыккерменское городовое строение». ¹

Иногда эти командировки захватывали и очень большое число людей. В одной из своих челобитных мячковские крестьяне вспоминали: «Да с нас же, государь, сверх того оброку взяли в Можайск 40 человек к городовому х каменному делу. И печи клали на Ратове. И как вы, государи, пожаловали, велели нас с Можайска отпустить и взяли с нас х каменной ломке дву мастеров... камень ломать». ² Но командировки значительного количества ломщиков были, очевидно, большим исключением: мячковские крестьяне-каменные ломщики важны были только как организаторы работы, а не как рабочая сила, и посылались обычно по два, иногда по четыре человека.

При отправке из Москвы ломщик получал подъемные деньги в размере 2 рублей и подводу, а на работе обычный корм по 8 денег на день. ³

Но, помимо заготовки строительных запасов на работы, производившиеся приказом каменных дел, мячковские крестьяне поставляли камень и известь на рынок. Подмастерья Леонтий Костоусов и Иван Апсин, при допросе относительно наличия строительных запасов «против сметные росписи» на постройку портняжной и скорнячной палаты, показали: «Белый де камень есть и известь в каменном приказе, а кирпич в сараях, ведом в каменном приказе... А будет де от каменного приказу камени и извести не дадут, и можно де из Мячкова привезть». ⁴ К строению конюшенной палаты было куплено 4 бочки извести у крестьянина села Верхнего Мячкова Мелешки Семенова по 9 алтын за бочку «с провозом».

Но, повидимому, и приказ каменных дел сверх оброка иногда закупал у мячковских крестьян известь. При этих заказах он оплачивал работу крестьян иногда «от печи», иногда покупал бочками. В 1628 г. в приказ каменных дел были из Устюжской чети присланы, по его требованию, 720 руб. на уплату «мячковским крестьянам от 30 печей извести за складку и за дрова и за жженье по 20 по 4 рубля от печи, что им известь изготовить к московским к разным х каменным делам». ⁵ Казенная цена за бочку извести была 6 алт. 4 деньги. На это указывает выданная в 1661 г. приказом каменных дел справка: «И в приказе каменных дел в расходной книге нынешнего... 170 году написано: московского уезду мячковских сел крестьянам дают за бочку извести по 6 алт. по 4 д.».

¹ Ст. Ор. П., № 2947, дд. 61, 67; Ст. Бел. Ст., № 358, дд. 23—24; Ст. Раз. Ст., № 139, л. 492.

² ПДСЛ, 1659 г., № 10, дд. 57—58.

³ Ст. Ор. П., № 2947, дд. 67, 11, 7; Ст. Бел. Ст., № 139, дд. 23—24, 519, 520.

⁴ Ст. Ор. П., № 8499, л. 7.

⁵ Гор. Книги, по Уст. Вел., № 13, дд. 288 об. 289.

По этой цене поставляли они известь и другим казенным учреждениям. Цена была повышена в начале следующего столетия, уже после ликвидации каменного приказа, до 8 алт. 2 д. за бочку.¹

Но на московском рынке мячковские крестьяне не были монополистами, — они встречали конкурентов в лице крестьян с. Острова, которые брали на оброк «точильные рвы», в которых добывался камень, у того же приказа каменных дел и у вотчинников и вывозили его в Москву,² а иногда и само правительство отдавало право ломки камня другим лицам, как это было, напр., в 1647 г., когда было разрешено «иноземцам Петру Марселису да Филимону Акеме к тульскому их железному делу давати мячковского камня на год по 200 камней на 20 лет безобочно. А ломать им и возить тот камень с Мячкова собою».³

Некоторый заработок, впрочем, и в этом случае мячковским крестьянам был обеспечен, так как на месте, т.-е. из тех же крестьян, проще всего было нанять рабочую силу для ломки камня и для его доставки заказчику, а на то и другое ассигновались иногда довольно крупные суммы. Когда, напр., производились заготовки для построек Тайного приказа, Петру Жадовскому, руководившему ими, было выдано 850 рублей на обжиганье, да «на 5 верток печных» 250 р., а всего 1 100 р.⁴

Во всяком случае зажиточная часть мячковских крестьян, владевшая рабочими руками и средствами транспорта, могла иметь заработок на месте, да и менее зажиточная, располагавшая только своей рабочей силой, могла кормиться «меж них работой».

* * *

Таковы были разряды квалифицированных рабочих, «ведомых» в приказе каменных дел. Теперь и обратимся к изучению самого учреждения, ведавшего всеми этими «записными» рабочими: кирпичниками и обжигальщиками, каменными ломщиками, подвязчиками, каменщиками и каменных дел подмастерьями.

¹ Ст. Ор. П., № 14642, № 7760, л. 1, № 7771, л. 6; Ст. Пр. Ст., № 1219, л. 45; Разр. Вязки, № 29, д. № 112, л. 1 о заготовках камня и извести для построек приказа Тайных Дел—РИБ, т. XXI, стр. 1058—59, 1066, 1101, 1188, 1051—52. Также Заозерский А. И., Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве, стр. 213, П. 1917.

² ПДСЛ, 1659 г., № 10, л. 126—127.

³ Там же, л. 127.

⁴ Ст. Ор. П. № 51693.

Судьи и дьяки приказа каменных дел. Временное прекращение работ приказа и его восстановление. Подьячие приказа, их оклады, работа, учет рабочих. Производственная деятельность приказа. Присылка денег из других приказов. Финансы приказа в конце века.

I

О лицах, стоявших во главе приказа каменных дел, и о составе его канцелярии мы имеем более или менее полные сведения только для середины XVII в. О том, кому было поручено «ведать каменное дело» при организации приказа, известий не сохранилось. Г. Котошихин, давая характеристику центральных органов управления Московского государства, о приказе каменных дел сообщает: «Каменный приказ. А в нем сидит стольник или дворянин да два дьяка». ¹ Это свидетельство современника нуждается только в одной оговорке: часто в приказе сидел один, а не два дьяка, во всяком случае, это наблюдается в первой половине XVII века. Список же «стольников и дворян», становившихся благодаря назначению в приказ руководителями каменностроительного дела, составлен Г. Ф. Миллером, и мы к его сухому перечню немного сможем добавить. ²

В 1617 г. во главе приказа каменных дел стоял князь Лука Щербатый, которого в этом же году сменяет И. В. Измайлов. Едва ли это не тот самый Измайлов, которого позднее мы видим на постройке Можайской крепости, в качестве корректора строительных планов иноземца Толлера. Сохранившиеся сведения об этой его работе рисуют нам Измайлова как человека, хорошо осведомленного в военно-строительном деле. Может быть, и в Можайск он послан был в силу этой осведомленности.

Дальше наши сведения о руководителях приказа прерываются до 1624 г., когда во главе его появляется Ст. Ос. Караулов. Повидимому, и этот начальник приказа был не чужд организационных способностей и, может быть, некоторых технических знаний: в 1624 г. в сентябре ему «было придано поместного и денежного окладу... за то, что он был у дела,

¹ Котошихин Г., О России в царств. Алексея Михайловича. СПб. 1839, стр. 91. По справке, составленной в 1736 г., «в приказе каменных дел окольничей и дьяк» (Опис. док. и бум. АМЮ, т. V, стр. 127—131).

² ДРВ, т. XX, стр. 322—323.

как дела в спорной церкви Тресвятая Богородицы, подвигали дуги, и у Зеленой палаты. Поместного к 950 четям 50 четей, денег к 79 рублям 21 рубль». ¹ Ст. Ос. Караулова в 1627 году сменил М. Ф. Глебов, а затем в течение семи лет (1628—1635) приказ ведает Ст. Ив. Ислентьев—стольник, бывший впоследствии воеводой. Этот период работы приказа был связан с такими предприятиями, как постройка Можайска и Вязьмы, и связанным с ними распространением мобилизаций на новые посады. С начала 1635 г. приказом руководит С. Ф. Глебов, возможно, брат Глебова, сидевшего там в 20-х годах, а затем в приказе на короткое время появляется кн. Борис Михайлович Лыков, управлявший перед этим последовательно разбойным, монастырским, ямским приказами и приказом Казанского дворца. ² С 1640 г. приказом руководит Самойло Иванович Биркин: «И в 149 г. декабря в третий день на Самойлово место Биркина велено быть Богдану Нежданову с. Дубровского, а Самойлу велено быть в Тамбове, а дьяк Тимофей послан в понизовые города для сыскнова дела, а после их Богдану быть не велено, а велено в каменном приказе быть Прокофью Фед. Соковнину, да дьяку Василию Ключареву». ³ Соковнин управляет приказом в течение последующих семи лет до июня месяца бурного 1648 г., когда его сменяет Ф. А. Алябьев. ⁴ С 17 июня 1652 г. в приказ был назначен Як. Ив. Загрязский, который остается в нем до 1665 г. В этом году в приказе сидит уже стольник Ив. Бог. Камынин, стоявший во главе приказа до сентября 1676 г. Его сменяет стольник Вас. Як. Дашков, ⁵ уступивший место в 1680 году, повидимому, своему брату, А. Я. Дашкову. Последний недолго оставался в приказе, так как в это время произошел перерыв в деятельности последнего.

О причинах этого перерыва, поставивших позднее вопрос о полной ликвидации приказа, придется говорить ниже; в данном же случае попытаемся только восстановить фактическую сторону дела. Это представляется необходимым в целях разрешения поставленного в литературе вопроса о существовании двух приказов каменных дел. Первое указание на учреждение при царе Федоре Алексеевиче особого «дворцового» приказа каменных дел принадлежит В. Н. Татищеву в не

¹ ПДСЛ, 1625 г., № 15.

² Забелин И. Е. История гор. Москвы, стр. 352—353. Источник, откуда заимствовано это сведение, не указан. По Забелину, Лыков сидел в приказе в 1638 г. В архивных документах имени Лыкова нам не встретилось.

³ РИБ, т. X, стр. 203.

⁴ Там же.

⁵ В 185 г. декабря 25 «у государева стола были стольники и дворяне, которые сидят в приказе в судьях»; среди них назван и судья каменного приказа В. Я. Дашков, сидевший за столом вместе с судьями земского, оружейного, иноземского, разбойного и московского судного приказов (Портфели Миллера, 130, X).

опубликованном его сочинении «Жизнь царя Федора Алексеевича». У Миллера находится простое указание: «Дворцовый каменный приказ в записных книгах значится с 1682 г.». Об организации царем Федором этого приказа говорится и у Голикова, который, рассказывая о постройке каменных зданий при Петре, отмечает, что «к выстроению их был великим пособием каменный приказ, царем Федором Алексеевичем учрежденный». Миллер различает два приказа, а Голиков и Татищев, повидимому, полагали, что каменный приказ был один и создан в 80-х годах. И. И. Вернер, пытаясь примирить известия о том и другом приказах, предложил гипотезу о внутренней реформе в организации каменностроительного дела. Он предполагает, что в это время произошло расширение компетенции приказа каменных дел и выделение дворцовых работ в особую категорию, с особым управлением.¹

Неясность устраняется показанием одного из документов. В марте 1685 г. приказ каменных дел послал память во Владимирскую четверть, в которой он, между прочим, писал: «И записные каменщики и кирпичники разных городов и тверские, по грамотам великих государей ис приказу каменных дел в прошлых годах, кирпичники до 189 г., а каменщики по 191 г. были на Москве у кирпичного дела и у каменного строения по вся годы. А во 189 г. по имянному... Федора Алексеевича... указу, приказ каменных дел взят был в приказ Большого дворца, и сараи, которые ведомы были в приказе каменных дел, отданы ис приказу Большого дворца на подряд со 189 г. впредь на 5 лет, а з городовых записных кирпичников велено имать за кирпичное дело в ево государеву казну деньгами с прожиточных по 2 рубли, а с маломочных по рублю с человека на год».² Этим документом устанавливается характер реорганизации всего каменностроительного дела, произведенной в 1680—81 гг., в результате которой было уничтожено и учреждение, ведавшее все дело. Однако очень быстро выяснилась необходимость его восстановления, и указание Миллера дает дату этого восстановления. Сопоставление отдельных документов позволяет установить период, на который была прервана деятельность приказа, с несколько большей точностью. 28 октября 1680 г. была дана справка, что в приказ каменных дел пишут к стольнику А. Я. Дашкову с товарищи. Это показывает, что в данное время приказ еще существовал.³ В апреле 1681 г. постройку церкви в Зарайске ведет приказ Большого дворца, принявший уже в это время,

¹ Замысловский Е., Царствование Федора Алексеевича, П. 1871, стр. 06; ДРВ, т. XX, стр. 302; Голиков И., Дополнения к деяниям Петра В., т. XVIII, М. 1797, стр. 183; Вернер И. И., О времени и причинах возникновения московских приказов, М. 1907, стр. 48—49.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 122.

³ ПДСЛ, 1680 г., № 234, лл. 18—19.

очевидно, все дела от приказа каменных дел.¹ Повидимому, уничтожение приказа каменных дел и было проведено в период подготовки к строительному сезону 1681 г., т.-е. в январе—марте этого года.

В дальнейшем мы видим, что приказом Большого дворца выполняется вся та работа, которая раньше лежала на каменном приказе: по его нарядам вызываются в Москву записные рабочие, он руководит постройками, под его управлением работают кирпичные заводы. В январе 1682 г. приказ Большого дворца сообщал Владимирской четверти, что тверские каменщики и кирпичники не могут быть взяты в посад «для того, что они... к его государевым каменным и кирпичным делам к Москве и в города по наряду ис приказа Большого дворца ходят по вся годы». В октябре того же года на Постельном крыльце был сказан общий государев указ: «Тем, у кого погорели ныне дома около Китая-города и Белого города, указал великий государь... дать кирпичу из приказа Большого дворца по указной цене по полтора рубли за 1 000 в долг, а деньги в... государеву казну... взять погодно в десять лет».² Но если было правильным указание Татищева, что приказ каменных дел был учрежден, т.-е. восстановлен, при Федоре, то придется предположить, что в период между 1 февраля этого года и 27 апреля, когда умер Федор Алексеевич, каменностроительное дело вновь было изъято из ведения приказа Большого дворца и передано каменному приказу. В августе того же года с Тверью сносится уже приказ каменных дел, порученный стольнику А. Б. Камынину.³ Очевидно, возвращение к старому порядку было вызвано выяснившимися неудобствами работы в течение строительного сезона 1681 г., и к новому сезону 1682 г. управление каменностроительным делом было вновь обособлено. Возможно, что в первый период после своего возобновления приказ именовался некоторое время дворцовым. Каменных дел подмастерье Ивашко Апсин, посланный в ноябре 1681 г. в Великие-Луки к «государеву каменному делу к осмотру», называет себя «дворцовых каменных дел подмастерьем». В это время Апсин находился в распоряжении приказа Большого дворца. Позднее, в июле 1684 г., когда уже возобновилась деятельность каменного приказа, Васька Прокофьев называет себя «дворцовым подвязчиком».⁴ В других документах приказ каменных дел упоминается без эпитета «дворцовый», точно так же, как он именовался и ранее, в течение всего XVII в.

Назначенный в восстановленный приказ Камынин стоял во главе его короткое время и был заменен стольником

¹ Ст. Пом. Ст., № 106, л. 306—307.

² ПСЗ, т. II, № 892; Курц Б., Сочинение Кильбургера о русской торговле в царств. Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 184.

³ ПДСЛ, 1679 г., № 366, л. 65.

⁴ Ст. Сев. Ст., № 351, л. 89; Ст. Ор. П., № 22451.

П. А. Лопухиным. Ведая этим приказом, Лопухин получил окольниковство и в 1690 г.— боярство. Сменил его в 1693—94 гг. И. Ю. Леонтьев, в свою очередь уступивший место боярину Т. П. Стрешневу, назначенному туда в 1695 г. При Стрешневе приказ и был ликвидирован в феврале 1700 г.

Как видим, во главе приказа стоят представители иногда родовитых, но, за редкими исключениями, не выдающихся ни богатством, ни знатностью дворянских и боярских фамилий. При этом в редких случаях глава приказа сидел бессменно в нем долгое время. Только С. И. Ислентьев, Я. И. Загряжский да С. И. Камынин руководили его работой в течение 10—15 лет каждый. Все это были представители московского дворянства, занять место которых не стремилась родовитая знать.

Ту же частую смену наблюдаем мы и в отношении дьяков приказа. В 1617 г. дьяком был Богдан Ильин, очевидно, незадолго перед этим получивший назначение, так как в 1614 г. он вместе с кн. Лыковым посылался для уговоров казаков отстать от воровства.¹ В этом же, 1617 г., его сменяет Иван Митусов, которого мы видим на дьячестве в приказе и в 1623 г. В 1626 г. дьяком был Добрыня Семенов, затем в 1627—28 гг.— Федор Опраксин. В 1629 г. в приказ вместе с Ислентьевым получает назначение дьяк Никита Леонтьев и, возможно, одновременно с ним второй дьяк Федор Витовт. В 1635 г. вместе с С. Ф. Глебовым дьяком был назначен Наум Петров, который и умер в этой должности в 1638 г., а на его место получил назначение Василий Ключарев, но на этот раз не надолго. Его сменил опытный приказный делец Емельян Евсеев.² В 1641 г. в приказе снова появляется Вас. Ключарев и на этот раз уже на продолжительное время (1641—1654). Затем дьяками в приказе каменных дел мы видим Алексея Огаркова (1665) и А. Хватова. С этого времени в приказе каменных дел работают, повидимому, постоянно или очень часто по два дьяка: Роман Табунцов и Антон Огарков— в 1657 г., Воин Булычев и Никита Наумов— в 1663—64 гг., Наумов и Иван Дмитриев— с 1665 г. Последний выбился в дьяки из подьячих того же приказа и работал в нем довольно продолжительное время— до 1675 г., когда его сменяют Михаил Воинов и Богдан Лодыгин.

После перерыва первым дьяком был Василий Макарьев, а затем— Ив. Владиславлев и Тимофей Невежин, уступившие свое место Воинову и Юдину при самом конце деятельности учреждения.

Как видим, и среди часто сменявшихся дьяков, также за некоторым исключением, нет сколько-нибудь крупных дельцов. Все это рядовые работники, переходившие из приказа в приказ,

¹ Соловьев, Ист. России, т. II, стр. 1062.

² Биографические сведения об этом дьяке у Яковлева А. И. Приказ сбора ратных людей, М. 1917, 127—128.

опытные канцеляристы, но, очевидно, только в каменном приказе свыкшиеся с особенностями этого учреждения, узко специального по своим задачам.

II

Частая смена руководителей приказа показывает, что основная тяжесть канцелярской работы ложилась на приказных подьячих и на весь состав служащих приказа. Кроме подьячих, в него входили приказные пристава и сарайные сторожа. Первые выполняли полицейские функции, а на обязанности вторых лежала охрана производственных предприятий, что было делом нелегким. Воровство «казенного добра» было настолько значительным, что в 1689 г. понадобился особый указ о переноске жилых помещений, находившихся «под Даниловскими, Хамовническими, под полевыми старыми и новыми и под сараи, что у Калужских ворот, что слынут Дворцовые». Велено было: «которые всяких чинов люди под теми вышеписанными сараи за их государевым указом построили загородные дворы, и те дворы около тех сараев с тех земель очистить, чтобы от тех дворов ныне и в предбудущие годы кирпичным сараям раззоренья и дровам и кирпичу и всяким припасам кражи не было».¹

Число подьячих, приставов и сторожей приказа известно нам за ряд лет. По росписи жалованья, выданного служащим приказа в 1616 г., в нем, кроме квалифицированных рабочих, было всего два подьячих и один сарайный сторож. Полный оклад подьячих неизвестен; в июне они в дополнение к прежним выдачам получили: первый—10 руб., а второй—7 р. Оклад сторожа был: деньгами 3 р. да хлеба 6 чети ржи, 6 чети овса, 2 пуда хлеба. Так как за хлеб полагалось деньгами, то сторож получил всего 7 р. 26 алт. 4 д.²

В позднейшие годы число подьячих значительно вырастает, но оно ограничивается установлением для подьячих всех приказов твердой суммы окладов, которая для Разряда равнялась 700 руб., для посольского—600, а для приказа каменных дел была равна всего 113 р.³

Состояние канцелярского аппарата каменного приказа во второй половине XVII в., до перерыва в его работе, рисуется в следующем виде:

¹ Лебедев Д. Собр. ист.-юрид. актов И. Д. Беляева, М., 1886, стр. 53.

² Ст. Ор. П., № 38338, л. 8. Оклады сторожей приказа каменных дел были, повидимому, несколько выше, чем в других приказах: в то время как оклад здесь был позднее в 10 р., сторожа поместного и челобитенного приказов получали по 9 руб., а в ряде других—всего по 4 р. Ст. Моск. Ст., № 515, л. 166.

³ Ст. Моск. Ст., № 146, лл. 148—149; Ст. Моск. Ст., № 650, лл. 271—272.

Название должности	Оклад денежн.	Г О Д Ы ¹									
		160—169	177	178	179	181	183	184	185	186	189
Подьячий	40 р.	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—
»	35 »	—	1	1	1	1	2	—	—	—	—
»	31 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	30 »	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	27 »	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	20 »	—	1	1	2	2	1	2	3	2	—
»	15 »	—	1	1	1	1	1	1	—	—	—
»	13 »	2	—	1	1	1	—	—	—	—	1
»	12 р. 50 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	11 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	10 »	—	1	—	—	—	—	—	1	1	2
»	8 »	—	1	1	1	1	1	1	4	3	—
»	5 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
»	4 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
»	3 »	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
»	Не вер- станы	—	—	1	—	—	1	2	—	—	—
Пристава	12 р.	?	2	2	2	2	2	1	3	?	—
»	5 р. 26 алт. 4 д.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Сторожа	10 р.	?	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Итого.	—	5	9	10	10	10	10	7	14	9	15

Значительное увеличение числа подьячих происходит во второй половине 60-х годов и затем сохраняется почти без перемен до первой передачи аппарата приказа в приказ.

¹ Годы «сентябрьские». Источники указаны на стр. 165, примеч. 1-е.

Большого двorca. После восстановления деятельности каменного приказа число подьячих резко возрастает и, приблизительно, в этой возросшей цифре сохраняется до конца века.

Название должности	Оклад	Годы			Название должности	Оклад	Годы		
		192	196	204			192	196	204
Подьячий	31 р.	—	1	—	Подьячий	6 р.	—	—	1
»	30 »	1	1	2	»	5 »	1	1	1
»	20 »	1	—	—	»	4 »	1	2	2
»	15 »	—	—	2	»	3 »	1	—	1
»	13 »	—	1	—	Не верстаны	Не верстаны	3	—	—
»	12 р. 50 к.	—	1	—	Пристава	12 р.	—	—	—
»	12 р.	—	1	1	»	5 р. 26 алт. 4 д.	3	2	2
»	11 »	1	1	1	Сторожа.	10 р.	2	2	2
»	10 »	—	2	1	Итого.	—	19	15	17
»	8 »	5	—	1					1

Указанные в таблицах оклады отдельных подьячих с течением времени постепенно увеличивались. Например, подьячий Данилко Баженов в 1687 г. получал всего 13 р., а в 1695 г. оклад его был уже в 30 р., и сам он числился в «старых подьячих». Подьячий средней статьи Иван Нижегородский получал в 1687 г. 12 рублей, а в 1695 г.—15 р. Венцом карьеры подьячего было дьячество, какого и добился один из них—Иван Дмитриев.²

Работа канцелярии приказа регулировалась существовавшими на этот счет общими распоряжениями. В 1669 г., напр., был по всем приказам дан указ: «На Москве в приказах судьям и дьякам сидеть за делы с 1 часа ночи во все дни; да им же с делами всходить на Верх перед бояры и сидеть в приказах до 8 часа ночи». ³ Этим указом устанавливались вечерние занятия. В следующем году был сказан новый

¹ Ст. Моск. Ст., № 325, л. 249; Ст. Моск. Ст., № 320, л. 758; Книги Моск. Ст., № 63, л. 105—105 об.; Иванов П., Опис. Гос. Раз. Арх. М. 1842, стр. 68; № 64, л. 196 и 196 об.; № 66, и. 123—123 об.; № 70, лл. 110—111; № 73, л. 131—132; № 74, л. 141—141 об.; № 82, лл. 138 об.—139; № 83, л. 144; Ст. Моск. Ст., № 650, лл. 120—122; Ст. Прик. Ст., № 1101, лл. 165—166; Ст. Прик. Ст.; № 2021 лл. 2—5. Кн. Моск. Ст., № 146, лл. 146—148 и 308—309; Е. Замысловский, Царств. Фед. Ив., стр. LXV.

² Ст. Прик. Ст., № 1101, лл. 165—166 и № 2021, лл. 2—5.

³ ПСЗ, т. I, № 462.

указ, но в самой общей форме: «Великий государь указал: сказать в приказах судьям и дьякам, чтобы они в приказы приезжали повседневно поранее, а из приказов выходили попозже». ¹ «Это «поранее» и «попозже»,—говорит И. Е. Забелин,—выразилось определением, чтобы и судьи и приказные люди, дьяки и подьячие, сидели в приказах во дни и в ночи 12 часов в сутки, именно по 6 часов с утра и до обеда и по 6 часов с вечера, после обеда». ²

Относительно внутреннего распределения работы между подьячими сколько-нибудь полных сведений не сохранилось. Вероятно, как и в других приказах, каждый из них «ведал» какой-нибудь отраслью дела. Во всяком случае, в руках особого подьячего была сосредоточена запись прихода и расхода: в 1679 г. «у приходу и расходу... денежной казны» сидел подьячий Михаил Флоров. ³ Вероятно, также отдельными подьячими велся учет записных рабочих приказа, учет работы его производственных предприятий и т. п. Но об объеме этой работы и ее характере мы можем судить только по отрывочным данным.

III

Рассмотрение отдельных сторон работы приказного аппарата, поскольку это позволяют нам сделать сохранившиеся документы, мы начнем с судебной его деятельности. Она, повидимому, составлялась из судебных процессов двоякого характера: приказ должен был принимать к производству самые разнообразные дела, возникавшие по искам против подведомственных ему записных рабочих, подмастерьев, обжигальщиков и т. д., и из дел, поступавших в приказ в связи с возложенными на него функциями, т.-е. судебных дел, связанных с постройкой каменных зданий.

Первого рода дела имели бы исключительно важное значение для восполнения наших сведений о самих записных рабочих, об условиях их быта, взаимоотношениях с другими сословными группами и т. д.

Дела по всякого рода правонарушениям в собственно строительном деле дали бы богатый материал для изучения техники каменного дела, условий жизни и быта вольнонаемных каменщиков и кирпичников, производства строительных запасов.

Но весь этот материал погиб одновременно с остальным делопроизводством приказа, и восстановление этой части его работы, повидимому, едва ли будет когда-нибудь возможно. До нас дошло делопроизводство только немногих судебных процессов, сохранившееся в делах других приказов, куда разбор

¹ ПСЗ, т. I, № 477.

² Забелин, Ист. Москвы, стр. 312.

³ Ст. Севск, Ст. № 325, л. 42.

жалобы переносился из приказа каменных дел по просьбе какой-либо из тяжущихся сторон или по каким-нибудь другим причинам. Для выяснения характера поступавших в приказ дел остановимся на двух из них: на деле, начатом по иску боярина П. В. Шереметева к подрядчику Янке Бухвостову, и на деле, возникшем по жалобе записного кирпичника на Ганку Бартенева, собиравшего по поручению приказа деньги с галичских кирпичников «за кирпичное дело». ¹ Оба эти дела могут быть взяты в качестве иллюстрации для установления некоторых любопытных черт, имеющих отношение и к другим частям работы каменного приказа.

П. И. Шереметев подал в 1695 г. в приказ каменных дел челобитную с просьбой привлечь к ответственности Янку Бухвостова, взявшегося в его вотчине Уборах построить каменную церковь и не достроившего ее. В момент подачи челобитной ответчик был в Переяславле-Рязанском «у каменного дела», куда и был послан для его ареста пристав каменного приказа Федотко Колобов. Доставить обвиняемого ему, однако, не удалось, так как «поймать себя он, Якунка, не дал и от них, посыльных людей, ушел». Повидимому, Бухвостов решил за лучшее явиться непосредственно к Шереметеву, который и учинил с ним новый договор, взяв с него обязательство достроить церковь к июлю 1696 г. Но и этого договора Якунка не выполнил. Подана была в приказ новая жалоба Шереметева. Приказ снова начал дело: послал подмастерья каменных дел и подьячего осмотреть постройку. Заканчивавший ее Бухвостов «с товарищи», узнав о жалобе и «видя свою неправду, с дела сбежали». Чтобы разыскать ответчиков, приказ по челобитью Шереметева арестовал Тимошку Соболевского, поверенного в делах Татищева («ходит за делы»), так как Бухвостов принадлежал к числу крестьян того же М. Ю. Татищева, а Тимошка приложил руку к порядной Якунки. Под арестом Соболевский должен был содержаться до тех пор, пока не будет доставлен ответчик. Но Тимошка оказался человеком беспокойным: 24 июля «дневальные каменщики в приказе каменных дел извещали: вчерашнего числа, часу в десятом, пристав Федотко Колобов от приказу каменных дел пошел скоро вслед за человеком, которого велено было ему держать в приказе и того часа по се число не бывал». Оказалось, что опытный в подобного рода переделках Тимошка в дежурство Федотки сбежал из приказа, а тот, видя, что арестованный пошел «неведомо куды», побежал за ним. Тимошка тогда закричал «караул», и караульные даточные люди, стоявшие у ворот, увидели, что он, Тимошка, к ним «тащил пристава» и велел «вести его в приказ, а для чего, им не сказал». Федотко, таким образом,

¹ ПДСЛ. 1659 г., № 10 и 1663 г., № 159; Ст. Разн. Ст., № 2001, и Ст. Пр. Ст., № 2062, лл. 32—78.

сам попал под арест. Чем кончился этот казус для пристава и для Тимошки—неизвестно. Дело, по просьбе Шереметева, было перенесено в Разряд, так как он был «в ссоре» с назначенным в каменный приказ судьей И. Ю. Леонтьевым. В сентябре, наконец, был доставлен и главный ответчик—Янка Бухвостов, который и был «у пристава принят и посажен в колодничную палату за решетку». Он рассказал, что постройка приостановилась потому, что в вотчине в то время самого Шереметева не было, а строить дальше «без его боярского указа» было нельзя. Поэтому он, Янка, и выехал в Переяславль к соборному делу. Но и там над ним стряслась беда: в каменном деле произошла какая-то «поруха», за которую по распоряжению митрополита он был посажен «в железа». Выяснилось дальше, что одна из записей, бывших в деле, написана Янкой ложно, в чем он и принес повинную. В конце-концов Бухвостов признал себя побежденным и заявил, что «в его вине волен государь». Приговор был вынесен суровый: велено было Янку бить кнутом нещадно и каменное дело ему доделать. Спасла Бухвостова только просьба самого Шереметева не чинить наказания: «И я, холоп твой,—писал Шереметев в челобитой царю,—тебе, великому государю, на него, Янку, об наказании не челобитчик».

Интересен этот процесс тем, что весь разбор дела по существу основывается на специальных показаниях подмастерьев каменных дел, дважды командировавшихся в Уборы для производства описания постройки и установления степени выполнения подрячком порядной.

Второе дело было связано с постепенным переводом повинности каменщиков и кирпичников на деньги. В Галич для сбора этих денег был послан приказом Бартенев, на которого и поступила жалоба в том, что он своими «повытками» кирпичников разорил и что правил на них деньги не по правде. Из-за этих неправд челобитчик разорился. В своем сообщении Бартенев во всем обвинял кирпичников, которые «животы свои расхоронили и с Галича сбежали». Из приказа велено было Бартеневу челобитчика «до указа» не ведать, а его вызвали на суд к 15 марта. Дело слушалось в приказе «перед боярином Т. Н. Стрешневым». С челобитчика была взята поручная запись, что он, «не дождався вершенья тому делу с Москвы, не съедет», а тем временем запрошены нужные сведения из Галича. Сведения эти были благоприятны для кирпичника, и взыскивать с него денег было не велено. Пострадал он только тем, что пришлось прожить в Москве и волочиться по всяким московским учреждениям: «А я,—жаловался он в приказе,—человек не знающий и не московской и грамоте не умею».

Здесь приказ перед нами выступает, так сказать, в своей домашней обстановке, когда дело касалось только его и подчиненных ему лиц. И, повидимому, по отношению «к своим» приказ не был очень склонен к излишней придирчивости. Это до

известной степени видно и по упоминавшемуся делу крестьян, в силу чего, очевидно, Соковнин и перенес дело, в конце-концов, в ямской приказ.

На основании приведенных данных, понятно, нельзя сделать никаких выводов ни об объеме, ни о характере судебной работы приказа. Это—не больше, чем иллюстрации к той повседневной приказной деятельности, сведения о которой, к сожалению, до нас не дошли.¹

IV

Состояние учета находившихся в распоряжении приказа рабочих и методы этого учета можно установить с несколько большей подробностью по приказным памятям о высылке каменщиков и кирпичников в Москву и по связанным с этим делом воеводским отпискам и челобитным посадов.

Повидимому, еще при первоначальной организации записных каменщиков и кирпичников приказом каменных дел были составлены особые «каменщичы и кирпичничы» книги. Для составления их, а в более позднее время для исправления, на посады специально командировались работники приказа. Для такой переписи в 197 г., напр., были посланы в Тверь Григорий Шерстов и приказной подьячий Мих. Фролов. Против их действий при составлении учетных книг тверских записных ремесленников и протестовал посад: «А Григория Шерстова да подьячего Михаила Фролова перепись,— писали тверичи,— против нашего челобитья оспоряна, потому что учили они переписывать не по указу... самовольством, не делом написали в каменщики и кирпичники посадцких наших людей, и посацкую землю (учали) переписывать каменщикам и кирпичникам». По челобитью тверичей велено было Г. Шерстова «из Твери выслать, не мешкав», а перепись его была «опорочена».² Для нас в данном случае интересен только самый способ составления этих своеобразных «писцовых» книг, ни одного образчика которых до нас не дошло.

Поступив из рук подьячего в приказ, эти «каменщичы и кирпичничы» книги, как они называются в делах приказа, служили основанием для составления посылавшихся приказом

¹ Любопытна одна сохранившаяся запись о подарке дьяку приказа: в 1674 г. в росписи подач патриарха дьякам значилось: «Каменный приказ. Ивану Дмитриеву. Полголовы свежие, пироги пряженные» (П и с а р е в, Дом. быт русск. патр., прил. 71). У Забелина имеется и другая подобная запись: в 1696 г. в марте «по властелинскому приговору» Вознесенского монастыря было отвезено «Каменного Приказа Судье» Стольнику Петру Михайловичу (?) 7 возов сена, «да ему ж отвезено 5 чети овса монастырского на извозчике». Повидимому, здесь опечатка: или Ивану Михайловичу (Леонтьеву), или Казенный приказ. Забел. и н, Материалы, II, стр. 329—30.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 130—131.

на места «росписей» записных рабочих, вызывавшихся с посадов. Изменение в составе рабочих—уменьшение их или рост—должны были отмечаться в книгах, и это делалось по челобитью заинтересованных лиц. Те же тверские посадские люди, добивавшиеся включения в тягло части «новых» записных каменщиков и кирпичников, в одной из своих жалоб на приказ писали, что после решения дела в их пользу «в Каменный приказ памятьми ссылалось и ис каменного приказу памяти вынесены и имена их (включаемых в посад) в писцовых книгах отмечены». ¹

На основании этих книг на запрос по подобному делу другого учреждения приказ каменных дел мог точно ответить, с какого года тому или иному рабочему велено было быть в записных каменщиках или кирпичниках: «Сенке Усачеву во 168 г., Алешке Кисельникову во 171 году» и т. д. «А Сафонки и Митки Болотниковых и Елизарки Кисельникова в каменщицких и кирпичничьих книгах нет, не написано». ²

Исправление записей книг, помимо челобитий заинтересованных лиц, производилось, вероятно, и на основании тех «сказок» записных рабочих, которые они представляли воеводам на месте работы и на посадах. Основанием же новой записи являлась старина: «А написаны те вышеписанные каменщики и кирпичники по старине, потому что деды и отцы их были в каменщиках и кирпичниках». ³

Но было бы ошибочным представление, что этот приказный учет отличался большой точностью. Механизм его был очень элементарен, и нередко никаких исправлений в книгах не делалось, в силу чего учетные данные приказа резко расходились с действительностью. Об этом нам говорят отписки воевод, сообщающие данные о наличии рабочих на посадах, и сказки самих каменщиков и кирпичников о не явившихся на работу их товарищах. Напр., в Калуге нужно было собрать с записных кирпичников оброчные деньги. Приказом дана была такая справка о числе рабочих, подлежащих обложению: «В приказе каменных дел по записной кирпичничей книге нынешнего 205 г. написано: в Калуге записных старинных кирпичников 73 человека». По сведениям же воеводы, на этот год их было в Калуге только 67 человек. ⁴

Хлыновский воевода, отвечая в 1672 г. на запрос каменного приказа о рабочих, писал, что многие кирпичники «померли, а иные взяты в солдаты, стары и хворы и в кирпичной высылке никогда не бывали, а иные с Вятки бежали». Присланная им роспись давала следующие сведения о 51 кирпичнике.

¹ ПДСЛ, 1679 г., № 366, лл. 129. То же самое в другом месте: «А в каменном, государь, приказе в писцовых книгах имена отмечены, что им на государеву службу и в иные города не ходить», л. 30.

² Там же, лл. 120–121.

³ Там же, 121.

⁴ Ст. Сев. Ст., № 442, лл. 194 и 186.

Посад	Выслано на работу	Умерли	Бежали	В солдатах	В стрель- цах	Постриг- лись	Стары и увечны	В тюрьме
Хлынов	8	9	3	2	—	1	1	—
Слободской . . .	4	4	2	1	1	—	2	1
Орлов	—	—	2	—	—	—	2	—
Котельнич	1	2	3	—	—	—	2	—
Всего	13	15	10	3	1	1	7	1

Значительное количество умерших, старых и увечных показывает, что присланная на Вятку роспись, составленная приказом каменных дел, относилась к временам, давно минувшим, и что приказ сам не знал, на какую рабочую силу он может рассчитывать, посылая свое требование.¹

— Ту же самую картину рисуют и отписки двинского воеводы, наблюдавшего за постройкой Гостиных дворов в Архангельске. По сведениям, сообщенным ему каменщиками и кирпичниками разных городов, из 48 не явившихся «против росписей»—29 сбредли из городов и посадов «безвестно», при чем один из них «сбрел тому лет 20», другие же разбрелись за последние два года, предшествовавшие высылке; 12 человек умерли «тому лет 20», «лет 9», «лет 7» и т. д. Двое «скитаются меж дворы», причем один из них «перестал делать каменное дело лет шесть тому назад», а второй «малоумен и каменного дела никогда не дельвал» и т. п. В росписях оказались даже отставленные, вероятно, самим приказом, каменщики и кирпичники. Несмотря на то, что эти сведения были сообщены приказу, исправления в учетных книгах сделаны не были, и в последующие годы в приказных росписях мы видим тех же лиц. В них снова фигурируют: Любимко Семенов — боярский человек, отданный с ведома приказа его владельцу; Петрушка Мятлин, умерший 16 лет тому назад, и т. п. Но вместе с тем в тех же росписях появляются и новые фамилии, как, например, в росписи ярославцев, откуда вызывался Семенко Любимов, сын Сопец, про которого ярославцы сказали, что он «в каменщиках не бывал, и на посаде ево нет, и они ево не знают». В росписях 1673 года значится Федька Евтихийев—старинный посадский тяглый человек Соли Галичской, по грамоте 1672 г.

¹ ПДСЛ, 1672, № 173.

освобожденный от повинности.¹ О своих «сказках», относительно отдельных записных рабочих, каменщики и кирпичники иногда должны были сами напоминать приказу. Так, при сборе денег с записных каменщиков и кирпичников Галича двое из них сообщали, что их брат в бегах со 191 года «и где живет, про то они не ведают, и о том в приказе каменных дел под воеводскими и подьяческими отписками есть галичских кирпичников сказка».²

Эти показания документов заставляют думать, что учет рабочей силы, производившийся приказом каменных дел, носил формальный характер. Старые записи писцовых книг механически переносились в первую посылавшуюся воеводе посада роспись. В последующие годы «отпуск» росписи служил оригиналом, с которого снималась копия без сверки с книгами, в которых, может быть, и делались, на основании полученных сведений, отметки об изменениях в составе записных рабочих. Такая «механичность» учета, возможно, происходила потому, что для приказа существенно важным было только закрепление за данным посадом определенного числа рабочих, личный же состав их был безразличен. А такой постановкой учета в свою очередь объясняются, с одной стороны—большой процент каменщиков и кирпичников, не являвшихся на работу «по росписям», так как эти «росписи» всегда указывали число рабочих выше действительного числа каменщиков и кирпичников, бывших на посадах; с другой—благодаря именно такой системе учета создавалась возможность уклонения от отбывания повинности взрослых членов семьи рабочих, не попадавших своевременно в регистрационные списки.

V

По вопросам, связанным с судебными процессами, с вызовами каменщиков и кирпичников на работу и распределением их по постройкам, кирпичным сараям и т. п., приказу приходилось вести сношения и непосредственно с воеводами и с приказами, ведавшими различные посады, представлять доклады во дворец и т. д. Эта деятельность приказной канцелярии была, конечно, очень значительна. Но самой важной и ответственной частью работы аппарата было ведение денежной отчетности по производившимся приказом постройкам и по его производственным предприятиям.

Отчетность первого рода (по постройкам) велась теми лицами, которые командировались на эти постройки для общего надзора, или целовальниками, ведавшими прием и учет всяких

¹ ПДСЛ, 1670 г., № 109.

² Ст. Пр. Ст., № 2062, лл. 32—78.

запасов. Иногда контролль этих счетов производился, пови-
димо, другими приказами, иногда же—приказом каменных дел,
очевидно, только в тех случаях, когда заведывание в сей по-
стройкой поручалось ему. Контроль этот шел медленно, и часто
не по вине приказа. В 1688 г. для наблюдения за постройками,
производившимися в Петровском монастыре, был командиро-
ван стряпчий М. В. Текутьев. Но он в течение 8 лет не пред-
ставил отчета, и еще в сентябре 1696 г. приказ сообщал, что
Текутьев «в том строенье не щитан, потому что приходных и
расходных книг тем строеньям в приказ каменных дел... не
подавал». ¹

Основной частью счетной работы непосредственно приказа
был учет его производственных предприятий—кирпичных
сараев и поступающих в приказ строительных материалов с
Мячковской волости. В отношении первых приказу приходи-
лось прежде всего заботиться о своевременной заготовке глины,
песка, дров и пр. и, следовательно, заключать договоры на
поставку их, производить расчеты с поставщиками и обжигаль-
щиками и затем, в целях расценки взятого из приказа камен-
ных дел кирпича, устанавливать его себестоимость.

В материалах приказа и отчетах воевод о постройках
сохранились некоторые разрозненные данные о тех составных
элементах, из которых слагалась эта себестоимость. Заготовка
глины на 1 000 кирпича в 1670 г. и 1676 г. равнялась 8 алт.
2 д.; стоимость дров для обжига той же 1 000 исчислялась в
1628 г. в 15 алтын; работа по заготовке сырого кирпича стоила
15 алтын; обжиг приблизительно равнялся 3 алт. 4 д. на
1 000 шт.² Нет сведений о количестве песка и воды, шедших на
изготовление того же числа кирпичей, а также не поддается
учету и та часть капитальных затрат на производство, какая
падала на эту 1 000. Но и учтенные расходы дают довольно
высокую себестоимость—в 1 р. 26 к. Приблизительно такой
считал ее и приказ. Когда в 1681 г. кирпичные заводы им
были переданы на подряд обжигальщикам, последние обязаны
были поставлять кирпич для казенных построек по 1 р. 10 алт.
за 1 000.³ Но эта цена и приведенные выше справки о стои-
мости заготовок сырья относятся только к Москве и к послед-
ним десятилетиям XVII века. Для первой половины века есть
данные о более высокой расценке. По справке приказа каменных

¹ Ст. Бел. Ст., № 1633, лл. 116—119.

² РИБ, т. XXI, стр. 817; ПДСЛ, 1671 г., № 488, л. 44954; № 102, л. 116. В 1672 г.
750 000 кирпичей было обожжено в 29 печах, следовательно, по 22½ ты-
сячи в печи. У каждой печи работали—обжигальщик и 4 подпечка. Обжи-
гальщик получал полтину от печи, а рабочие—по 16 алт. Стоимость обжи-
гания 1 000 кирпичей равнялась, таким образом, $\frac{50 \text{ к.} + 1 \text{ р. } 92 \text{ к.}}{22,5} = 10,7$.

³ Ст. Ор. П. № 21620, л. 2.

дел в 1637—38 гг., «тысяча кирпичю большого стала государю по рублю по 20 алт. опричь провозу». ¹ Для того же времени педмастерье Иван Неверов дал справку, что себестоимость кирпича в Твери, с провозом к месту стройки, будет—полтора рубля: «А станет кирпич, и изо Твери в монастырь возить со всем 1 000 кирпичу по пол 2 рубли. А делать это государевым кирпичникам». ²

В провинции в то же время, к которому относится понижение себестоимости кирпича в Москве, заготовка его на постройках могла обходиться еще дешевле. По расчетам двинского воеводы Аф. Нестерова, кирпич для постройки архангельских Гостиных дворов обошелся в 1669 г. всего 1 рубль за 1 000 шт.; в следующем году, в связи с понижением оплаты за заготовку глины и других припасов, себестоимость упала до 90 копеек, а в 1672 г.—до 79 коп. ³ Но такая низкая себестоимость архангельских сараев могла зависеть и от дешевизны заготовки дров и глины, и от того, что воеводой не были учтены все расходы, связанные с производством. ⁴

По показаниям иноземцев, рыночная цена кирпича была часто незначительно выше установленной себестоимости. Кильбургер в своем описании сообщает: «Теперь на Москве ежедневно,—и чем дальше, тем больше,—строятся из жженого кирпича церкви, монастыри и дома. Московские кирпичи большие, и тысяча под Москвой на кирпичных заводах стоит от 1 р. 60 к. до 2 р., а в Москве—от 2 р. 30 к. до 2½ рублей». ⁵ Однако даже и при такой разнице приказ мог получать от продажи кирпича значительный доход.

В ведении приказа находились Хамовнические, Даниловские и Крутицкие сараи, позднее в его же распоряжение отошли, повидимому, Новые Полевые. Количество выработки каждого из этих заводов можно принять в 1 000 000 кирпичей. ⁶ Рыночная стоимость продукции всех заводов приказа, следовательно, равнялась 4 800—6 000 р. в половине века и около 6 500 р. (по пониженной цене) в конце его. Но извлекать значительную прибыль из кирпичной продажи приказу не удалось, так как большая часть его, если не весь запас, уходила на казенные постройки.

¹ Ст. Сиб. Ст., № 72, л. 443.

² Ст. Ор. П., № 2947, л. 8.

³ ПДСЛ, 1671 г., № 109.

⁴ Стоимость 1 000 кирпича в Арзамасском уезде в 1679—80 гг. была 1 руб. 15 коп. См. Савва, В., Арзамасские и Барминские будные станы. М. 1908, стр. 9.

⁵ Курц Б. Г., Сочинения Кильбургера о русской торговле в царств. Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 180.

⁶ Строкинский завод в имениях Алексея Мих. заготовил в сезон 1 200 000 (РИБ, XXI, стр. 1020, 231), а он был такой же по размерам. Выше была приведена цифра заготовки в 750 000 кирпичей. В среднем можно принять 1 000 000 штук.

Насколько значительными были эти требования, показывает, напр., расход строительных материалов на постройках у Алексея Михайловича. В 1666 г. было приказано взять «из Даниловских сараев 1 000 000, да прошлых 200 000 кирпичев. И в то число привезено из Даниловских и из Полевых сараев 626 000 кирпичев, к тому донять 1 474 000 кирпичев». ¹ Все кирпичные запасы приказа каменных дел при таких требованиях быстро исчерпывались, и приходилось создавать на постройках новые заводы или искать недостающие строительные материалы на стороне.

Так же обстояло дело и с известью. Себестоимость бочки извести установить с такой же точностью, как это представилось возможным для кирпичного производства, не удалось. Подмастерье Иван Неверов считал, что стоимость одной бочки извести ему обойдется на месте в 4 алт. 2 д: «1 000 бочек извести, а та известь жечь в Старице, 5 печей, а печи класть сее осени, а жечь в 144 г. по останному пути, а проводить рекою Волгою на пристань от монастыря за 2 версты по первой воде. А за кладку и за жженье и за дрова от печи дать по 28 рублей, итого 140 рублей». ² Сам приказ продавал известь в течение всего века по одной и той же цене—в 6 алт. 4 деньги бочка, но получал ли он какую-нибудь прибыль от такой расценки, источники установить не позволяют. ³

Все расчеты по количественному учету производства, по установлению расценок, записи отпуска и расчетов по нему должны были вести приказные подьячие.

Отпуск «запасов» велся за наличный расчет, в кредит и безденежно. Отсутствие денег в приказе и незначительность строительных запасов иногда заставляли приказ каменных дел настаивать на наличном расчете, но чаще, по указам царя, приходилось отпускать все в кредит, а зачастую и совсем бесплатно.

Вот примеры того и другого отпусков. В 1669 г. Устюжской чети на постройку в приказе «казенки» понадобились кирпич и известь. В приказ каменных дел был послан подьячий четверти Борис Максимов, который, возвратившись, доложил: «В каменном приказе за кирпич просят по 2 рубля за тысячу, а за известь по 6 алт. по 4 денги за бочку. А без денег де кирпичу и извести не дают». ⁴ В 1665 г. велено было отпустить в разряд «на палатную поделку» 1 000 кирпичу и 3 бочки извести «безденежно». ⁵ В 1661 г. также безденежно, по указу царя, были отпущены 15 000 кирпичей и 60 бочек

¹ РИБ, XXI, стр. 1020, 231; Зап. Русск. и Сл. Арх., т. II, стр. 82—83.

² Ст. Ор. П., № 2947.

³ РИБ, т. XXVIII, стр. 598; Забелн, Материалы, т. I, стр. 21, 239; РИБ, т. XXI, стр. 231 и др.

⁴ ПДСЛ, 169 № 332, л. 2.

⁵ Ст. Пр. Ст., № 985, л. 780.

известии на постройку церкви Саввы Стратилата. Для построек скорнячной и портняжной палаты в 1663—64 г. безденежно приказом были даны 2 000 камней, 100 000 кирпичей, 800 бочек извести.¹ Выше был приведен указ об отпуске всем погоревшим в 1681 г. кирпича в кредит на 10 лет «по указной цене». В росписи расходов по имению кн. В. В. Голицына на 1685—86 гг. значилось: «из новых полевых сараев куплено к церковному строению 100 000 кирпичей..., а довелось за 1 000 по рублю по 10 алтын (следовательно, кирпич отпущен был по себестоимости. А. С.), итого 130 р. И в то же число, по приказу князя В. В., в приказ каменных дел заплачено 76 р... А генваря в 28 день, по приказу князя Василия В-ча, за тот кирпич достальные деньги 54 р. даны».²

Получение строительных материалов из приказа каменных дел вообще было делом очень выгодным, как об этом свидетельствует де-Родес. В своем донесении королеве Христине, посланном 23 марта 1652 г., он сообщал, что необходимо для безопасности от пожара построить каменные здания для шведских купцов. «Этой зимой,—писал он,—перебывало на здешнем дворе порядочное количество денег и товаров, и я вместе с купцами, вследствие опасности от пожара, жил не в малом страхе»... В свое время на постройку было пожаловано королевой 1 000 рейхсталеров, но они вышли на другие строения: «Чтобы воодушевить купцов,—продолжает де-Родес,—я их утешил насчет будущей зимы... Чтобы, однако, теперь с наименьшими затратами этого достигнуть, я здесь просил, чтобы все относящиеся сюда материалы были доставлены из строительной камеры великого князя или Каменного приказа (Camin-Precas) по их собственной (казенной) цене, а я за это обязывался в будущую зиму доставить столько красной меди, во сколько это (т.-е. материалы) обойдется, чего я и добился. Так как тогда при таком способе материалы будут приобретены за цену более, чем на половину, дешевле, нежели, если бы они были по обыкновению куплены на базаре, то я не сомневаюсь, что в. к. в. подтвердят это и всемилостивейше повелят, чтобы в это лето мне было послано в Шанц-Ниен столько красной меди, во сколько эти материалы обойдутся, что вместе с 1 000 рст., которые будут употреблены на рабочую плату и всякого рода издержки, я приблизительно оцениваю во 100 шиффунтов».³ О дешевизне извести сообщает Павел Алеппский, который к этому добавляет, что она сильно дорожает, когда производятся правительственные постройки, т.-е. когда ее приходится покупать

¹ Ст. Ор. П., № 8406; № 8499, л. 10.

² РДФШ. т. IV, стр. 599.

³ Курц Б. Г., Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, М. 1914, стр. 101—102.

на рынке, а не по казенной цене.¹ Низкая казенная цена и побуждала, очевидно, близких к правящим кругам лиц бить челом об отпуске строительных запасов, а приказные подьячие в своих книгах, в связи с этим, должны были открывать личные счета разных лиц и вести учет их задолженности.

Безденежные дачи и сравнительно широко практиковавшийся отпуск в кредит лишали приказ каменных дел основного источника его доходов,² а так как ему постоянно нужны были деньги при строительных работах на расплату с рабочими, на закупки железных припасов, заготовку глины и пр., то необходимо было пополнение его кассы из других приказов. С его памятями о присылке денег, адресованными то одному, то другому учреждению, мы и встречаемся на протяжении почти всего XVII в. По неполным сведениям об отсылке денег из них в приказ каменных дел мы можем судить о размерах сумм, получавшихся им из этого источника.

Чаще всего кредитором приказа каменных дел являлась Устюжская четверть, пересылавшая ему, по указу царя, то незначительные, то довольно крупные суммы.

Подсчет этих ассигнований за разные годы по данным, правда, большею частью отрывочным, показывает, что годовая сумма таких присылок не превышала 5 580 р., давая, в среднем, за годы с наиболее полным числом сведений (131, 134, 136, 143, 144, 158 и 174 гг.), 2 869 р.³ Поступавшие таким путем деньги шли немедленно в расход по назначению. 17 сентября 174 г. из Устюжской четверти было взято взаймы 1 000 р.: «И в приказе каменных дел, — сообщал позднее Д. И. Дмитриев, — в приходной книге прошлого 174 году написано: ис приказу Устюжские чети взято в приказ каменных дел 1 000 рублей. И того же числа те деньги отданы в расход в Даниловские и в Хамовницкие сараи глинным уговорщикам за глинную возку». ⁴ Учет этих денег и расчетов по ним также велся подьячими.

Кроме денег, получаемых за проданные запасы, и поступлений от других приказов, касса приказа каменных дел пополнялась сбором оброчных денег с находившихся в его ведении всякого рода угодий. Г. Котошихин сообщает, что приказ собирал с городов и уездов, которые в нем были ведомы, 5 000 р. Но документы приказа сведений об этом нам не

¹ Потапов А., Очерк древне-русской гражданской архитектуры, стр. 11.

² Отпуск в кредит постепенно увеличивал число безнадежных должников приказа. В его доимочной росписи 1702 г. значились такие должники, как кн. В. В. Голицын, бывший уже более 10 лет в ссылке, «блаженной памяти патр. Иоаким» и др., правда, на небольшие (за исключением долга патриарха) суммы. Виктор о в, Описание, II, 545.

³ См. Приложение № 2.

⁴ ПДСЛ, 1668 г. № 149, 3.

сохранили.¹ Отрывочные показания документов по данному вопросу отчетливого представления не создают, подтверждая только наличие этого источника дохода.

Так, в одной из памятей указывается, что для покрытия расходов по постройке здания приказов, начатой в 1674—75 гг., деньги поступали от заинтересованных учреждений, а недостающие суммы «даваны из приказу каменных дел из мытённых доходов и из кирпичной продажи»¹. Случайные указания на доходы с различных оброчных статей сохранили «Розыскные дела о Федоре Шакловитом» и судебное дело о земле мячковских крестьян с П. Соковниным. Один из допрашиваемых по первому делу показал: «За отцем его в Московском уезде, по Коломенской дороге, на реке на Похре мельница, в которой делают серую бумагу картузную. А дана де та мельница отцу его из Каменного приказа на оброк во 196 г. А оброку с той мельницы платил отец его в тот приказ по 60 по 5 рублей на год. И ныне де на той мельнице живут работники их из найму»². Во втором деле приведена выписка об уплате оброчных денег за некоторые точильные рвы их арендаторами. По этой выписке в 153 г. на оброке было 4 рва с уплатой за них 3 р. 6 алт. 4 д., в следующем году — 3 с уплатой — 4 р. 20 алт. и в 156 г. — 7 точильных рвов с оброком в 6 р. 26 алт. 4 д.⁴

После перевода записных каменщиков и кирпичников на оброк таким же источником дохода явились и оброчные деньги с них, поступавшие, правда, очень медленно и требовавшие посылок для сбора их на посады особых лиц, о чем приходилось говорить выше.

Все эти поступления позволяли приказу каменных дел, в конце-концов, сводить свой баланс с прибылью, как об этом свидетельствует роспись доходов и расходов на 1679—1680 гг., опубликованная П. Н. Милюковым. В ней, в части относящейся к приказу каменных дел, находим следующие данные:

«А. 1. У 187 г. во 188 г. в остатке 128 р. 7 алт. 2½ д.
2. Да во 188 году в приходе за продажные каменные запасы и к разным каменным делам:

- а) из приказов 7881 р. 6 алт. 4 д.,
- б) да с разных чинов людей за проданные им каменные запасы 2.236 р. 20 алт. 3 д. Всего в приходе 10 117 р. 27 алт. 1 д. А с остатком 187 г. 10 246 р. 8½ д.

¹ В 207 г. Разряд запрашивал все приказы о том, какие города в них «отпусками воевод и посадами ведомы». На памяти, присланной в приказ каменных дел, дьячья пометка «Справить о том отписку имянно». Но самой отписки найти не удалось (Ст. Пр. Ст., № 2041, л. 60).

² Ст. Ор. П., № 15625, л. 4.

³ РДФШ, т. I, стб. 1091.

⁴ ПДСЛ, 1659 г., № 10, лл. 121—127.

в 175 году Москва в расходе на государственное содержание
приказа каменных дел увеличен и сторожам, за кирпичное
подорожное и в разных местах 16012 р. 26 алт. 13 д.
С. 1. А за тот же расход у 188 г. и уменьшился по 189 г.
в сумме 232 р. 8 алт. 3 д.

Эта же сумма на прошлые годы по уменьшился по 189 г.
за то же и потому на Патриаршие приказе и на боярах и на
ополченцах и на других приказах и на дяках 1627 р. 8 алт. 1

Эта сумма интересна в том, что дает представление об
общем характере работы приказа. Как видно из нее, он об-
служивал преимущественно нужды государева и государствен-
ного хозяйства (77% всего оборота) и только в слабой сте-
пени являлся поставщиком местных лиц, обслуживая преиму-
щественно аристократическую и административную верхушку
населения Москвы.

¹ М и Л ю к о в П., Государственное хозяйство России в первой четверти
XVIII ст. и реформа Петра В., изд. 2-е, П. 1903, стр. 363. В связи с вопро-
сом об объеме и общем характере работы приказа каменных дел должен
быть поставлен и вопрос об его отношениях к другим приказам, имев-
шим частично те же функции, что и приказ каменных дел. Известно, что
постройками межрайских укреплений ведали городовая и пушкарский
приказы. О городовой приказе см. Ст. Ор. П., №№ 40154, 40152, 40115.
В некоторых городах эту работу выполнял пушкарский приказ. В 1641 г.
пушкарский приказ ведет ремонт церкви в гор. Владимире (Ст. Ор. Пал.,
№ 41673), повидному, наемными рабочими. В 1626 г. он требовал от
ан. Д. Н. Мезецкого и дяка В. Копнина, следовательно, из Новой четверти,
прислать 300 р. сна Можайское городское дело, подмастерьем и подвяз-
чику и охотничьему, и каменникам, и кирпичникам, и ярыжным на корм»
(Ст. Ор. П., № 40188). Приказ каменных дел, очевидно, дал только
рабочих. Случались между пушкарским и каменным приказами и недора-
зумения в связи с работой на постройках (см., напр., Ст. Ор. П., № 6042,
л. 3). Разрешить вопрос о взаимоотношениях между этими двумя прика-
зами на основании имеющихся в нашем распоряжении данных нельзя.
Можно только высказать предположение, что пушкарский приказ выполнял
строительные работы лишь на тех посадах, укрепления которых в нем
были ведомы, в других же — только по специальному указу о том царя.
На первое указывает отказ пушкарского приказа в 1663 г. произвести
ремонт новгородских стен на том основании, «что в пушкарском приказе
Вед. Новгород городовой строением и ничем не ведомо» (Ст. Новг. Ст.,
№ 188, лл. 407, 411—72).

Недостаточность рабочей силы в распоряжении приказа. Привлечение вотчинных и монастырских каменщиков и кирпичников к отбыванию повинности. Обучение стрельцов каменностроительному делу. Развитие торювли и посадов. Развитие подряда в каменностроительном деле. Вольнонаемный рабочий. Переход на подрядный способ производства в казенных работах. Мобилизации эпохи Петра I. Ликвидация приказа. Каменщики и кирпичники в начале XVIII в.

I

Те условия, которые вызвали к существованию приказ каменных дел, сохраняли свою силу приблизительно до 70-х годов XVII в. Но уже в середине столетия стала чувствоваться непригодность прежней системы организации каменностроительного дела. Сложная и дорого стоившая доставка рабочих в Москву из отдаленных посадов и дальнейшая отправка их на место работы заставляли ограничивать территорию, захватываемую мобилизациями, а ограничение территории вынуждало к максимальному использованию тех посадов, которые входили в район мобилизаций. Приказ каменных дел и стремился к этому, но захватить целиком всю пригодную рабочую силу даже и с этой территории ему не удавалось: с одной стороны—из-за естественного и упорного сопротивления посада, с другой—в силу уклонения от отбывания повинности самих записных каменщиков и кирпичников. Ограниченное число рабочих (об этом убедительно говорят рассмотренные выше данные писцовых и переписных книг), какими располагал приказ каменных дел, по этим причинам еще более сокращалось.

Между тем, в середине и, главным образом, в последней четверти XVII в. каменностроительное дело—и частное и правительственное—продолжало развиваться. Алексей Михайлович усиленно отстраивал свои имения, при Федоре Алексеевиче закончена была постройка нового здания приказов, которое строилось силами приказа каменных дел¹. Продолжалась постройка церквей и других зданий. Не просто риторической фразой была похвала Федору Алексеевичу Сильвестра Медведева, который в своем «Созерцании кратком» записал: «О строении же и деланиях церквей святых и полат подобно

¹ Забелин, Ист. Москвы, стр. 242.

был другой то Соломон явился, толико тщание име». ¹ Во время правления Софьи и Голицына строительство также не прекращалось, и хотя Забелин считает сообщение Невилля о постройке в Москве именно в это время 3 000 зданий «явной нелепостью», но иноземец, преувеличив цифру, действительно чрезмерно высокою для Москвы того времени, самый факт развития строительства отметил правильно. Недостаточность квалифицированной рабочей силы, поэтому, должна была вынудить приказ каменных дел поставить вопрос о способах ее увеличения. Повидимому, прежде всего он пытается увеличить число рабочих путем еще большего захвата посадских ремесленников: делается попытка привлечь к отбыванию повинности «гулящих», т.-е. не прикрепленных к какому бы то ни было тяглу, людей. В 1658 г. была послана воеводам грамота с требованием: «переписать записных и гулящих каменщиков всяких чинов людей, которые делают каменное дело из найму и подрядом, и их детей и братью, и племянников, и подсоседников, и захребетников, и про гулящих каменщиков и кирпичиков велено спрашивать и взять росписи за руками у записных кирпичиков». ²

Едва ли и сам приказ рассчитывал на значительный эффект этой меры: трудно было взять на учет «гулящих», т.-е. не крепких посаду людей, да если бы даже эта попытка и удалась, значительных количественных результатов она дать не могла: «гулящих» людей было мало. В Вятке, напр., на такой запрос о «гулящих» ремесленниках записные кирпичники сказали: «На Вятке каменщиков и кирпичиков гулящих людей не бывало и ныне нет, oprичь нас, записных кирпичиков, потому что на Вятке каменного дела не бывало. А что были посадские тяглые гулящие люди, и тех людей великого государя в службу в солдаты взяли». ³ Помимо же посадков, без расширения территории, на которой производились мобилизации, новую рабочую силу можно было найти только в вотчинных, помещичьих и монастырских владениях. В середине XVII в. и делаются попытки увеличить число рабочих этим путем.

Такая попытка была сделана в 60-х годах: в 1665 г. из Москвы к воеводам рассылается «роспись разных помещиков и вотчинников недосылочным даточным каменщикам и кирпичникам, которые присланы из Иноземского приказу в приказ Каменных дел». В этой «росписи» поименованы всего 4 человека рабочих из ярославских вотчин Апухтина, Вараксинных, Лодыгина и Пушкиной. ⁴ Требование «недосылочных» показывает, что первая мобилизация было проведена в один из ближайших годов перед составлением этой росписи, но, судя

¹ Прозоровский А., Сильвестра Медведева «Созерцание краткое», М. 1894, стр. 17.

² ПДСЛ, 1655 г., № 37, л. 349.

³ ПДСЛ, 1658 г., № 107, л. 456.

⁴ Ст. Нов. Ст., № 184 лл. 188—197.

по числу внесенных в нее лиц, захватывались мобилизацией далеко не все землевладельцы, и число «даточных» было очень скромным.

Однако и при этих условиях приказу пришлось столкнуться с полной невозможностью заставить владельца крестьян выполнить наряд. С какой легкостью помещик мог уклониться от его выполнения, дает представление одно из сохранившихся дел. В том же 1665 г. лухский воевода получил предписание выслать «лухских каменщиков и кирпичников нетчиков». Эти «нетчики» были крестьяне из поместья и вотчины Артемья Степ. Волинского. Посланный воеводой «в доезд» пристав сообщил: «И стольник Артемий Стефанович Волинский сказал мне, россыльщику, про крестьян своих про каменщиков и кирпичников нетчиков и беглецов (перечислено 6 человек): кои те каменщики и кирпичники высланы к в. г. к Москве в прошлых годах, и с тех де мест в поместье и в вотчину в сельцо Батыево с деревнями ко мне не бывали, и ныне их у меня в Луховском уезде в селце Батыеве и в деревнях нет». Приказ, судя по помете дьяка, обратился еще раз с запросом о сыске, но никаких указаний на то, что этот сыск проводился с достаточной энергией, документы не сохранили. Между мобилизуемыми крестьянами и администрацией, выполнявшей распоряжения приказа, стоял вотчинник, а затрагивать его интересы с той настойчивостью, с какой это делалось по отношению к посаду, приказ, очевидно, не хотел или не мог.¹ Намеченный приказом источник рабочей силы, таким образом, оказывался недоступным.

Другим таким источником могли явиться вотчинные ремесленники крупных монастырей. У многих из них, еще с XVI в., были свои каменщики и кирпичники.² А такие крупные землевладельцы, какими были Троице-Сергиев монастырь, Спасский монастырь в Ярославле, позднее Ипатьевский Костромской и др., располагали рабочими каменностроительного и кирпичного дела в таком количестве, что без привлечения рабочей силы со стороны могли выполнять значительные постройки. По переписи, напр., подмосковных слобод Троице-Сергиева монастыря, произведенной в 154 (1645—46) г., в них значилось всяких ремесленников 340 дворов, а людей в них 699 человек. Среди этих ремесленников отмечены дворы 17 кирпичников и «двор кирпичичей, а в нем живут холостые кирпичники . . . 6 человек», 13 дворов каменщиков и двор подвязчика.³ В Калязинском монастыре к 1648 г. была закончена своими силами постройка монастырских стен. В декабре этого года келарь Калязинского монастыря Аврамище Бедов просил о пожаловании

¹ Ст. Белг. Ст., № 620, лл. 16—17, 16 об.

² См., напр., Шумаков С., «Сотницы», ЧОИДР, 1902 г., кн. II, стр. 183, 69.

³ Писц. кн., № 9809, лл. 166—174.

его за то, что он в монастыре сделал «город каменный . . . з башнями и покрыл, и ледники каменные . . . , и палаты» . . . «А стало, государь, нам церковное строение, и городовое строение, и городовое дело тысяч в полтретьятцать и болши» . . . «И город, государь, видел, сделан и покрыт, и ледники каменные, и палаты, и церковное строение твой государев боярин Борис Иванович Морозов».¹

К монастырям, в хозяйствах которых можно было найти квалифицированных рабочих, и обратился приказ с требованием дать их. В списке 1665 г. недосланных каменщиков и кирпичников значатся следующие монастыри:

№№	НАЗВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ	Число недосланных рабочих	
		каменщиков	кирпичников
1	Спаса-Нового	—	12
2	Спаса-Симоновского	—	4
3	Троице-Сергиева	72	14
4	Ростовск. Борисоглеб.	—	2
5	Ярославск. Спасского	7	14
6	Ярославск. Толгского	4	—
7	Благовещенского	2	—
8	Калязинского	14	—
9	Костромского Ипатьевского	19	16
10	Нижегородск. Печерского	7	—
	Итого	125	62 ²

В списках рабочих, присылавшихся в Архангельск в 70-х годах, значится еще один рабочий Костромского Богоявленского монастыря, а в 1699 г. в Воронеж вместе с другими были высланы три каменщика Борисоглебского Торжковского монастыря.³

Это не было для данного времени большей новостью. Монастыри обязаны были дать рабочую силу при постройке

¹ Ст. Пр. Ст., № 47, лл. 420—21.

² Ст. Новг. Ст., № 184, лл. 188—197.

³ ПДСЛ, 1670 г., № 109, лл. 22—23; Ст. Бел. Ст., № 1715, л. 72.

смоленских стен в XVI в., брали с них рабочих при возведении крепостных сооружений в 30-х годах. Но привлечение их к небольшим постройкам было до конца 40-х и начала 50-х годов исключением, а с этого времени и монастырские каменщики и кирпичники вызываются ежегодно.

Однако и для монастырей, как и для помещиков, обслуживать казенные постройки своей рабочей силой было крайне невыгодно, а поэтому они постоянно возбуждают ходатайства об освобождении их от этого. В 1646 г. каменщики и кирпичники Нижегородского Печерского монастыря были привлечены к работам по постройке Саввина монастыря, но уже в следующем году монастырская администрация возбудила ходатайство об освобождении рабочих, ссылаясь на собственную нужду в них.¹ В 1676 г. с таким же ходатайством выступил Белоозерский монастырь, причем в своей челобитной сослался на прецедент: в 170 г. им из приказа каменных дел была получена грамота, по которой «монастырских каменщиков и кирпичников в Москву и в города, покамест в монастыре у них городовое и каменное дело вершитца, высылать не велено». На этот раз разрешено было из 19 каменщиков 10 оставить в монастыре, а 9 все же выслать.² Правительством такого рода челобитья полностью или частично всегда удовлетворялись, но, кроме этого легального пути, избежать посылки рабочих можно было и простым неисполнением распоряжения. Приведенный выше список «недосылочных» рабочих свидетельствует о том, что практиковался этот последний способ достаточно широко.

И этот источник, таким образом, оказывался недостаточно устойчивым.

Был найден и еще один: обучение каменному делу «охочих» людей и, в принудительном порядке, стрельцов. Среди последних было не мало лиц, знающих строительное и кирпичное дело. Выше приводились показания документов о выполнении

¹ Акты Нижегородского Печерского монастыря, стр. 92--95.

² Монастырское каменное дело вообще является постоянным мотивом ходатайств монастырей об освобождении от разных повинностей. В 1650 г. Калязинский монастырь был освобожден от присылки в Кашин сторожей в «съезжую избу и к тюрьме» для того, что в Калязине монастыре город каменный, а тот город строили они собою, и сторожи им в монастыре надобны» (Ст. Новг. Ст., № 80, лл. 382--84). Белевский Преображенский монастырь в 1680 г. просил освободить от всех повинностей монастырских крестьян, так как они заняты работами по постройке каменной церкви: «И от того, государь, крестьянишки наши велми скучают... того церковного дела делать и всяких церковных запасов готовить не хотят, говорят они: нам де и без церковного дела нужно стало» (Ст. Сев. Ст., № 400, л. 84). Аналогичные челобитья по разным поводам с указанием на производящиеся в монастырях постройки в Ст. Ор. Пал., №№ 23590, лл. 21, 26, 27, 28, 30, 54, 57 и сл.; ПДСЛ, 1631, № 70, лл. 112--113; Ст. Сев. Ст., № 7, л. 253; Ст. Сев. Ст., № 333, л. 480 и др.

стрельцами, по найму, работ в Архангельске и о числе стрельцов-каменщиков в Новгороде. Работали стрельцы, очевидно, в порядке добровольного найма и в имениях царя Алексея. Но в 70-х годах они привлекаются к работе уже в порядке служебного поручения.

Впервые применение этого метода пополнения рабочей силы в каменностроительном деле документы отмечают на постройке Гостиных дворов в Архангельске.

Двинский воевода настойчиво добивался от приказа каменных дел присылки туда достаточного количества рабочих, требуя не менее 200 человек. Приказ рассылал на посады грамоты «с большим подкреплением», но результат всегда был один и тот же: каменщиков всегда являлась только половина списочного состава. По сообщениям воеводы, в этом отношении дело за 1668—1670 гг. обстояло таким образом:

Годы	Число рабочих по росписи	Число явившихся	% выполнения наряда
1668	107	64	59,8
1669	116	67	57,8
1670	150	64	42,6

Увеличение приказом числа значившихся в росписи каменщиков и кирпичников не оказывало решительно никакого влияния на количество явившихся рабочих. Очевидно, имевшимся в распоряжении приказа средствами удовлетворить требования воеводы было нельзя.¹ Воевода должен был позаботиться о привлечении рабочей силы сам. Любопытно, что и он обращается прежде всего к тому же источнику, откуда пытался взять рабочих приказ,—к монастырям. В 1671 г. он писал в Москву, что в Сийском монастыре есть 10 каменщиков, но что взять их, несмотря на недостаток рабочих на постройке, без указа он не смеет. Разрешено было рабочих взять. Попытка привлечь «охочих» гуляющих людей также дала небольшие результаты: удалось нанять всего 9 человек.² Этого было мало, и воевода обращается, наконец, к непосредственно ему подчиненным стрельцам и гайдукам и из них «выбирает» в 1671 г. «в ученье» 100 человек.³ В следующем году стрельцов работает сначала 91, а потом 118. И подмастерье Димитрий

¹ ПДСЛ., 1670 г., № 109, л. 32—33, 200, 319.

² ПДСЛ., 1670 г., № 109, 264, 32—38, 200, 319.

³ Вообще привлечение стрельцов к выполнению той или другой ремесленной работы было распространенным явлением. Но к обучению стрельцов каменностроительному делу первый, кажется, прибег патр. Никон (1659 г.), причем около старых стрельцов обучались и новые. РИБ, т. V, № 236, § 4.

Старцев в своей челобитной указывает как на одну из своих заслуг на то, что он «стрельцов каменному делу выучил».¹

То же самое позднее мы видим в Смоленске. В 1694 г. там производилось городовое и «каменное церковное строение», причем наблюдавшему за постройкой дворянину велено было взять «в ученье» смоленских солдат и стрельцов. Здесь дело было поставлено таким образом, что стрельцы и солдаты выполняли работу уже просто по наряду, в порядке отбывания службы². И эта наука для стрельцов не проходит бесследно: когда в 1688 году необходимо было закончить внешнюю отделку построенных в Архангельске амбаров, воевода мог обйтись уже своими силами. «И для подмаски верхние 30 амбаров,— писал он в Москву,—подрядили мы...каменщиков колмогорских стрельцов 20 человек...выбелить и подмазать по 1 руб. по 3 алт. 2 д. от амбара без извести и песку».³

Так в то время, когда приказ каменных дел на требования рабочей силы беспомощно отвечал, что «по отпискам из городов воевод и приказных людей в тех городех городовых каменщиков больше того нету», находились новые источники, откуда эту силу привлечь было можно. Кроме того, и самый способ каменностроительных работ, в порядке отбывания повинности, в отношении его выгоды стал вызывать сомнения, так как экономическая обстановка к концу XVII в. сильно изменилась.

II

Кризис, охвативший посады в конце XVI в. и начале XVII в., к концу тридцатых годов потерял свою остроту, и посады быстро стали поправляться. «Не подлежит сомнению,—говорит Н. А. Рожков,—быстрый рост населения этой местности (центрального района, т.-е. Замосковья) сравнительно с первой половиной века. С двадцатых годов—приблизительно за 55 лет—население возросло более чем вшестеро». Причем этот рост был результатом не переселения из окраин в центр, а результатом естественного прироста населения, так как и в это время наблюдается некоторый отлив на Украину и в Поволжье. «Очевидно, если бы выселения на юг и юго-восток не было, население в центре страны возросло бы еще быстрее—явный признак того, что экономические условия содействовали приросту населения».⁴ Кроме того, и внутри области можно отметить некоторое изменение в размещении населения: во-первых,

¹ ПДСЛ, 1670 г., № 109, 264.

² Кн. Смол. Пр., № 33, 184 об.

³ ПДСЛ, 1638 г., № 222.

⁴ Рожков Н. А., Русск. ист., т. V, стр. 3, 16.

передвижение из северной ее части в южную, из уездов Вологодского, Белоозерского, Костромского, Галицкого, Пошехонского, Ярославского Романовского — в Переяславский, Бежецкий, Московский, Верейский, Дмитровский; во-вторых, некоторую тягу из сел в города, как, например, в Боровск, в Москву.¹

В то же время быстро росла внешняя и внутренняя торговля. «В Москве конца XVII в. можно считать, исключая ряды, рынки и мелочной разносной торг, свыше 3000 торговых помещений разного типа»². Развитие торговли наблюдается и на других посадах. Вообще, начиная с середины XVII в., «гибельное влияние кризиса было уже сглажено, начало строиться новое хозяйство дворянства и крупной торговой буржуазии (гостей), стали слагаться первые прочные фабрики и заводы, появились дворянские имения нового типа»³. Быстро росший торговый капитал начал постепенно подчинять себе ремесленников и кустарей. В то же время росшие города стали притягивать к себе рабочих, искавших заработка. На рынке появилась рабочая сила, но между ней и нанимателем стал предприниматель—капиталист-подрядчик. Производство работ подрядным способом очень скоро стало применяться и в каменно-строительном деле. А. И. Заозерский относительно имений Алексея Михайловича говорит: «В земляных и особенно строительных работах широкое применение получил наемный труд в форме подряда. В царских владениях работы этого рода производились непрерывно, на них рабочий люд—плотники, каменщики, прудники, извозчики—собирался тысячами, и в приходо-расходных книгах мы найдем не один десяток заключенных ими с тайным приказом подрядных записей. Контрагенты выступают в договоре в разном виде: рядятся и целыми обществами—«старосты с крестьяны» и случайной группой—крестьяне и посадские тяглецы, особенно же в большом числе московские стрельцы, со своими десятниками и пятидесятниками; часто принимают на себя обязательство поставить работников подрядчики по одному, а иногда тоже группой».⁴

¹ Рожков Н. А., Русская история, т. V, стр. 16.

² Там же.

³ Рожков Н. А., Очерк ист. труда в России, М. 1924 г., стр. 73—74.

⁴ Заозерский А. И., Царь Алексей Мих. в своем хозяйстве. П. 1917, стр. 149. Мелкие, а иногда и крупные работы производились подрядным способом и ранее, но значительного распространения при возведении крупных построек подряды не имели. При этом иногда и при возведении постройки подрядом приходилось прибегать к мерам принудительного порядка. На постройку келий в Сторожевском монастыре были подряжены крестьяне Спасского Ярославского монастыря—20 чел. «А им было поставить на те кельи на дело добрых мастеров каменщиков 40 человек». Но после начала работ каменщики-подрядчики сбежали в Москву, и был дан приказ послать стрельцов для их поимки и высылки на работу (Ст. Бел. Ст., № 251, 150).

Откуда же в Москву стягивались эти свободные рабочие силы? Большею частью это были не посадские люди, а вотчинниковы, помещичьи и монастырские крестьяне. В 1693 г. объездчик Бронной слободы подал челобитную на каменщиков, производивших ремонт дома гостя Ивана Коломнетина. Объездчик жаловался, что, когда он проверял дневные караулы по Китаю-городу и проезжал мимо постройки, каменщики «почали бросать в него щепнем» и подбили ему глаз. Приведенные к допросу каменщики сказали, что они—крестьяне боярина Б. Г. Юшкова и «работают они каменную работу у гостя на дворе». Знакомый уже нам Янка Бухвостов, крестьянин М. Ю. Татищева, в 1690 г. берет подряд сделать бут под городовую стену в Воскресенском монастыре. Тот же Янка, как мы видели, работает в Переяславле и одновременно берет подряд на постройку церкви в Уборах. Вместе с ним выступают и его «товарищи», тоже крестьяне, Мишка Тимофеев и Митрошка Семенов, при чем во время суда с Шереметевым они находятся на работе в Москве. Не имея возможности выполнить сам подряд, Бухвостов передает его «каменщикам стольника Г. А. Кудрина, костромской его вотчины, дер. Полян, крестьянину ево Михаилу Дмитриеву, да стольника Самсона Мартемьяновича Селифонтова, костромской ево вотчины, крестьянину ево Ивану Михайлову с товарищи», причем берет с них запись, «а рядил от церкви 250 рублей, да запасу против росписи». ¹ В Смоленск на городовое дело подрядяются каменщики «Ярославского уезда, стольника Е. И. Пояркова дер. Липовки и иных помещиков крестьянин Федька Артемьев с товарищи»... ² На торги, устроенные в связи с предполагавшимся в 1695 г. ремонтом Сибирского приказа, явились подрядчики: крестьяне Чудова монастыря из Костромского уезда, крестьяне стольника Артамонова, кн. Барятинского, Головиных, Апухтиной и т. д.—большинство из Ярославского уезда. ³

Все эти рабочие объединяются подрядчиками или выступают группами (такой-то «с товарищи»), выполняя работу, очевидно, артелью. Посадских людей среди них, кроме очень небольшого числа москвичей, не видно.

В других порядных записях на каменностроительных работах этого времени мы встречаем точно так же почти исключительно вотчинниковых и помещиковых крестьян Костромского уезда,

¹ Арх. Леонид, История Воскресенского монастыря, стр. 118; Ст. Разр. Ст., № 2001.

² ПДСЛ, 1691 г. № 261, 377.

³ Ст. Разр. Ст., № 85, 23—36. Разбредались эти крестьяне-рабочие и по другим городам. В 1668 г. лебединский воевода жаловался на каменщиков, работавших в Яблоновой пустыни Троицкого м-ря, что они «пьяни с бердыши и с чеканы и с осолопьем вопили и таких же к себе воров призывали», хотели убить его сына. Один из них был московский посадский человек, другие—даточные солдаты из Нижегородского и Солигаличского уездов. Ст. Пр. Ст., № 384. лл. 480—482.

Ярославского, Дмитровского, Суздальского, Галицкого, патриаршего села Вятского, дворцового села Красного, Островской волости и монастырей Чудова, Ипатьевского.¹

Рассматривая эти порядные, мы можем в них отметить некоторые любопытные черточки. Во-первых, не исчез еще страх перед отсутствием квалифицированных рабочих, и нередко, поэтому, порядная оговаривает обязательное для подрядчика их число, (напр., «а у дела быть на всякой день по 30 мастеров, кроме работников»). Во-вторых, тщательно оговаривается условие относительно приобретения всякого рода строительных запасов, причем мы можем наметить три типа этих оговорок: 1) обуславливается, чтобы все запасы были нанимателя: это особенно важно в провинции, где рынок еще не отвечал на все требования (любопытным образчиком такой порядной является запись, заключенная в Хлынове, в которой подрядчики оговаривали, что все материалы, кроме «молотков и лопаток», должны быть доставлены нанимателем);² 2) подрядчик брался поставить часть запасов, а поставку другой части принимал на себя наниматель (напр., при постройке кельи на Тверской подрядчик брал на себя обязательство доставить все, «опроче домового кирпичу»);³ 3) подрядчик обязывался доставить все — «бут и глину, и песок, и воду, и кирпич, и известь, и белой всякой камень, и к тому каменному строению сарай, и обжигальная печь, и работники, и всякие деревянные запасы, что понадобится, все сполна наше подрядчиково».⁴

Последние два вида порядных показывают, что появился предприниматель, располагавший иногда довольно значительным капиталом. И, затем, что на рынке уже в достаточном количестве можно было заготовить все необходимое для постройки. Наличие в порядных пункта, предусматривавшего выдачу подрядчику задаточных денег, не говорит против выказанного предположения о появлении подрядчика - капиталиста, так как размеры выдававшихся задаточных сумм не были достаточны для найма рабочих и закупки необходимых для постройки материалов. Городские ремесленники, повидимому, лишены были возможности конкурировать с экономически крепкими и имевшими иногда сильных защитников в лице своих господ крестьянами. Не на это ли и указывает государев указ 1673 г., запрещающий принимать в заклад дворы мещан: «буде впредь кто из мещан будет у кого займовать

¹ Забелин, Мат., т. I, стр. 474—75, 663, 248, 834; Ст. Оп. П., № 31881, 31937; ПДСЛ, 1694 г., № 267, 1670 г., № 488, л. 30 и сл.; Шукинский сборник, IV, стр. 94—95.

² Труды Вятской Архивной Комиссии, 1906 г., т. V—VI, стр. 31.

³ Забелин, Материалы, т. I, стр. 561—63.

⁴ Шукинский сборник, т. IV, стр. 474—75.

на промысел денег, и им в заклад дворов своих в Мещанской слободе и не писать и не закладывать». ¹

То же самое происходит и в деле кирпичного производства. Частное производство кирпича было до некоторой степени развито в Москве и ранее, в первой половине века. Поставщиками кирпича и особенно «черепицы» и изразцов на рынок были, главным образом, тяглецы Гончарной московской слободы. Были и небольшие частные кирпичные заводы около города. Тип этих производственных предприятий обрисовывается с достаточной определенностью дошедшими до нас показаниями документов.

О группе таких заводов сохранила известие писцовая книга 1627—29 гг. В Ратуевом стану Московского уезда около церкви Андрея Стратилата «на Москве реке у Воробьевых круч» книга отмечает: «Да тут же на церковной земле сарай, а в них жгут кирпич; да сарай попа Ивана Кондратьева, а в нем жжет кирпич сам поп на продажу; да другой сарай попа Алексея Денисова, да в том же сарае жеребей дьяконский, и тот жеребей в споре у попа Алексея с церковным дьячком Тимошкой; а поп Алексей отдает свой сарай на оброк в наем торговому человеку Ивану Истомину сыну Котельного ряду». ²

Все это, может быть только за исключением последнего, маленькие заводишки без значительного количества рабочих, а в некоторых случаях, вероятно, обслуживавшиеся и самими владельцами. Еще более мелкими были предприятия тяглецов Гончарной слободы. Отдельные характерные черточки, рассеянные в челобитьях (1640—41 гг.) их владельцев, о разрешении им топить печи летом, дают представление о характере их производства. Гончары писали: прежде у них изб не печатали, «погому что у них дело избное, а без горнов ожигати кирпичю и черепицы и горшечков негде», и «про государев обиход» они «кирпичные и образцовые запасы делают в избах», делают «сами своими головами, и сторожей им взять негде». ³ Перед нами картина мелкого семейного кустарного производства.

Для конца века документы говорят уже о другого рода предприятиях. В 1691 г. тяглецом Хамовой слободы Никитой Александровым была подана челобитная на крестьян Ростовского уезда в том, что они, подрядившись сделать в «наемных» его Андреевских сараях 140 000 большого кирпича и 30 000 трубного, не выполнили подряда и причинили ему «убытки великие». ⁴ В 1682 г. крестьяне того же уезда, работавшие в этих же сараях, принадлежавших тогда кадашевцу

¹ ПСЗ, т. I, № 546.

² Забелин, Материалы, т. I, стр. 734.

³ Ст. Прик. Ст., № 195, лл. 197, 202, 211—212, 856—57.

⁴ Ст. Ор. П., № 46919.

Василию Иванову, подали челобитную на владельца в том, что они заготовили 32 000 кирпичей, но денег не получили: «А рядили мы, сироты ваши, с ним, Василием,.. врятки за тысячу по 10 алт. по 4 д.»¹

Но даже если крупных частных заводов и было сравнительно мало, то рабочих кирпичников и подрядчиков кирпичного дела появилось так же много, как и в каменностроительном деле. Одно порождало другое, так как предприниматель, подряжавшийся строить из своих материалов, должен был позаботиться и об организации производства кирпича. Та же забота ложилась и на владельца постройки, если он нанимал только рабочую силу, договариваясь, что все остальное будет запасено им. Напр., в июне 1683 г. окольный И. А. Прончишев подал челобитную на поручиков подрядчика Григория Сергеева, который «подрядился... по записи зделать 300 000 кирпичю и, взяв деньги и запас, не токмо не поставил того кирпичю, и не делав — збежал, и убытки... учинил многие».²

Рабочие - кирпичники приходили, главным образом, из тех же уездов, из каких стягивались в Москву рабочие каменностроительного дела.

Развивается и частное производство извести. Уже в 1658—1659 гг., когда приказу каменных дел пришлось искать ее на стороне, он мог занять в Андроньеве монастыре 647 бочек, да у церкви Кузьмы и Демьяна — 75 бочек. В августе 1661 г. было закуплено у дьячка Троицкой церкви, что у Покровских ворот, 100 бочек.³

Любопытно что в документах того времени слово «запасы» для обозначения кирпича, извести, камня, начинает иногда заменяться словом «товар». В 80-х годах из Флорищенской пустыни писали: «А кирпич весь готов и обозжен прошлого лета и лежит в сараях 15 верст от монастыря, а известь от монастыря 20 верст. И как бы тот товар был в монастыре, и то церковное строение, кроме глав и кровли, пришло (б) в совершенство в месяц».⁴

¹ Ст. Ор. П., № 48928. Любопытно, что сам арендатор кирпичных сараев дела с рабочими не имеет. Управление данным кирпичным заводом было им поручено его подрядчику: «А подрядил де тех работников подрядчик ево, ярославца Ивана Дедукова, крестьянин Карпушка Максимов. А почему он, Карпушка, тех работников подрядил и по коих мест им работать, того он не ведает, а ведает подрядчик его, он, Карпушка. А денег на работников давал он подрядчику своему июня с 13-го числа июля по 3-е число по записи по гривне на неделю, сколько их у дела живет. А роздавал те деньги работникам подрядчик ево».

² Ст. Ор. П., № 45749.

³ Ст. Ор. П., №№ 6127, 7771.

⁴ Ст. Ор. П., № 20046.

подрячки с предложением своих услуг. Сравнение выгоды применения того и другого способов естественно было начать с сравнения размеров заработной платы записного рабочего и вольнонаемного. В 1694 г. по распоряжению царя велено было подрядить к смоленскому каменному делу, городовому и церковному, 25 человек каменщиков. В Смоленский приказ явились крестьяне Ипатьевского монастыря — 10 человек и дворцового села Красного — 10 человек, да 5 крестьян из вотчин А. И. Голицына. Они изъявили готовность взять подряд с платой им за лето (т.-е. за строительный сезон) по 10 и по 9 руб., с выдачей дополнительно 2 четей хлеба каждому, «да за их прогоны до Смоленска дать бы им 5 подвод ямских». Приказ предложил по 6 руб. человеку, а потом поднял цену до 7 руб. Сошлись на 8 рублях, с уплатой денег в рассрочку: 3 р. при отправке, 3 р. в Смоленске и 2 р. по окончании работы. Договор был заключен 24 мая. В том же году были наняты и другие рабочие, но, повидимому, более высокой квалификации и на менее выгодных для приказа условиях: 13 рабочим «первые руки» было дано за дело и за проход по 11 р. 50 к., а 12 рабочим «вторые руки» по 10 р. Кроме того, тем и другим по полторы чети ржаной муки и подводы.¹ Вычисление заработной платы записных каменщиков показало, что приблизительный сезонный заработок записного каменщика был равен 6 руб., т.-е. именно той сумме, какую первоначально и предложил приказ нанимавшимся рабочим. По сравнению с этой оплатой заработная плата вольнонаемных рабочих была высока, но эта разница поглощалась теми расходами, какие были связаны с вызовом записных рабочих в Москву (подводы), и теми налоговыми льготами, какими пользовались каменщики и кирпичники, а, кроме того, компенсировалась целым рядом преимуществ, которыми выгодно отличался новый способ производства от старого.

Прежде всего, записные рабочие постоянно приходили на работу с некоторой задержкой, а иногда и оставляли ее ранее времени, уходя домой «без отпуску». Несомненно, что напоминания о необходимости надзора за каменщиками на самой работе были связаны с прогулами («смотреть, чтоб без дела не гуляли»). При новой системе в руках нанимателя оказывалось достаточно сильное средство борьбы с этим в форме штрафов. «А за прогульные дни, — говорится в договоре найма каменщиков к смоленскому делу, — вычитать у них по 2 гривны на день у человека». В порядной на производство ремонта церкви Воскресения, что в Гончарах, штраф устанавливался в размере гривны.² В таком же размере штраф был установлен для каменщиков, работавших

¹ ПДСЛ, 1694 г., № 267.

² ПДСЛ, 1694 г., № 267; Забелин, Материалы, I стр. 834—835.

подрядчики с предложением своих услуг. Сравнение выгодности применения того и другого способов естественно было начать с сравнения размеров заработной платы записного рабочего и вольнонаемного. В 1694 г. по распоряжению царя велено было подрядить к смоленскому каменному делу, городскому и церковному, 25 человек каменщиков. В Смоленский приказ явились крестьяне Ипатьевского монастыря—10 человек и дворцового села Красного—10 человек, да 5 крестьян из вотчин А. И. Голицына. Они изъявили готовность взять подряд с платой им за лето (т.-е. за строительный сезон) по 10 и по 9 руб., с выдачей дополнительно 2 четей хлеба каждому, «да за их прогоны до Смоленска дать бы им 5 подвод ямских». Приказ предложил по 6 руб. человеку, а потом поднял цену до 7 руб. Сошлись на 8 рублях, с уплатой денег в рассрочку: 3 р. при отправке, 3 р. в Смоленске и 2 р. по окончании работы. Договор был заключен 24 мая. В том же году были наняты и другие рабочие, но, повидимому, более высокой квалификации и на менее выгодных для приказа условиях: 13 рабочим «первые руки» было дано за дело и за проход по 11 р. 50 к., а 12 рабочим «вторые руки» по 10 р. Кроме того, тем и другим по полторы чети ржаной муки и подводы.¹ Вычисление заработной платы записных каменщиков показало, что приблизительный сезонный заработок записного каменщика был равен 6 руб., т.-е. именно той сумме, какую первоначально и предложил приказ нанимавшимся рабочим. По сравнению с этой оплатой заработная плата вольнонаемных рабочих была высока, но эта разница поглощалась теми расходами, какие были связаны с вызовом записных рабочих в Москву (подводы), и теми налоговыми льготами, какими пользовались каменщики и кирпичники, а кроме того, компенсировалась целым рядом преимуществ, которыми выгодно отличался новый способ производства от старого.

Прежде всего, записные рабочие постоянно приходили на работу с некоторой задержкой, а иногда и оставляли ее ранее времени, уходя домой «без отпуску». Несомненно, что напоминания о необходимости надзора за каменщиками на самой работе были связаны с прогулами («смотреть, чтоб без дела не гуляли»). При новой системе в руках нанимателя оказывалось достаточно сильное средство борьбы с этим в форме штрафов. «А за прогульные дни, — говорится в договоре найма каменщиков к смоленскому делу, — вычитать у них по 2 гривны на день у человека». В порядной на производство ремонта церкви Воскресения, что в Гончарах, штраф устанавливался в размере гривны.² В таком же размере штраф был установлен для каменщиков, работавших

¹ ПДСЛ, 1694 г., № 267.

² ПДСЛ, 1694 г., № 267; Забелин, Материалы, I стр. 834—835.

в Смоленске в 1693 г. Воевода получил предписание записывать в особые книги невыходы каменщиков «за леностью» на работу. Это было велено делать «для того, что те каменщики октября с 1 числа 202 году из Смоленска отпущены будут к Москве, и у тех каменщиков за прогульные дни на Москве у дачи достальных денег по тем книгам будет вычет по гривне на день».¹

Для окончания работы в указанный срок и для ее достаточной интенсивности в течение стройки подрядный способ давал, таким образом, некоторые гарантии, в то время как несвоевременная явка рабочих иногда заставляла прибегать к найму и в тех случаях, когда предполагалось вести работу мобилизованными рабочими. На это указывает документ, правда, более позднего времени и относящийся к плотникам а не к рабочим каменно-строительного дела, но условия работы были одинаковы, и мы можем воспользоваться им: в 1707 г. в Тихвин было послано специальное лицо для работы по доставке в Петербург подвод и рабочих. Плотники, которые должны были явиться в Тихвин, не прибыли, и оттуда написали: «По высылке твоей плотников на указной срок и до се число никто не являлся, и твоя милость впредь тех плотников не высылай, для того, что вместо них наняты плотники, а с них взяты будут деньги по указу».²

Второй особенностью, выгодно, с точки зрения нанимателя, отличавшей систему подряда, была гарантия определенного числа квалифицированных рабочих, в то время как ранее приказ никогда не мог точно сказать, сколько будет у него каменщиков и кирпичников. Постоянный же их недостаток все время возбуждал опасения остаться без рабочих рук, а когда эти опасения сбывались, принуждал искать рабочих на стороне, как это было в Архангельске при постройке Гостиных дворов.

Наконец, третьей выгодой было более высокое качество работы. В порядных записях обычным условием было установление ответственности подрядчика за доброкачественность постройки. В одной из порядных, напр., оговаривалось, что подрядчик ответственен за прочность здания в течение 20 лет «опроче пожару», причем он обязывался в случае «порухи сделать все совсем наново». В другой — гарантия дается на 10 лет: «И будет тому каменному церковному строению какая поруха учинитца в 10 лет, тую поруху делать и поновить нам подрядчикам своими каменщиками и работниками и припасы за прежние порядные деньги».³

Таким образом обстояло дело в области собственно стройки. И мы видим, что при правительственных постройках все чаще

¹ Кн. Смол. Пр., № 33, л. 173 об.

² Сборн. Новгород. Общ. Люб. Древн., вып., IV, стр. 82.

³ Забелин, Материалы, I, стр. 551—563, Ст. Разр. Ст., № 2001.

и чаще начинает применяться подрядный способ. При ремонте Успенского собора в 1682 г. велено было «каменщиков и паяльщиков, и кузнецов, и всяких работников наймовать повольною ценою»,¹ а работать они должны были под руководством подмастерьев приказа каменных дел. Подрядным способом производится постройка каменных зданий и ремонт церкви патриархом.² Как мы видели, подрядным же способом производится «городовое и церковное дело» в Смоленске.

Правда, есть признаки, указывающие на некоторое колебание правительства. Полного отказа от вызова каменщиков в это время нет. В Белоозеро именно в это время посылаются настойчивые требования о высылке записных и незаписных рабочих. В одной из грамот времени царевны Софьи находим даже прямое предупреждение против сдачи дел подрядчикам: «А подрядчиком быть не велеть, потому что от подрядчиков бывают нашей, великих государей, казне великие убытки».³ Но условия хозяйственной жизни заставляли идти по этому пути.

Если в собственно строительном деле подрядный способ мог еще вызывать сомнения и колебания, а все еще сказывавшийся (при очень больших постройках) недостаток рабочих рук заставлял держаться за старый способ производства, то в кирпичном деле этого не было. Не требовавшее значительной выучки кирпичное дело могло обслуживаться и слабо квалифицированными рабочими. И действительно, мы очень рано начинаем наблюдать появление подрядчиков на казенных кирпичных заводах. Еще в 1671 году, в связи, очевидно, с недостатком записных рабочих, был заключен подряд с крестьянином Н. И. Шереметева на выделку 300 000 кирпича, причем подрядчик обязался приступить к работе «с Егорьева дня» и делать кирпичи «величиною против Даниловских и Хамовнических сараев, и глину мять, как укажет обжигальщик». За 1 000 кирпичей подрядчик взял по 50 к. Такие же договоры и по такой же цене одновременно были заключены с крестьянами Ипатьевского монастыря (на 400 000 кирпичей) и с крестьянами Галицкого уезда—вотчинниковыми (на 600 000).⁴

В 1693 г. подрядчик-обжигальщик соглашается взять подряд с платой более высокой от 1 000 кирпичей 23 алт. 2 д. В 1698 г. тяглец Хамовной слободы Тимофей Смирной уговаривается взять подряд за эту же цену, но потом сбавляет ее до 20 алт. Приказ, однако, не согласился с предложенными условиями и постепенно,—предлагая 13 алт. 2 д., потом 16 алт. 3 д.—сторговался с подрядчиком на 19 алтынах, причем подрядчик принял на себя обязательство поставить 100 человек

¹ Забелин, Материалы, I, стр. 34—39.

² Там же, стр. 40, 236, 493—94, 238 и др.

³ ДАИ. т. X, № 71.

⁴ ПДСЛ, 1670 г., № 488, л. 30, и 1694 г., № 277, л. 61.

рабочих к 9 мая. Но все припасы и подводы, по условию, должен был дать приказ каменных дел. Подрядчик только принял на себя обязательство своими рабочими привести в порядок кирпичные сараи. По этому подряду предполагалось заготовить 1 000 000 кирпичей, с уплатой 570 руб. частями.¹

Сравнивая предлагаемые подрядчиками условия с расходами по оплате работы записных кирпичников, мы видим, что все выгоды были на стороне подрядного способа. Каждый записной кирпичник по норме выработывал 2 000 сырых кирпичей в месяц, получая за это 30 алтын. Подрядчику уплачивалось за то же количество готового кирпича от 1 р. 14 к. до 1 р. 40 к., причем последняя цена была крайней. Более дешевые условия работы подрядных рабочих учитывались не только приказом, но и посторонними лицами, в частности, это было использовано калужским посадом в его борьбе против записных кирпичников. Доказывая, что последние должны быть включены в тягло, посадские люди писали, что кирпичники брали с казны за свою работу лишнее и что «в подряде, против их кирпичничья дела, кирпич стал дешевле».²

Кроме того, при таком способе производства была и еще одна выгода: приказ мог произвольно расширять и сжимать производство, пользуясь постоянным излишним предложением рабочих рук на рынке.

Следует отметить и обратную сторону дела. Нередко подрядчики не выполняли принятых на себя обязательств, и производство не давало ожидаемых результатов. Повидимому, в значительном числе случаев это происходило от того, что у подрядчиков не было достаточных оборотных средств. Они начинали работу на полученный от казны аванс, тратили его на другие предприятия и оказывались банкротами. Так, в 1691 г. Петрушкой Кирпичниковым не поставлено своевременно условленного количества кирпичей, в 1683—85 гг. не выполнил подряда кадашевец Родион Щепотков. В 1684 г. приказ каменных дел сообщил в Мастерскую палату: «в приказе каменных дел в приходной доимочной книге нынешнего 192 г. написано: донять за недоделанный кирпич на подрядчике на Никитке Стефанове на 190 и 191 гг. 390 руб.». Но в этом случае приказ мог конфисковать имущество подрядчика и, таким образом, возместить убытки.³

Хозяйственные условия диктовали приказу необходимость перехода на новые методы работы, и он, именно в кирпичном деле, начал постепенно совершенно отказываться от услуг своих записных рабочих. В 1684 г. был дан указ: «В нынешнем во 192 г. июня в 6-й день великие государи указали: по своему

¹ ПДСЛ, 1694 г., № 267, л. 61, и 1670 г., № 488.

² Ст. Сев. Ст., № 453, лл. 203—204.

³ Ст. Ор. П., №№ 46465, 46551, 46682, 46714, 45843.

великих государей указу и по Соборному Уложению—кирпичники, которые живут в Коломне и торговыми промыслами промышляют, и лавки у них свои есть, быть им в посаде, в тягле, и службы служить, и подати платить с посацкими людьми вряд, потому что деды и отцы их, и они в писцовых и в переписных, и в строельных книгах написаны на Коломне посацкими тяглыми людьми; да и для того, что наши всякие великих государей каменные дела делают подрядом и им кирпичникам в приказе каменных дел быть не для чего». ¹ Распространения этого распоряжения сразу на всех кирпичников сделано, повидимому, не было. Приказ не считал необходимым возвращать всех записных рабочих, как это было сделано в Коломне, в тяглое состояние, а пошел по тому же пути, какой в отношении плотников практиковал в своих вотчинах патр. Никон: именно, прежняя натуральная повинность была для них заменена денежной. Это было сделано в отношении белоозерских кирпичников еще в 1681 г. На Белоозеро была послана грамота, которой предписывалось собрать с кирпичников, которые «в прошлом во 188 г. на Москве кирпичного дела не делали и без нашего государева указу без отпуску сбежали», за кирпичное дело по 2 р. с человека. Предвидя, что и в этом году кирпичники могут не явиться, грамота предусмотрительно предлагает: «И ныне указали мы... на Москве в сараях кирпичное, да на Москве ж каменное дело делать перед прежними годы с прибавкой, а к тем каменным и кирпичным делам с Белоозера записных каменщиков и кирпичников по росписи и которые сыщутся сверх росписи... выслать. А буде белоозерские городовые, и посацкие, и монастырские кирпичники на Москве кирпичного дела в нынешнем во 189 г. делать и к Москве к кирпичному делу итти не похотят, и ты б на тех белоозерских кирпичниках за кирпичное дело, за их пай на прошлой и на нынешней на 189 г. велел взять в нашу, великих государей, казну по 2 рубля на человека, и те деньги прислал к нам, великому государю, к Москве в приказ Большого дворца с ними же кирпичники, кого они промеж себя излюбят». ²

Это частное мероприятие затем превращается в общую меру, и все кирпичники переводятся на денежный оброк, а выделка кирпича начинает производиться подрядным способом, с передачей управления всем делом приказу Большого дворца. Организаторами кирпичного дела на новых началах явились частные подрядчики и те же обжигальщики, которые были и ранее в казенных сараях руководителями производства. Но теперь обжигальщики за всю работу получали уже не оклад, дополнявшийся выдачей определенной суммы денег «от печи», как это было

¹ ДАИ, т. IX, № 66.

² ДАИ, т. VII, № 15.

раньше, а сдельно—по 1 р. 30 к. за тысячу готового кирпича. На них же ложилась обязанность заготовить необходимые запасы, нанять рабочую силу и т. д. Условия подряда были для обжигальщиков, очевидно, невыгодны, и они уже через два года подали челобитную о выдаче им обычного жалования и освобождении от подряда, потому что взяли они его «самою малою ценою» и от того... «з домишками и кирпичными заводами в конец раззорились»...¹ Нет никаких указаний на то, что каменный приказ, к которому через год опять перешло все дело, возвратился к старому способу производства. Записные кирпичники в течение ряда лет на работу не вызывались, и по всем посадам за эти годы идет сбор денег с кирпичников—с прожиточных по 2 р., а с бедных по 1 р.²

Так, в Калугу в 1697 г. прибыл подьячий каменного приказа с распоряжением: «на них, записных кирпичниках, за кирпичное дело на прошлые годы из доимки, а на нынешний на 205 г. из окладу доправить деньги».³

В 1698 г. в марте на Вятку посылается стольник Федор Гр. Ханыков, которому «велено... вятцких записных кирпичников и их детей, и братьей, и племянников, и внучат, и дворовые и огородные земли, и сенные покосы, и всякие угодыя переписать, а которые из них померли и в бегах—сыскать, кто в котором году умре или збег, и где в бегах живет, и для правезу за кирпичное дело денег».⁴

О каменщиках грамота, посланная на Белоозеро, не говорила. Первоначально переводятся на денежную повинность только кирпичники. Но в дальнейшем при распространении этой меры и на кирпичников других посадов приказ каменных дел стал переводить на деньги и повинность каменщиков. Именно от этих годов в приказе каменных дел оказалась недоимка за каменщиками и кирпичниками (с 194 по 205 г.) Ярославля, Вологды, Белоозера, Галича, Суздаля, Ростова и др. в общей сумме 8 433 р.⁵ В 1695 г. приказом каменных дел был командирован стольник Гаврила Бартенов «для сбора за каменное и кирпичное дело денег» с записных каменщиков и кирпичников «в нашей отчине—в Ярославле, в Переяславле Залесском, в Ростове, на Костроме, у Соли Галичской и в Галиче».⁶

Очевидно, в это же время был в Суздале стольник Василий Кузьмич Трусов «ради дозору каменщиков и кирпичников».⁷

¹ Ст. Ор. П., № 21620, лл. 2—3.

² ПДСЛ, 1679 г., № 366., «Влад. Губ. Вед.», 1862 г., № 45; Ст. Сев. Ст., № 453.

³ Ст. Сев. Ст., № 453, л. 190.

⁴ ПДСЛ, 1697 г., № 264.

⁵ Виктор ов, Опис. дворц. арх., т. II, стр. 545.

⁶ Ст. Пр. Ст., № 2062.

⁷ ПДСЛ, 1700 г., № 24.

Но с переводом натуральной повинности на деньги обособленное положение записных рабочих от посада не изменилось: они попрежнему остались отверстанными от посада в отношении податных тягот. Калужане в 1697 г. жаловались, что с кирпичников, несмотря на то, что они не делают государева кирпичного дела, «никаких иных податей, кроме тех (оброчных) денег, ничего не берут, изделий никаких они не делают и никаких служб не служат».¹

Таким образом, начавшаяся с белоозерских кирпичников замена денежным оброком установленной в XVI в. повинности постепенно была распространена на всех записных рабочих. Сохранение их обособленного положения на посадах становилось пережитком. Производственные предприятия превратились в государственные заводы, работающие наемными силами, каменные постройки производились подрядным способом. С устранением причин, вызвавших появление приказа каменных дел, он сам перерождался в учреждение с иным содержанием, с иными методами работы и иными задачами. Только военные обстоятельства конца XVII в. возвратили его к прежней системе работы. Но с теми задачами, которые поставило перед приказом петровское время, он, возвратившись к прежним способам вербовки рабочей силы, справиться не мог. Эти способы в новых условиях экономической и государственной жизни не давали нужного результата. Попытку к возрождению приказ все же сделал.

IV

Организация каменностроительных работ на новых началах свидетельствовала о неизбежности, в условиях роста торгового капитала, устранения тех вотчинных приемов хозяйствования, которые усвоены были приказом каменных дел в момент его возникновения, в период экономического кризиса и связанного с этим кризисом хозяйственного регресса. Но перевод производственных предприятий приказа на вольнонаемный труд путем передачи организации работ на них подрядчикам и производство построек подрядным же способом не вызвали окончательной ликвидации института записных каменщиков и кирпичников. Московские рабочие, подмастерья каменных дел и подвязчики продолжали находиться у приказа на службе и выполнять поручаемую им работу на прежних основаниях. Числившиеся попрежнему за приказом посадские каменщики и кирпичники, лично свободные теперь от отбывания повинности, являлись источником, откуда приказ черпал часть необходимых ему денежных средств. Прежние отношения между

¹ Ст. Сев. Ст., № 453, лл. 203—204.

ними и приказом, таким образом, только модифицировались, но не были прерваны совершенно.

Больше того, на окраинах государства, где рынок рабочей силы и рынок товарный не получили еще достаточного развития, местные власти возвращались, по временам, к прежним привычным формам хозяйственного управления. В Коротояке (на правом берегу р. Дона) в 1688 г., при постройке приказной избы и хором для воеводы, последний, вероятно по собственной инициативе, прибег к принудительной мобилизации квалифицированных рабочих уезда. Стрельцам было приказано: «ехати... в Коротояцкий уезд..., а приехав выслать в город Коротояк коротоячан всяких чинов людей, хто умеет гончарное дело, для дела на приказную избу и в хоромы на государев двор, где живут воеводы, на печи кирпичей. Да вам же ис тех сел и из деревень выслать бобылей и захребетников и велети им всякому человеку вырубить свое повытье дров по 20 воз на человека». Обычная угроза наказания следовала по адресу тех, кто ложно скажет, что «кирпичного дела делать не умеет». ¹ Эти рецидивы вызывались не только понятным консерватизмом административного аппарата, но и необходимостью возвращения к прежним методам вербовки рабочей силы в тех местах, где новые условия, доставившие победу вольнонаемному труду в центре, не были достаточно сильны. Такое же возвращение к оставленным методам работы приходится наблюдать и в общегосударственном масштабе, когда нормальное течение хозяйственной жизни страны было нарушено военными действиями конца XVII в.

В 1698 г. начинается энергичная подготовка к войне со Швецией, и в то же время усиленно продолжается работа по закреплению завоеванного уже Азовского побережья. Для возведения каменных крепостей на последнем и понадобились каменщики и кирпичники, причем срочность работы требовала привлечения их в таком количестве, какое не могли дать ни области, территориально наиболее близкие к месту постройки, ни московский центральный рынок. Приказу каменных дел предписано было собрать нужную рабочую силу в принудительном порядке.

Собрать ее он мог только прежним способом, т. е. вызовом с посадов старых записных каменщиков и кирпичников, возобновив прежнюю практику после многолетнего перерыва. Но, с одной стороны, этот перерыв не мог не отразиться на количественном составе записных ремесленников, с другой — требования предъявлялись такие, невыполнимость которых для приказа каменных дел была очевидной.

В 1699 г. от него потребовали прислать в Таганрог каменщиков и кирпичников 1 000 человек, ² в 1700 г. — 900 каменщиков

¹ Ст. Пр. Ст., № 1130, л. 36.

² ПДСЛ, 1699 г., № 483.

и 100 кирпичников.¹ Приказ еще справлялся с требованиями в прежнем масштабе. Он выслал в Смоленск для обжигания кирпича 20 вятских кирпичников и обжигальщика,² но доставить 1 000 рабочих был не в силах, и, рассылая об этом памяти по территориальным приказам, он только и мог сообщить, что «за прежними нарядами в Орле и в Павловском» у него каменщиков и кирпичников самое малое число.³ Велено было набрать рабочих «ис посацких и архиерейских, и монастырских всяких чинов людей, которые умеют каменное и кирпичное дело делать». Для сыску и высылки мобилизуемых и «для провожання» по городам был послан «рейтарского строю начальник». Повсюду были получены послушные грамоты. Воеводы рассылали по вверенным им уездам «доезды», которые и должны были извлечь нужных рабочих,⁴ но это были уже не те мобилизации, какие мог проводить приказ каменных дел. Старые записные каменщики и кирпичники растворялись в массе ремесленного люда, приведенного в движение и перебрасывавшегося из конца в конец по выросшей территории государства. Приказ каменных дел в этой работе стал только передаточной инстанцией,—был лишним.

В то же время массовые мобилизации Петром вообще рабочей силы (плотников, кузнецов, просто чернорабочих) ослабляли и предложение труда на рынке. А в связи с этим должна была ослабеть и производственная деятельность приказа. Поэтому вполне естественным был вопрос о его ликвидации, самый же способ ее подсказывался и общей тенденцией к укрупнению приказов, с полной определенностью наметившейся к концу века, и ранее сделанным опытом. Так она и была проведена: «1700 г. февраля 18 по имянному указу каменный приказ учинен в приказе Большого дворца столом, и вышписанных чинов и в городех записных каменщиков, и какие дела были в каменном приказе, велено ведать в приказе Большого дворца, а кирпичного дела заводы и обжигальщиков отослать в ратушу».⁵

¹ ПДСЛ, 1700 г., № 21.

² ПДСЛ, 1698 г., № 264 и 1694 г., № 267, л. 57.

³ ПДСЛ, 1699 г., № 483.

⁴ Ст. Пр. Ст., №№ 2164 и 2180, л. 91. Отписка из Пошехонья. Плохой сохранности. Повидимому, каменщиков и кирпичников не оказалось.

⁵ Каменный Приказ, кн. № 1, стр. 26. Акад. М. М. Богословский, исследуя административные преобразования петровской эпохи, пришел к выводу, что среди приказов можно наметить несколько групп. «Одни из этих объединений были более постоянными и, так сказать органическими... Другие объединения были только личными и потому временными и случайными группировками». К объединениям первого рода принадлежала группа приказов дворцового ведомства. В нее входили: приказ Б. Дворца, Дворцовый судный, каменных дел, конюшенный. Время ликвидации приказа каменных дел устанавливается автором на основании указа об учреждении ведомства генерал-провианта, в распоряжение которого были переданы помещение и канцелярский аппарат приказа каменных дел (Богословский М. М., Административные преобразования Петра В. «Известия Академии Наук СССР», VII серия, Отд. гуманитар. наук, 1929 г., № 2, стр. 89, 100).

Указом 18 февраля 1700 г. формально заканчивается история приказа каменных дел.¹ Но выполнявшаяся им работа, распределенная по другим учреждениям, продолжалась в отдельных ее частях в тех же самых формах и теми методами, какие практиковались и в каменном приказе. Это обстоятельство и заставляет несколько выйти из рамок поставленной темы, чтобы попытаться, хотя бы бегло, проследить те пути, по которым шло каменностроительное и кирпичное дело после реформы 1700 года.

Каменных дел подмастерья, подвязчики, а равным образом и записные каменщики и кирпичники посадов перешли в ведение приказа Большого дворца. Приходилось уже упоминать, что при этом переходе значительно был сокращен штат квалифицированных рабочих, потому что велено было оставить только «указное» число. Но оставшиеся обязаны были нести такую же точно службу, какую несли они в ликвидированном приказе. В 1701 г. каменных дел подмастерье Алексей Лукин командирован на постройку Ново-Двинской крепости. В 1705 г. туда же отправляется подмастерье Василий Данилов.² Попрежнему приказ Большого дворца получает распоряжения о высылке рабочих на производившиеся постройки. В 1701 г. от него потребовали направления в Азов и Таганрог 1850 человек, а так как предполагалось, что «записных не дойдет многово числа», то одновременно было разрешено взять не только записных рабочих, а и «изо всяких чинов людей». ³ Увеличение числа мобилизуемых требовало их учета, а для этого учета, как и раньше, необходима была специальная командировка особых лиц. В июне того же года, поэтому, был послан Андрей Аверлаков в с. Поречье Ярославского уезда, а в следующем году туда же направлен С. Ф. Обернибесов. В Переяславль-Залесский в том же, 1702 г., был командирован Иван Меншой с. Дашков.⁴ В последующие годы требования каменщиков и кирпичников становятся все более настойчивыми с одновременным увеличением требуемого их числа. В 1703 г. велено было собрать 2796 рабочих для Азова и 665 для постройки Шлиссельбурга, в 1704 г. для тех же работ—4 000 человек.⁵ Крестьяне Мячковской волости, теперь

¹ Одноименное с ним учреждение, созданное во времена Екатерины II, имело иной характер и ни в какой связи с изучаемым нами приказом не находится. О приказе екатерининского времени см. Шереметевский В. В., Каменный приказ и его дела, в Опис. докум. и бумаг АМЮ, т. X, и Майков П. П., Ив. Ив. Бецкой, СПб, 1904, стр. 74.

² ПДСЛ, 1701 г., л. 51.; 1705 г., № 102.

³ ПДСЛ, 1705 г., № 102.

⁴ Разр. Вязки, № 55, д. № 532, л. 1—2; № 25, д. № 45; ПДСЛ, 1705 г., № 102.

⁵ Разр. Вязки, № 26, д. № 45, № 31, д. № 99, л. 6—7.

также подчиненной приказу Большого дворца, одновременно с каменщиками и кирпичниками высылались для каменоломных работ. Но и здесь прежних ресурсов нехватило. Пришлось прибегнуть к дополнительному сыску рабочих данной специальности и привлечению их к работе. В 1704 г. в июне жидец Федор Протасов был послан в Суздаль «для розыску о каменных ломщиках и о известных обжигальщиках, которым по ево в. г. указу довелось бытъ по наряду в Троецком».¹

Но одновременно с сохранением этих старых методов работы и параллельно им шли правительственные распоряжения, находившиеся в прямом противоречии с прежними принципами организации записных рабочих. Ранее отбывание каменщиками и кирпичниками повинности связывалось с освобождением их от уплаты всяких других пошлин и податей; теперь это не соблюдалось. Во-первых, в некоторых случаях, повидимому, несмотря на возвращение к старой системе личного участия в «государственных» работах, не были «сняты» уплачиваемые каменщиками и кирпичниками «оброчные деньги».² Во-вторых, в 1704 г. последовал общий указ, чтобы «все мастеровые и гулящие люди, торгующие по площадям различными товарами в разнос, являлись для внесения их в особые списки в Москве в Семеновскую канцелярию медового сбора, а в городах—к воеводам. За внесение их в этот список положено было брать с плотников, кременных бойцов, каменщиков, сапожников и иных всяких мастеровых людей по 2 гривны на год, а с тех работников, которые кормились черной работой на дому по найму,—по 2 алтына в год с человека».³ Эти новые распоряжения разрушали установленный порядок, а непомерно вырвавшиеся требования на рабочую силу сбивали приказ Большого дворца в его расчетах при распределении рабочих на постройки. На последнее в 1705 г. жаловались вятские посадские люди: «Строим мы тое (Ново-Двинскую) крепость с прошлого с 1702 г. Да по твоему государеву имянному указу в прошлых 701 и 702 годах высланы от нас на Таган и в Троецкое для строения 160 человек кузнецов и записных кирпичников. И ныне те кузнецы и кирпичники у того городского дела служат. А в нынешнем 705 г. февраля в... день по твоему государеву указу ис приказу Большого дворца спрашивают тех же каменщиков и кирпичников, которые посланы к строению... крепости. И для сыску и высылки тех записных кирпичников послан на Вятку стольник В. Б. Засецкий»... Вятчане просили оставить их на постройке Ново-Двинской крепости, предупреждая, что в противном случае

¹ Разр Вязки № 31, д. № 99, л. 1 об.—2.

² Там же, № 55, д. № 532, л. 1 об.—2.

³ Пригара А., Опыт ист. исслед. состояния город. обывателей вост. России, П. 1868, стр. 610.

эту крепость «от них» строить будет некому, «и в строенье учинится остановка». ¹ Возможно, что посадские люди просто из двух зол выбирали меньшее, но поводом для их челобитья служила противоречивость распоряжений приказа. Может быть, эта запутанность дел и заставила сделать еще раз попытку централизовать все дело в руках одного учреждения, которое и было создано в том же феврале месяце 1705 г., в каком было послано челобитье вятским посадом.

Генерал-комиссар Як. Фед. Долгорукий получил об этом 21 февраля указ: «Дела всякие бывшего каменного приказу и при тех делах подьячих, и подмастерьев и каменщиков ис приказу Большого дворца, и кирпичников из ратуши (и) из разных монастырей, управляемые из монастырского приказу, заводы, також и черепичничи со всяким строением, и из Ынгермоландской дворцовых дел канцелярии селы Пахрино и Мячково з деревнями, со всякими угодыи... взять и ведать в особливой каменных дел канцелярии инспектору ратушского управления Алексею Курбатову. И те дела управлять в Патриарше Конюшенном дворе, что в Кремле. Да в той же канцелярии ведать и архитектурных каменных дел мастеров иноземцев и русских свободных и несвободных». ²

Этим указом под новым названием был восстановлен, по существу, приказ каменных дел, но с расширенным объемом работы. А новая обстановка заставила идти по новому пути в деле осуществления самой работы.

Канцелярия каменных дел, развивая те тенденции, которые намечались ранее указом 1704 г. о мастеровых людях, проводит ликвидацию льготного состояния записных каменщиков и кирпичников. По ее приказу, в сентябре того же года велено было описать, во-первых: «в городех, в которых ведомы того бывшего (каменного) приказу записные каменщики и кирпичники, и на посадах, и за монастыри по записным книгам, и в которых городех кирпичные и черепичные заводы, и каменные ломки и известное зженье»; во-вторых— «из какова оброку» каменщики и кирпичники живут; в третьих— определить доходность имеющих у них предприятий, а после всего этого, «описав все заводы и промышленников, и пустые каменщицьи и кирпичницьи места»... «о тех заводах и о пустых местех дать торг всяких чинов людям, как положат в оброк или на откуп, чтоб его великого государя казне при том деле было прибыльнее, а в пусте б не были». Для выполнения этого приказа были, вероятно на все посады, посланы особые лица. В Нижний-Новгород командировали «канцелярии каменных дел подьячево Алексея Михайлова с Кириллова, да архитектурных каменных резных дел мастера Дмитрея Маркова»... ³

¹ ПДНЛ, 1705, № 30.

² Разр. Вязки, № 34, д. № 152, лл. 1—2.

³ ПДНК, 1705 г., № 102.

Этим впервые уничтожались записные каменщики и кирпичники на всех посадах. Уже в последние годы существования приказа каменных дел основной кадр рабочих брался, несомненно, не из них, а «изо всяких чинов людей». Массовые мобилизации, проводившиеся приказом Большого дворца, еще более усилили эту тенденцию, а канцелярия каменных дел совершенно уничтожила прежнее, обособленное от посада, положение записных ремесленников, передав на откуп или на оброк их предприятия, причем откупщиками могли оказаться и не они, а посторонние люди. Но преследование казенных прибылей не означало еще устранения нужды в рабочих руках, обложение же всех «промышленников» каменного и кирпичного дела вело к затруднениям при их мобилизациях. Канцелярия каменных дел, проводя данную реформу, устранила нужду в собственном существовании. И эта последняя попытка централизации всего каменностроительного дела была, поэтому, оставлена, и канцелярия каменных дел была или закрыта, или реорганизована вскоре же после ее создания.

Утверждать это можно на основании следующих данных: Мячковская волость, которая вместе с другими «делами» приказа каменных дел была передана канцелярии, уже в 1709 г. находилась в частном владении князя Меншикова. По переписной книге 1709 г. в этой новой вотчине «светлейшего» насчитывалось 257 дворов с населением в 1 215 человек.¹

В 1710 г. в Разряде, а не канцелярии каменных дел, бывшие каменщики подавали челобитные о том, чтобы их из рекрут взяли обратно на работу по специальности, причем им предписывалось, при удовлетворении просьбы, «из дому своего не бежать... и переписчикам, которые посланы для переписи каменщиков, явитца под смертную казнь».² А в следующем 1711 г. мобилизацию рабочих, необходимых для построек в Азове, проводит уже учрежденная к тому времени Ближняя канцелярия.³

Упразднение канцелярии каменных дел, таким образом, произошло перед 1709 г., и, может быть, его можно связать с указом 8 июня 1707 г., данным на имя боярина Т. Н. Стрешнева, сидевшего в это время в Разряде. Этим указом запрещалось брать рабочих с площади и откуда бы то ни было в Москве в Разряд и в другие приказы, так как работные

¹ Переписн. Кн., № 9821, лл. 57—67, 83—84 об., 341 об.—342.

² Разр. Вязки, № 54, IV, л. 15 об.

³ ПСЗ, т. IV, № 2380. Высылка каменщиков теперь производится уже разверсткой по губерниям: Киевская—12, Архангельская—38, Азовская—16, Смоленская—18, Казанская—42, Симбирская—19, Московская—90, Петербургская—65. От администрации последней губернии поступило ходатайство об освобождении ее, так как население и без того «отягчено», а города ее «нынче от поветрия, а другие от голода вельми в худом состоянии». Просьба была удовлетворена за счет увеличения числа рабочих, высылаемых остальными губерниями.

люди, «которые живут в Москве, питаюсь работою, многие с Москвы разошлись, опасаясь неочередного себе к той работе взяться». ¹ Данным указом, следовательно, ограничивалось произвольное распоряжение вольными рабочими, но, как это ясно из приведенных выше примеров, указ не имел общегосударственного значения: в провинции каменщики продолжали постоянно набираться в принудительном порядке, причем правительство Петра I в 1714 г. повторило то же, к чему в самом начале XVII в. недостаток рабочей силы вынудил прибегнуть правительство царя Бориса—к запрещению частных строительных работ. В сентябре этого года Петр писал архангелогородскому губернатору из Петербурга: «Понеже здесь каменное строение зело медленно строица, оттого что каменщиков и прочих художников того дела достать трудно и за довольноную цену, того ради запрещаетца во всем государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуютца строением) всякое каменное строение, какого бы имени не было, под раззорением всего имения и ссылкой». ²

Что это не было пустым звуком, показывает просьба игумена Воздвиженского монастыря, что на Арбате, о разрешении нанять рабочих для продолжения постройки каменных и деревянных зданий в монастыре: «Подрядчики каменщики и плотники,—писал проситель,—никто без твоего государева указа из С.-Петербурха подряжатца не смеют». ³ А возвращение к принудительному привлечению на работы вызвало и восстановление, если не полностью, то частично льгот, какими пользовались записные ремесленники. Сенатским указом 1712 г. предписывалось: «С тех дворов, которые взяты в каменщики, податей никаких не брать и из оклада их выложить. Указ о том учинить в Монастырском приказе боярину П. И. Прозоровскому». ⁴ Поэтому и в ландратских переписях дворы каменщиков мы видим выделенными в особую группу в Туле, Угличе, Хлынове и др.

Таким образом, на протяжении всего 15 лет управление записными каменщиками и кирпичниками переходит несколько раз из рук в руки, и вместе с тем несколько раз меняется их правовое положение: то под влиянием хозяйственной разрухи, вызванной перенапряжением материальных ресурсов страны (в связи с военными обязательствами), правительство возвращается к старому, вотчинному укладу хозяйствования, то, подчиняясь новым экономическим влияниям, пытается отказаться от него и перейти к вольнонаемному труду. И колебания эти продолжают до тех пор, пока пытающееся все регламентировать

¹ Разр. Вязки, № 54, IV, л. 45.

² «Москвитянин», 1841, № 12, стр. 394.

³ Забелин, Материалы, т. II, стр. 738.

⁴ ПСЗ, т. IV, № 2508.

петровское правительство¹ не находит удобной формы для этого управления в заимствованном с Запада цеховом устройстве ремесленников. В этой форме и нашли видимое примирение и новые меркантилистические стремления эпохи и вотчинные пережитки. Закон, посвященный устройству цехов, был подписан 27 апреля 1722 г., и с этого времени каменщики и кирпичники получили новую организацию, но, в значительной мере, новую только по форме. «Цеховая организация устанавливалась у нас в интересах фиска и казенной службы, причем и правительственные мероприятия и жизненная практика вкладывали в иноземные формы чисто туземное содержание. В глазах правительства существование цехов должно было прежде всего обеспечивать наличие ремесленников, которых можно было бы в каждый данный момент призвать к отправлению казенных работ. Этот взгляд на цеховые союзы, как на обязательных поставщиков правительству исполнителей казенных работ, с полной ясностью очерчивается относящимся до цехов делопроизводством XVIII столетия».²

Практика использования ремесленников для казенных нужд была воспроизведением старой организации записных рабочих, но теоретически мыслились свободные вступление и выход из нее: в цехи записывались только те, которые «похотят вечно или временно, а неволею не принуждать».³ Эта предполагаемая свобода, очень быстро отмененная на практике, была теоретическим допущением, обусловленным общим стремлением правительства Петра к насаждению ремесл и промышленности в стране. Во всяком случае, с этого времени «записные каменщики и кирпичники» окончательно перестают существовать.

Что касается квалифицированных рабочих приказа—подмастерьев, то судьба их была несколько иная. Во время управления каменностроительным делом приказом Большого дворца и позднее—канцелярией каменных дел они еще выполняли функции архитекторов, но затем к строителю-инженеру стали предъявляться такие требования, каким не мог отвечать подмастерье, в большинстве случаев самоучка-практик. На ряду с другими для специальной выучки посылаются за границу и архитектурные ученики: «В 1723 г. велено архитектурных учеников, находящихся в Риме, Усова и Еропкина, взять в Петербург, а вместо них послать в Италию «двух же добрых ребят».⁴ В то же время организуется архитектурная школа в России, из которой новый зодчий выходит вооруженным знаниями «архитектуры цивилис» и других наук.⁵ Вместе

¹ См. Богословский М. М., Областная реформа Петра В., М. 1902 г., стр. 3—9.

² Кизеветтер А. А., Посадская общ. в России в XVIII в., М. 1903, стр. 145.

³ Там же, 151.

⁴ Соловьев, Ист. Рос., т. IV, стр. 803.

⁵ Згура В. В., Старые архитекторы, М. 1923, стр. 5.

с тем слабеют и постепенно исчезают из строительной практики старые архитектурные формы Московской Руси, и в истории строительного дела начинается новый, «петербургский период».

Другие квалифицированные рабочие приказа каменных дел — подвязчики, очевидно, с момента упразднения канцелярии каменных дел превратились в частных предпринимателей, работающих или в качестве подрядчиков, или по найму. Мячковские «ломщики» с 1709 г. стали крепостными Меншикова. Обжигальщики освободились от казенной работы в 1712 г. К этому году относится указ, уничтоживший казенные заводы. «На Москве, — говорится в нем, — кирпич, камень, известь делать всякого чина людьми и продавать повольною ценою, как и преж сего, а из казны продажи не быть; также и глину на откуп не отдавать, и те доходы, почему собирались, из оклада выложить». ¹ Именно к этому времени должно быть отнесено указание автора справки о приказе каменных дел 1762 г., который писал, что кирпичное дело после ликвидации приказа перешло в руки частных лиц, и кирпичные заводы «оставались в одном попечении самих содержателей, кои заводили их около Москвы в разных местах, смотря не на общественную, но на собственную пользу и выгоды». ²

В таких чертах рисуется постепенное разложение в начале XVIII в. той централизованной системы казенного каменно-строительного и кирпичного дела, которая была создана в конце XVI в. Вызванная к жизни экономическим кризисом второй половины этого столетия, она развивалась и крепла до тех пор, пока развитие рынка и связанное с ним привлечение рабочей силы в расцветавшие посады не сделало эту систему излишней. С 70-х годов XVII века и начинается постепенное разложение старых принципов, быстро идущее вперед до конца 90-х годов, когда под влиянием новых хозяйственных затруднений выясняется необходимость вновь вернуться к централизации. Начинается та нервная, и часто непоследовательная, организационная суетливость петровского правительства, которая во всех областях то возвращается к практике XVI в., то настойчиво проводит новые тенденции. Эта борьба в каменностроительном деле и приводит, в конце-концов, к организации широкой правительственной помощи владельцам производственных предприятий и к установлению новых форм ремесленных организаций, оставлявших за правительством привычную возможность принудительного использования рабочей силы ремесленников.

¹ ПСЗ, т. IV, № 2546.

² Гос. Древлехр. Камен. Приказ, кн. № 1, л. 9.

СПИСОК ПОДМАСТЕРЬЕВ ПРИКАЗА КАМЕННЫХ ДЕЛ,
УПОМИНАЮЩИХСЯ В ДОКУМЕНТАХ XVII В.

№№	Фамилия и имя	Документы, в которых упоминается подмастерье
1	Абрамов (Обрамов) Сергей	Упоминается в росписи на выдачу жалованья ¹ в июне 124 г. Получает максимальный оклад. По Уварову, «3-й подмастерье в 124 г.». То же у Гамбурцева (Ст. Ор. Пал., № 38358, л. 3. Увар., 382, Гамб., 4).
2	Апсин Иван	Упоминается в черновике памяти 169 г. 7 сент. из Оружейной палаты в приказ кам. дел как подмастерье, которому предположено было поручить постройку каменной палатки над гробами иноков Александра и Родиона в Симонове монастыре. В памяти 9 сент. о том же Апсин не упомянут (Ст. Ор. П., № 7171, л. 1—2). В 170 г. производит разборку «для ветхости» каменной палатки над митроп. Нифонтом в Троице-Сергиеве м-ре (Ст. Ор. П., № 8084, л. 1). В 171 г. июня 5, вместе с Л. Костоусовым, составляет смету на постройку скорнячной и портной палаты (Ст. Ор. П., № 8499, л. 3). У сметы рукоприкладство вместо него подвязчика Е. Иванова. В 185 г. «был у церковного дела у Спасской церкви, что в верху во дворце», т.-е. у Спаса за Золотою решеткою, которая в это время была им перестроена и до сих пор остается памятником его искусства» (Увар., 382). В ноябре 190 г. послан в В. Луки «к государеву каменному делу к осмотру» (Ст. Сев. Ст., № 351, л. 89). Рукоприкладство вместо него великолукского дьяка Ив. Биркина. В том же году осматривает Успенский собор в целях выяснения безопасности церковного служения в нем после пожара (Забелин, Мат., 1, 928). Простое упоминание (Гамб., 5).
3	Апсин Максимко	В 181 г. подрядился «на дворе кн: Михаила Як. Черкасского церковь делать» (Ст. Бел. Ст., № 786, лл. 173—177). Вел какие-то работы в Нижегородском Макарьевском м-ре (там же, л. 77).
4	Белой Семен (Семейка)	В 136 г. «подводит стену и небо в Крестовой палате» (Забелин, Мат., 1, 924; Грабарь, II, стр. 124). В 142 г., вместе с Огурцовым Баженом (см.) был у «каменного церковного дела у заводу и у указу в Вознесенском м-ре у ц. государева ангела преп. Михаила Малеина» (Увар., 382, 384). Простое упоминание (Гамб., 5). В мае 161 г. послан в Курск для строения церкви в Курском Богородицком м-ре (Ст. Бел. Ст., № 358, лл. 51—52).
5	Борисов Назар	В 1651 г. строит в Вологде совместно с П. Тимофеевым ц. Дмитрия Прилуцкого на Наволоке. Назван «Ярославля

¹ Известные мне изданные списки подмастерьев составлены А. С. Уваровым (Сборн. мелк. труд., т. I, М. 1910 г. стр. 382—385) и В. Гамбурцевым («Архитекторская команда», М. 1894, стр. 4—5). Источники, на основании которых эти списки составлены, авторами не указаны, что лишило возможности проверить их сведения и пополнить их на основании документов. Ссылки на эти списки: Уваров, Гамб.

№№	Фамилия и имя	Документы, в которых упоминается подмастерье
6	Бутиков Григорий Былинкин Обросимко Максимов	города каменных дел подмастерье». В состав подмастерьев приказа, очевидно, не входил (ПДСЛ, 1651 г., № 63, лл. 205—206). В 132 г. работает в Можайске у городского дела (Мож. акты архим. Дионисия, стр. 122—128). Ст. Ор. П., № 2947, л. 152. См. Максимов.
7	Васильев Павлик	В штате подмастерьев приказа каменных дел, видимо, не состоял. Псковский подмастерье. В 141 г. составлял смету на постройку палаты для Зеленой казны (Сб. Арх. мин. юст., т. VI, М. 1914, стр. 81—82).
8	Вахромеев Гура	В 198 г. в декабре пожалован сукном за то, что был «московского уезду их, в г-рей, в дворц. селе Воробьеве у хоромного каменного строения» (Ст. Ор. П., № 27188). В 201 г. составлял смету на устройство кирпичных сараев в Смоленске на городское дело (Книги Смол. приказа, кн. № 33, лл. 5 об. и 2 об.).
—	Воротин Марк	Забелин, Мат., I, 21. Вероятно, опечатка, следует читать— Шарутин (см.).
9	Власов Алексей	Не удалось установить, входил ли в состав подмастерьев приказа кам. дел. В 203 г. подряжался на ремонт здания Сибирского приказа. Назван подмастерьем (Ст. Разн. Ст., № 85, л. 28).
10	Возовулин Федор	В 134—135 гг. работал у Можайского городского дела (Можайские акты, 122—128, и Увар., 382, 384, Гамб., 5).
11	Воробей Иван Харитонов	В 124 г. упоминается в росписи на выдачу жалованья Получает второй по размерам оклад (Ст. Ор. П., № 38358, л. 5). Упоминается в апреле и в августе 131 г. в памятях на выдачу жалованья «Иван Харитонов с т-щи»,—очевидно, в это время он был первым (Ст. Ор. П., №№ 39952 и 39973).
12	Галактионов Петр	19 августа 152 г. пожалован сукном «за то, что был у ево, государева, дела на Пушечном дворе, у литейного каменного дела». Расписка «в ево место» Р. Иванова (Ст. Ор. П., № 3333, Увар., 382, Гамб., 5). 5 окт. 147 г. поручился по Обросимке Максимове (Ст. Ор. П., № 2947, л. 152).
13	Григорьев Федор	В 188 г. ноября в 12 д. пожалован сукном за городское каменное дело (Китай-город) (Ст. Ор. П., № 18772). Рукоприкладство вместо него площадного подьячего.
14	Данилов Василий	В 1705 г. послан на постройку Ново-Двинской крепости (ПДСЛ, 1705, № 101). Вероятно, был в приказе кам. дел перед передачей приказа в Б. дворец.
15	Данилов Первой	В 124 г. упоминается в росписи на выдачу жалованья. Получает 4-й по размерам оклад. Неясно, был ли он в это время «резцом» по камню, или подмастерьем (Ст. Ор. П., № 38358, лл. 4—5).
16	Декарев Иван Дорофеев	В 147 г. упоминается среди поручителей по Обросимке Максимове (Ст. Ор. П., № 2947, л. 152).
17	Дикарев Дружинко	В 133 г. старицкий каменщик, жогет извести для ремонта Тверского собора (Успенский, Ст. Ор. П., № 1196). В 140 г. подмастерье послан в Кострому для высылки

№№	Фамилия и имя	Документы, в которых упоминается подмастерье
		каменщиков Ипатьевского м-ря (Титов, Акты Ниж. Пче. м-ря, 92—95). (Ср. Кузьмин Дружинко).
18	Дмитриев Кондратий	В 198 г. апреля в 1 д. командирован для оценки двора Леонтия Неплюева. Рукоприкл. собств. (Роз. дело о Ф. Ш., II, 741—742).
19	Добрышко (?)	Упомянут у В. Гамбурцева. 1630 г. (стр. 5).
20	Долгих Моисей Евсей	В 1711 г. получает кормовые деньги за работу в Иркутске (Кн. Ден. Ст., № 155, л. 174 об.). Входил ли в состав подмастерьев приказа кам. дел — неизвестно. См. Иванов Евсютка.
21	Елизарьев Иван	В 1710 г. работает в Новодевичьем м-ре у «каменных поделок». Входил ли в состав подмастерьев приказа кам. дел — неизвестно (Разр. Вяз., № 54, д. № 8, л. 228).
22	Емельянов Савка (Тютин?)	Послан в 180 г. в Смоленск вместе с А. Корольковым (см.). В другом документе, очевидно он же, назван Савкой Тютиним. Делал городовое дело (Ст. Смол. Пр., 1673, № 19в).
23	Ефимов (Елфимьев) Семен (Лукин?)	В 195 г. в сентябре вместе с Ос. Старцевым (см.) производит оценку дома немчина Романа Болдинова. Рукоприкладство: «Осип Старцев и вместо Семена Елфимьева» (ПДСЛ, 1659, № 29). В 198 г. в марте, апреле (Семен Лукин) участвует в оценке домов Голицыных и Неплюевых. Рукоприкладство Ев. Иванова. В январе того же года пожалован сукном. Рукоприкладство того же Е. Иванова. Роз. дело о Ф. Ш, III, 709—712, 741—742. Ст. Ор. П., № 27217).
24	Завескин Первушка	В 139 г. в мае послан в Новгород для городской поделки (ПДСЛ, 1631 г., № 20). Ср. Данилов Первый.
25	Иванов Евсютка	В 183 и 184 гг. (октябрь) в Смоленске производил починку стен и был отпущен к Москве «для того, что каменная стена, которую делали у Королевского пролomu, зделана вся» (Ст. Смол. Пр., 1673, № 19а). В 191 г. его рукоприкладство на смете Д. Старцева (см.). В 193 г. вместе с другими подал челобитную о выдаче сукна. Расписка собственная (Ст. Ор. П., № 27217). В том же году принимает участие в оценке домов Голицыных и Неплюева. Рукоприкладство собственное (Роз. дело о Ф. Ш., III, 709—712, 741—742). Повидимому, он в 203 г. был командирован приказом кам. дел для осмотра здания Сибирского приказа (названо только имя—Евсей) (Ст. Разн. Ст., № 85, л. 25). Шарутин (?) (см.). (Забелин, Мат., I, 916, 920, 926).
—	Иванов Марк	
26	Иванов Роман	28 августа 152 г. его расписки вместо подмастерьев: Шарутина, Огурцова и Галактионова (Ст. Ор. П., №№ 3332, 3333).
27	Иванов Смирный	В 124 г. упоминается в росписи на выдачу жалованья (Ст. Ор. П., № 38358, л. 3). Получает максимальный оклад. По Уварову, 4-й подмастерье (382). В 123 г. производит ремонт в Нижегород. чети (РИБ, XXVIII, 254). В 125 г. делает казенку в Разряде (там же, 551, Гамб., 5).
28	Иванов Филипп	Неизвестно, — входил ли в состав подмастерьев прик. кам. дел. Упоминается в сметной росписи по Москве 146 г. «Д. Филиппа Иванова с., каменного дела подмастерья,

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
29	Исаев Первуша	с пищалью, а сказали, живет на тяглой земле боярина Д. М. Пожарского, закладчик» (Переписки по Москве, М. 1884 г., стр. 118).
30	Исаков Фомка	В 137 г. работал над государевым казенным делом (Грабарь, II, 124).
31	Калинин Данила	136 г. Простое упоминание у Гамбурцева (стр. 5).
32	Калинин Иван (Шипелкин)	В 201 г. (?) послан в Смоленск на смену О. Старцеву к городовому делу (Кн. Смол. Пр., № 33, л. 185 об.). В 205 г. послан в с. Уборы для описи постройки, произведенной Янкой Бухвостовым (Ст. Разн. Ст., № 2001).
33	Ковалев Ларион	В 163 г. производил вместе с другими оценку дома немчина Болдвина на Покровке (ПДСЛ, 1659, № 29). В 172 г. в ноябре давал сведения о необходимых материалах для постройки в Ор. пал. (Ст. Ор. П., № 8769, л. 2). В июне того же года участвует в осмотре дома боярина Никиты Романова (там же, л. 7). 3-й подмастерье 172 г. (Уваров, 383; Гамб., 5). В 177 г. составляет смету на «казенку» в Устюжской четверти (ПДСЛ, 1669, № 332, л. 109). В октябре 182 г. вызван для осмотра и оценки работ подрядчика по постройке Конюшенной палаты (Ст. Ор. П., № 14659, л. 96). В 182 г. послан в Смоленск для церковного и городского дела, но сделал только «городовой стены... у пролому... одну сажень» (Ст. См. Пр., 1673, № 19а). В 192 г. послан из Пскова в Москву с сметными книгами на ремонт городских стен (Сб. Арх. М. Ю., VI, М. 1914, стр. 220): Рукоприкладство вместо него Як. Шарыпина (Ст. Ор. П., № 14659, л. 96 об.).
34	Константинов Антип (Костентинов Онтип)	В 198 г. в марте принимает участие в оценке домов Голицыных. Рукоприкладство вместо него Евсютка Иванов (Роз. дело о Ф. Ш., III, 709—12). В январе того же года вместе с другими пожалован сукном (Ст. Ор. П., № 27217). В 201 г. был «у домового каменного строения митрополита Сарского и Подонкого» (Ст. Пр., Ст., № 1638, л. 9). Подмастерье в 201 г. (Увар., 383; Гамб., 5).
		В 139 г. делает на кормовом дворе государеву поварню с Треф. Шарутиным (см.), в 142 году с ним же у каменного дела «у заводу и у указу» в Алексеевском м-ре у ц. Преображения и Алексея чел. бож. В 143—144 гг. был с Тр. Шарутиным и Л. Ушаковым (см.) у ц. Спаса Нерукотворенного и Ивана Белогородского, у государевых хором и у светлицы, что над Куретными воротами (Уваров, 383). В 149 г. составлял смету на ремонт Золотых ворот и церкви над ними во Владимире (Ст. Ор. П., № 41673). В 151 г. командирован приказом кам. дел для осмотра дома Венд. Сибилиста (Ст. Сиб. Пр., № 110, л. 199). В том же году руководит постройками на патриаршем дворе (Забелин, Мат., I, 129, 928). В 152 г. был на Пушечном дворе у амбарного каменного дела (Увар., 383). Упоминание (Гамб., 5).

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
35	Константинов Онисим	Простое упоминание (Гамб., 5).
36	Копыл Гришка	В 156 г. пожалован за то, что в прошлых годах был в Спасском м-ре на Новом у церковного каменного дела 3 годы. В 162 г.—за церковное каменное строенье у Андрея Стратилата в Пленицах (Увар., 383, Гамб., 5).
37	Корольков Алексей	В 163 г. производил вместе с другими оценку дома немчинз Болдвинова (ПДСЛ, 1659, № 29). Рукоприкладство подвязчика Ивана Долгого. В 167 г. составлял смету на постройку в Хамовном дворе (Ст. Ор. П., № 7162). В 174 г. работал над ремонтом окон в Оружейной палате (Ст. Ор. П., № 10480, лл. 1—3). К тому же году упоминает у Уварова и Гамбурцева (стр. 383, 5). В 178 г. работает в Оруж. палате (Ст. Ор. П., № 12429). В 180 г. послан в Смоленск к городовому делу и постройке Успенского собора (Ст. Смол. Пр., 1673 г., № 19в и 19а). В октябре 181 г. составлял ценовую роспись (Ст. Ор. П., № 13924).
38	Корольков (Королев) Никита	В 182 г. в октябре вызван для осмотра работ подрядчиков на Конюшенном дворе. Рукоприкладство вместо него Як. Шарыпина (Ст. Ор. П., № 14659, лл. 96—96 об.). В 195 г. производил оценку дома Болдвинова. Рукоприкладство К. Мырина (ПДСЛ, 1659, № 29). В январе 198 г. пожалован сукном. Рукоприкладство К. Мырина (см.) (Ст. Ор. П., № 27217). Вероятно, его сына рукоприкладство и порука по К. Мырине в 193 г. (Ст. Ор. П., № 45936, л. 29).
39	Костоусов (Костосов, Костов—Уваров и Гамбурцев) Дмитрий Якимович	В 165 г. составляет вместе с Охлебининым (см.) смету на постройку «казенки» для пороховой казны в Оружейной палате (Ст. Ор. П., № 5805). В 169 г. в декабре составляет вместе с Леонтием Костоусовым (см.) смету: «что надобе к церкви каменных запасов к Савве Стратилату» (Ст. Ор. П., № 7351, л. 3 об.). (Увар., 383; Гамб. 5). Рукоприкладство собственное. В 174 г. работал в имениях ц. Алексея, но было приказано: «от Виноградной плотины каменных дел подмастерья отставить, а быть подмастерью Ивану Кузнечнику» (РИБ, XXI, 1214).
40	Костоусов Леонтий Якимович	В 169 г. в декабре вместе с братом Дмитрием составляет смету, что надобе каменных запасов «к Савве Стратилату» (Ст. Ор. П., № 7351; Увар., 383; Гамб., 5). Рукоприкладство вместо брата своего Леонтья Д. Костоусова (л. 3 об.). В 170 г. производит оценку дома Романа Болдвина. К ценовой рукоприкладство Савки Леонтьева с. Костоусова «вместо отца своего Левонтья Екимова с. Костоусова» (ПДСЛ, 1659 г., № 29). В 171 г. вместе с И. Аписным (см.) составляет смету на постройку портняжной и скорнячной палаты. Рукоприкладство подвязчика Ер. Иванова (Ст. Ор. П., № 8499, лл. 2—3). В 175 г. в феврале вместе с Шарыпиным составлял смету по заготовке припасов для постройки Успенского собора в Смоленске (Ст. Смол. Пр., 1673, № 193).

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
41	Кузнецик (Кузнеценок) Ивац Кузьмич	По Уварову — стрелец приказа Артамона Матвеева (Увар., 383; Гамб., 5). В 174 г. работает над устройством Виноградной плотины в имениях ц. Алексея (РИБ, XXI, 1214). В 173—174 гг. строил в Екатерининской роще всякое каменное дело. В 177 г. у резного дела в ц. Григория Неокесарийского в Москве (Увар., 383; Грабарь, II, 148—149). В ноябре 182 г. вызван для осмотра построенной частным подрядчиком конюшенной палаты. Рукоприкладство вместо него «нарядчика» Я. Бычкова (Ст. Ор. П., № 14659, л. 51 об.).
42	Кузьмин Агафонко	Упоминается в поручной записи по Обросимке Максимова (Ст. Ор. П., № 2947, л. 152).
43	Кузьмин Друганко	В 1630 г. упоминание (Гамб., 5; ср. Дикарев).
44	Лукин Алексей	В январе 198 г. вместе с другими пожалован сукном. Расписка собственная (Ст. Ор. П., № 27217). В апреле принимает участие в оценке дома Неплюева. Рукоприкладство за него Кондратия Димитриева (Роз. дело о Ф. Ш. II, 741—742). В 1701 г. послан на постройку Ново-Двинской крепости (ПДСЛ, 1701 г., № 51).
—	Лукин Семен Ефимов	Роз. дело о Ф. Ш., II, 741—42. Ср. там же, III, 709—712. См. Ефимов.
—	Львов Давид	См. Охлебинин.
45	Лык Васька	В октябре 182 г. вызван для осмотра и оценки построенной подрядчиком Конюшенной палаты у Денежного двора (Ст. Ор. П., № 14659, л. 96). Рукоприкладство Як. Шарыпина (л. 96 об.).
—	Максимов Любим	У Гамбурцева (5). Очевидно, ошибка (ср. Уваров, 383, Микитин Любим).
46	Максимов Обросимко	В 146—147 гг. в Твери работает над постройкой ц. Успения в Жолтикове м-ре, которую сделал «с подошвы всю вновь» (Ст. Ор. П., № 2947), и Спаса Нерукотворенного (Уваров, 383; Гамб. 5). Рукоприкладство чужое, потому что он «грамоте не умеет». В 152 г. пожалован прибавкою оклада и сукном за то, что «был у... государевых дел у ц. Пр. Богородицы Казанские в государевом с. Коломенском у церковные поделки и у всходные лестницы, что к приказу Б. дворца» (Ст. Ор. П., № 3331). Расписка в его место тяглеца Таганской слободы Ив. Леонтьева.
47	Максимов Посник	Упоминается в 124 г. в росписи на выдачу жалованья. Получает 3-й по размерам оклад (Ст. Ор. П., № 38358, л. 5, Уваров, 383; Гамб., 4).
48	Максимов Третьяк	Упоминается там же. Получает 4-й по размерам оклад жалованья (там же).
49	Марков Алексей	В 178 г. работал на постройке гостиных дворов в Архангельске (ПДСЛ, 1670, № 109, лл. 6, 18, 25; ДАИ, IV, № 5).
50	Марков Димитрий	Архитектурных каменных резных дел мастер. В 1705 г. послан для передачи на оброк каменных ломов и кирпичных мест в Н.-Новгород (ПДСЛ, 1705, № 102).
51	Медведь Федор	В 192 г. пожалован сукном «за ево работу, что он делал вверху у... в г. новые хоромы» (Ст. Ор. П., № 21811).
—	Михайлов Ларион	Забелин, Мат., I, 925. См. Ушаков.

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
—	Михайлов Дмитрий	Старцев (?) — см. В 185 г. в апреле выдан поденный корм. Расписка вместо него моск. каменщика: В. Евсев (Ст. Ор. П., № 16561).
52	Михайлов Оксен	Упоминается в росписи на выдачу жалованья в 124 г. Получает максимальный оклад (Ст. Ор. П., № 38358, л. 2; Уваров, 383; Гамб., 4). В январе 127 г. пожалован за ремонт в соборе Архангела Михаила (Уваров, 383).
53	Мокеев Аверкий	Неясно, состоял ли он в штате подмастерьев приказа кам. дел. В 163—166 гг. работает по поручению патриарха в Святоозерском—Иверском, Воскресенском и Калязинском м-рях (РИБ, V, №№ 62, 80, § 1, 91, § 3. Писарев, Дом. быт патриарх., прил. 147).
54	Мымрин (вероятно, он же Мыхарин) Кондратий Семенович	В 193 г. подал челобитную об уплате ему по кабале 100 р. Рукоприкладство собственное. Поручился по нем Лукьян Семенов с Мымрин, «серебряной палаты оконного дела мастер». Брат? В челобитной Мымрин называет себя «приказу каменных дел подмастерье и резного дела мастер» (Ст. Ор. П., № 45936, лл. 8, 29, 41). В 195 г. участвует в оценке дома Р. Болдвинова (ПДСЛ, 1659, № 29). Принимает участие в оценке домов в 198 г. (Роз. дело о Ф. Ш., III, 709—12, «Мыхарин»). Пожалован сукном (Ст. Ор. П., № 27217). В 204 г. послан в Смоленск и Батурин (ПДСЛ, 1694, № 267, лл. 7 и 16).
55	Мымрин Михаил Семенович	В декабре 193 г. упоминается в поручной записи по К. С. Мырине. Назван подмастерьем и резного дела мастером. Рукоприкладство собственное (Ст. Ор. П., № 45936, л. 29).
—	Мыхарин Кондратий	См. Мымрин.
56	Неверов Иван	В 124 г. упоминается в росписи на получение жалованья. Получает 4-й по размерам оклад (Ст. Ор. П., № 38358, л. 5). В 131 г. пожалован сукном за резьбу надписей на гробнице царицы Марии Владимировны (Ст. Ор. П., №№ 36261, 36262). В 139 г. был в дворцовом селе Воздвиженском у каменного плотинного дела. В 142 г. с другими вырезывает слова на гробнице патр. Филарета. В 143 г.—на гробнице ц. Василия Шуйского (Увар., 384). В 143 г. в августе в Твери на постройке Преображенского собора, там же составляет смету на постройку церкви в Жолтикове м-ре (Ст. Ор. П., № 2947, лл. 3, 4, 11 об., 154). Рукоприкладство собственное (ПДСЛ, 1635, № 46). В 145 г. пожалован сукном за работу в Твери (Увар., 384). В 168 г. делал в Оружейной палате двери (Ст. Ор. П., № 6838, л. 2, Гамб., 5).
57	Неверов Роман	В 157 г. послан был в Курск для участия в постройке церкви в Богородицком м-ре (Ст. Бел. Ст., № 288, л. 11327, и № 358, л. 53).
58	Никитин (Микитин) Любим	В 164 г. командирован вместе с другими для оценки каменных лавок кадашевца Б. Леонтьева, отписанных на государя (Ст. Сев. Ст., № 194, л. 45). В 172 г. принимает участие в осмотре палат бояр. Н. Романова (Ст. Ор. П., № 8769, л. 7). По Уварову, 5-й подмастерье (Увар., 383).

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
59	Петров Василий Обрамов	В 177 г. делает «казенку» в Устюжской четверти (ПДСЛ, 1659, № 332, л. 5). См. Абрамов.
60	Огурцов Бажен (Семенов?)	В 132 г. принимает участие в составлении сметы на постройку Можайского города и оттуда отозван в Москву (ПДСЛ, 1625, № 15; Мож. акты, 128). В 133 г. в Успенском соборе разбирает своды и делает их заново, вместе с «немчином» (Головеем) делает колокольницу, затем возвращается на работу в Можайск. В 142 г. «у заводу и указу» в Вознесенском м-ре вместе с С. Белым и у церкви Михаила Маленна. Затем делал церковь Спаса и Ив. Белогородского (там же, Увар., 384; Гамб., 5). В 152 г. 28 августа получил прибавку оклада и сукно за то, что был с Т. Шарутиным «у государевых у дворцовых у новых каменных палат». Расписка за него Р. Иванова (Ст. Ор. П., № 3332). Ср. Семенов Бажен.
61	Охлебинин Давид Львович	В 151 г. разбирал и строил под руководством Ант. Константинова палаты на патриаршем дворе. Назван «кадашевцем каменных дел подмастерьем» (Забелин, Мат., I, 928). В 165 г. вместе с Д. Костоусовым составляет смету на постройку «казенки» в Ор. палате (Ст. Ор. П., № 5805, л. 1—2). В 170 г. производит оценку дома Р. Болдвинова. Рукоприкладство его приемного сына (ПДСЛ, № 29). В 171 г. составлена смета на ремонт окошек, возможно, в той же Оруж. пал. (№ 8729). В 172 г. участвовал в осмотре палат боярина Н. Романова (Ст. Ор. П., № 8769, л. 7; Увар., 384; Гамб., 5).
62	Поярков Томил	В 151 г. работает на патриаршем дворе, строит кузницу.
63	Григорьев Савельев Вавила	Но, повидимому, это—частный подмастерье-подрядчик (Забелин, Мат., I, 932).
63		В 163 г. участвует в оценке дома Р. Болдвинова (ПДСЛ, 1659, № 29). В 164 г. принимает участие в оценке каменных лавок кадашевца Б. Леонтьева (Ст. Сев. Ст., № 194, л. 45). Рукоприкладство Трефила Никитина (Шарутина?). В 168 г. в аптекарском приказе делал окна и двери и под старые своды подводил новые (Увар., 385). В 172 г. принимает участие в осмотре дома боярина Н. Романова (Ст. Ор. П., № 8769, л. 7). По Уварову, 4-й подмастерье (Увар. 385, Гамб., 5). Рукоприкладство вместо него Н. Трефилова (ПДСЛ, 1659, № 29).
64	Семенов Бажен (Огурцов?)	В 124 г.—резец, получал 3-й по размерам оклад жалованья (Ст. Ор. П., № 38358, л. 4). Перед 130 годом послан в Тверь для подготовительных работ по постройке собора (Успенский, Ст. Ор. П., № 1196). Ср. Огурцов.
65	Семенов Тимофей	В 182 г. в октябре вызывается вместе с другими для осмотра конюшенной палаты у Денежного двора (Ст. Ор. П., № 14659, л. 96). Рукоприкладство Я. Шарышина. В 186 г. против него возбуждено судебное дело в непоставке хлеба по заключенному им в 185 г. подряду (ПДСЛ, 1678, № 19, лл. 1—2).

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
66	Серков Кирилл	В 160 г. работает в Кирилло-Белозерском м-ре, но, по-видимому, это—частный подмастерье, а не приказа кам. дел (Никольский, Кир.-Бел. монастырь, стр. 251, прим. 2).
—	Сермяга Григорий	См. Степанов Григорий.
67	Старцев Дмитрий Михайлович	В 179 г. направлен в Архангельск к постройке гостиных дворов. Там после смерти М. Анцина руководит всей постройкой (ПДСЛ, 1670 г., № 109, л. 110). В 187 г. вместе с братом пожалован сукном «за то, что к ево государевым верховым делом подрядил каменщиков, перед иными подрядчики, дешевле». Расписка Е. Мануйлова (Ст. Ор. П., №№ 18001, 18002). В 191 г. составляет сметную роспись на постройку яруса в Троицкой башне, «где быть укальным колесам» (часовым). «И тем де колесам быть на той башне по обе стороны в верхних зубцах. И где ходить колесам доведетца, разломать и сделать вновь столбы и перекинуть над ними кирпичем, где будет указная звезда». Рукоприкладство Ев. Иванова (Ст. Ор. П., № 21436, Уваров, 385). Ср. Михайлов.
68	Старцев Иван Осипов	В 202 г. являлся поставщиком ценных изразцов на Крутицкое подворье. Сын Осипа Старцева (см.). В поручной назван каменных дел подмастерьем, но неизвестно, входил ли он в состав подмастеров приказе (Ст. Пр. Ст., № 1638, л. 32, и № 1701, л. 38).
69	Старцев Осип Михайлович	В 184 г. составляет смету на покрытие черепицей Казенного двора (Ст. Ор. П., № 16012, л. 1). В 185 г. был «у досмотру над каменщико у ц. Спаса Нерукотворенного» (Ст. Ор. П., № 16779). В 187 г. память о пожаловании его сукном за то, что «у каменных дел цены збавил» (Ст. Ор. П., № 17945). О пожаловании его и брата (Ст., № 18002). В 194 г. упомянут в черновике памяти об оценке дома б. Романова (Ст., № 23670). В 195 г. в сентябре производят оценку дома Р. Болдинова (ПДСЛ, 1659, № 29). В 198 г. в январе подает челобитную о пожалов. сукном «за многие службишки и непрерывные работы» (Ст., 27217). Принимает участие в оценке домов А. Безобразова (Роз. дело о Ф. Ш., II, 413—416). Рукоприкладство собственное. В 198—201 гг. строит церкви в Киеве в Братском и Никольском м-рях (Ст. Моск. ст., № 956, л. 267—70). В 201 г. поставляет ценные изразцы «к домовому каменному строенью» митр. Сарского и Подонского (Ст. Пр. Ст., № 1638). В 201 г. послан в Смоленск к церковному и городовому делу (Смол. Пр. Кн., № 33, л. 171—172). В 205 г. послан в Казыкерьмень для осмотра и записи «сколько нужно запасов для постройки каменного города» (Ст. Бел. Ст., № 1608, л. 19, и Разн. Ст., № 139, л. 481). О нем см. статью Ф. Эрнста в журн. «Наше минувле», Киев, 1918 г.
70	Степанов Григорий (Сермяга)	В 180 г. был московским каменщиком (Ст. Смол. Пр., 1673, № 19в); в июне 185 г., пристав приказа (там же). В 188 и 189 гг. упоминается как каменщик (Ст. Ор. П., № 20186). В 193 г., декабрь, в поручной записи по К. С. Мырине назван подмастерьем (Ст. Ор. П., № 45936).

№№	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
71	Терентьев Никита	л. 29). В 195 г. делал на Бархатном дворе два окна. Назван подмастерьем, но в записи о выдаче денег просто: «каменщику Гр. Сермяге с товарищи» (Ст. Ор. П., № 25354). В 166 г. прислан с памятью из приказа кам. дел к окольному В. М. Еропкину (Ст. Ор. П., № 6042, л. 6).
72	Тимофеев Панкрат	В 1651 г. строит в Вологде, вместе с Н. Борисовым, ц. Димитрия Прилуцкого на Наволоке. Назван «Ярославля города каменных дел подмастерье». В состав подмастерьев приказа очевидно не входил (ПДСЛ, 1651 г., № 63, лл. 205—206).
—	Трефилов Никита	См. Шарутин Никита.
—	Тютин Савка Емельянов	См. Емельянов.
73	Ушаков Алексей	В 135 г. работает у Можайского городского дела (Мож. акты, 122—128).
74	Ушаков Ларион Михайлов	В 143 г. работает в Успенском соборе, в 143—144 гг. — в Алексеевском м-ре (Забелин, Мат., I, 925, 42; Уваров, 385). В 145—146 гг. составлял смету с Т. Шарутиным на постройку Разборной палаты в Сиб. прик. (Ст. Сиб. Пр. Ст., № 72, л. 445). В 147 г. поручился по Обр. Максимове (Ст. Ор. П., № 2947, л. 152).
75	Ушаков Михаил	В 132 г. послан в Тверь для подготовительных работ по постройке собора (Успенский, Ст. Ор. П., № 1196, стр. 469). В 135 г. работает в Можайске. Там и умер в июне 135 г. (Мож. акты, 128).
76	Ушаков Потапко	В 146 г. командирован в Сибирский приказ для производства ремонта (Ст. Сиб. Пр., № 72, лл. 445, 447—449).
77	Федоров Томилко	В 124 г. послан в Кашин для сыску каменщиков и кирпичников (Ст. Ор. П., № 38201). В том же году упоминается в росписи на выдачу жалованья. Получает 2-й по размерам оклад (Ст. Ор. П., № 38358). У Гамбурцева неверно имя «Томишко» (стр. 44). Уваров считает его 5-м подмастерьем (385).
78	Филимонов Приезжий	Упоминается в росписи на выдачу жалованья в 124 г., получает максимальный оклад (Ст. Ор. П., № 38358, л. 3, Увар., 385; Гамб., 4).
79	Фомин Матвей	В 147 г. в октябре поручился по Обр. Максимове (Ст. Ор. П., № 2947, л. 152). В 164 г. послан вместе с другими для оценки лавок кадашевца Б. Леонтьева (Ст. Сев. Ст., № 194, л. 45). Рукоприкладство Н. Трефилова.
—	Харламов Иван	Гамбурцев, стр. 4, вероятно, Харитонов. Ср. Уваров, стр. 385.
—	Харитонов Иван	См. Воробей.
80	Шарутин Марк (Иванов?)	В 134—138 гг. работает на патриаршем дворе и в Успенском соборе (Забелин, Мат., I, 21); (Воротин, 915, 916, 921—22, 2122; у Гамбурцева — 5).
81	Шарутин Никита (Трефилов)	В 163 г. производит оценку дома немчина Болдвинова (ПДСЛ, 1653, № 29). В 164 г. его рукоприкладство (Н. Трефилов) на ценовой росписи лавок Б. Леонтьева (Ст. Сев. Ст., № 194, л. 45). В 171 г. производит ремонт у Спаса

№ №	Фамилия и имя	Документы в которых упоминается подмастерье
82	Шарутин Трефил	<p>Нерукотворенного, а «трапезу сделать на ново» (Уваров, 385). В 172 г. принимает участие в смотре палат Н. Романова (Ст. Ор. П., № 8769, л. 7).</p> <p>В 139 г. делал с Константиновым поварню на государственном кормовом дворе (Уваров, 383). В 145—146 гг. составлял смету на постройку разборной палаты Сибирского приказа (Ст. Сиб. Пр., № 72, л. 441). В 146—147 гг. делал в Казани в дев. монастыре ц. Рождества Богородицы (Уваров, 385). В 152 г. пожалован с Б. Огурцовым за то, что был «у дела государевых каменных палат». Расписка Р. Иванова (Ст. Ор. П. № 3332; Уваров, 385).</p>
83	Шарьпин Яков	<p>В 180 г. командирован в Смоленск, но «сбежал» оттуда (Ст. См. Пр., 1673, № 19в). В 182 г. в октябре его рукоприкладство вместо других подмастерьев (Ст. Ор. П., № 14659, л. 96 об.). В 185 г. составлял смету запасов для построек в Смоленске. (Ст. См. Пр., 1673, № 19в).</p>
—	Шипелкин	См. Калинин Иван.

ПОСТУПЛЕНИЯ ДЕНЕГ В ПРИКАЗ КАМЕННЫХ ДЕЛ ИЗ ДРУГИХ ПРИКАЗОВ

Год	Сумма	Из какого приказа	Назначение ассигнования
130	200 р.	Из Владимирской четверти	К московским к разным каменным делам на всякие каменные запасы (Ст. Ор. Пал., № 40480).
131	1 885 р. 30 алт. 5д.	Из Новой четверти	На «поднятие» для часов Фроловских ворот (Ст. Ор. Пал., № 36252), на выдачу жалованья подьячим, подмастерьям и др. служащим приказа (там же, №№ 39251, 39952, 39973), на разные каменные поделки и запасы (там же, №№ 39970, 39962, 39976), на городовые каменные поделки (№ 39966), на Коломенское дело (там же, № 39965), на поделку «худых мест у Белого города, у круглые наугольные башни, что на Васильевском лужку» (там же, № 39959).
132	568 р. 20 алт. 1д.	Из Устюжской четверти	Саввинского м-ря на церковную каменную поделку (Уст. Вел. Кн. Гор., № 7, л. 286), на кирпичное дело в Крутицкие сарай, (там же) для поделки церкви Преображения в Глинищах (там же, 286 об.).
134	2 030 р. 27 алт. ½ д.	Из Устюжской четверти	В Крутицкие и Данил. сарай на кирп. дело (ПДСЛ, 1627, № 52, л. 1, и Гор. кн. по Уст. Вел., № 11, лл. 363—363 об.), «на московские на церковные на самые нужные каменные поделки на каменные запасы» (по Уст. Вел., № 11, л. 362), «на трапезное каменное дело... ц. Благовещения, что у государя на сенех» (там же, лл. 362—362 об.), на новые закоморы в Успенском соборе (там же), в кирпичные сарай и на церковные поделки (там же, лл. 363—363 об.).
135	500 р.	Из Устюжской четверти	На разные поделки, запасы и жалованье (ПДСЛ, 1627, № 52, л. 17, и Кн. по Уст. В., № 12, л. 346).
136	4 880 р.	Из Устюжской четверти	На дрова для кирпичного обжиганья, на известную возку из Мячкова, на заготовку извести, на заготовку камня и глины, на кирпичное дело, на разные поделки (ПДСЛ, 1627, № 52, лл. 98, 99, 159, 164, и Кн. по Уст. В., № 13, лл. 288—290).
137	107 р. 23 алт. 2д.	Из Галицкой четверти	На поделку Воскресенского собора в Кашине (Ст. Ор. Пал., № 1655).
138	37 р. 13 алт. 5д.	Оттуда же	На ту же постройку (там же).
139	1 900 р.	Из Галицкой и Устюжской четвертей	К московским каменным делам (ПДСЛ, 1627, № 52, л. 361), на Посольский двор на поделки и на запасы (ПДСЛ, 1631, № 77, лл. 11, 33, 35), к московским каменным делам (Ст. Ор. Пал., № 1675).

Год	Сумма	Из какого приказа	Назначение ассигнования
141	1 000 р.	Из Устюжской четверти	«На московские разные каменные дела» (ПДСЛ, 1631, № 77, л. 302, и Кн. по Уст. В. № 20, л. 343).
143	3 292 р.	Из Уст. четв. и от Д. М. Пожарского и Гр. Волкова	На каменные запасы, на ремонт Мячковской церкви, на светлицы над Курятными воротами (ПДСЛ, 1634 г., № 35), на запасы и на постройку ц. Спаса Нерукотворенного и Ивана Белгородского (Ст. Ор. Пал., №№ 41209 и 2585).
144	2 600 р.	Из Устюжской четв. и Б. Прихода	К светлицам, что над Курятными воротами, на корм подмастерьям и подвязчикам, которые в Астрахани у городского дела, на жалование разным людем, к разным каменным делам (ПДСЛ, 1635, № 46, и Кн. по Уст. В., № 31, лл. 621—622).
146	300 р.	Из Устюжской четверти	На каменные запасы (ПДСЛ, 1635, № 46).
147	500 р.	Из Устюжской четверти	Кирпичникам за кирпичное дело (ПДСЛ, 1639, № 43).
148	2 010 р.	Устюжск. четв.	На разные дела и к бутовой ломке (ПДСЛ, 1639, № 43).
149	2 202 р.	» »	«Белого города на Васильевском лужку под городовую стену для трубы для водяного стоку», «на всякие расходы, на жалование, на Пушечный двор»; «в Вознесенский девичий м-рь к взрубку на Ердани, на анбарное строение» (ПДСЛ, 1639, № 49).
150	1 441 р. 20 алт.	» »	На кирпичное дело, в Ростовский Богоявленский м-рь на колоколенную главу, на кровлю и черепицу. «Кремля города на взрубленную и каменную поделку, что от Москвы реки» (ПДСЛ, 1641, № 137).
151	900 р.	» »	На разные каменные дела (ПДСЛ, 1641, № 137).
152	640 р.	» »	На кирпичное дело (ПДСЛ, 1641, № 137).
158	1 098 р. 32 алт. 5 д.	» »	«На церковное строенье Кузьмы и Демьяна, что в Кремле против Чудова монастыря, и на колоколенное и папертное дело у ц. Пречистые Богородицы Казанские» и т. д. (Кн. по Уст. В., № 92, лл. 849—849 об.).
159	985 р.	От д. Льва Григорьева	На постройку двух церквей каменных, мерою против старых деревянных церквей муч. Христофора, что у Холопья Приказу «ц-ви царя Константина, что под горою» (Ст. Ор. Пал., № 36444).
174	4 300 р.	Устюжская четв.	«Взаймы» на глинную возку и для «в. г. скорых дел» (ПДСЛ, № 149, л. 1, и Кн. по Уст. Вел., № 159, лл. 16—18 об.).
183	1 000 р.	Из Разряда	На постройку здания Разряда (Ст. Бел. Ст., № 1152, лл. 144—145).
205	3 900 р.	Из Разряда	На постройку дома Лефорта (Ст. Разн. Ст., № 139, лл. 448, 457, 522—23, 528, 588, 596).

Предисловие	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Время возникновения приказа каменных дел по данным документов. Организация каменностроительного дела в XV и XVI вв. Экономический кризис второй половины XVI в. Необходимость привлечения рабочей силы	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. Посады, на которых были проведены мобилизации каменщиков и кирпичников в первые годы существования приказа. Правовое положение записных рабочих. Предоставленные им льготы. Организация заготовки строительных материалов. Каменные постройки XVI в.	29
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Восстановление деятельности приказа каменных дел после Смуты. Увеличение числа посадов, с которых вызывались каменщики в Москву. Строительная деятельность первых Романовых. Число каменщиков и кирпичников на посадах в XVII в.	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Порядок высылки записных каменщиков и кирпичников на работу. Сыск записных рабочих посыльщиками приказа каменных дел. Отправка рабочих в Москву и из Москвы на работу. Записные каменщики и кирпичники на работе. Оплата рабочих. Бегство с работы	66
ГЛАВА ПЯТАЯ. Слободы каменщиков и кирпичников. Торговля и промыслы записных ремесленников. Борьба посада с записными каменщиками и кирпичниками	100
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Квалифицированные рабочие приказа каменных дел. Московские каменщики. Подмастерья каменных дел. Работы, выполнявшиеся ими. Мелкие работы. Составление смет. Постройки. Группы подмастерьев каменного дела по их квалификации. Другие работы подмастерьев. Подмастерья-подрядчики. Другие квалифицированные рабочие приказа каменных дел: подвязчики, обжигальщики. Мячковская волость	125
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Судьи и дьяки приказа каменных дел. Временное прекращение работ приказа и его восстановление. Подьячие приказа, их оклады, работа. Учет рабочих. Производственная деятельность приказа. Присылка денег из других приказов. Финансы приказа в конце века	158
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Недостаточность рабочей силы, находившейся в распоряжении приказа. Привлечение вотчинных и монастырских каменщиков и кирпичников к отбыванию повинности. Обучение стрельцов каменностроительному делу. Развитие торговли и посадов. Развитие подряда в каменностроительном деле. Вольнонаемный рабочий. Переход на подрядный способ производства в казенных работах. Мобилизации эпохи Петра I. Ликвидация приказа. Каменщики и кирпичники при Петре I	180
Приложение № 1. Список подмастерьев каменных дел приказа каменных дел XVII в.	209
Приложение № 2. Присылки денег в приказ каменных дел из других приказов	220

Три рубля

С К Л А Д И З Д А Н И Я
— Р А Н И О Н —
МОСКВА, 19, ВОЛХОНКА, 18

Handwritten:
1902
1912